

www.ifes-ras.ru/js

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**
2016, №1

日
本
研
究

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»
www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издается 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все статьи рецензируются.

Учредители: ИДВ РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://www.ifes-ras.ru/js>

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционная коллегия: Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Корчагина Т.И., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., чл-корр. РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гуревич Т.М., д.культурологии, к.филол.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Кузнецов С.И., д.и.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Нечаева Л.Т., д.пед.н.; Носов М.Г., д.и.н., чл-корр. РАН; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симонова-Гудзенко Е.К., д.и.н.; Симотомаи Нобуо, проф. (Япония); Судзуки Ёсикадзу, проф. (Япония); Шнырко А.А., к.филол.н.; Шодиев Ф.К., к.полит.н.; Шулатов Я.А., к.и.н.

Редакция: Казаков О.И., отв. секретарь; Суркова Т.И., зав. редакцией; Белилина Е.В., редактор русских текстов; Овчинникова Л.В., к.и.н., редактор английских текстов

- Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- E-mail: japanjournal@mail.ru
- Тел.: (499) 124 08 02

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/js/requirements>

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН
© Ассоциация японоведов

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. 2016. №1

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Приветствие врио директора ИДВ РАН С.Г. Лузянина	4
Приветствие главного редактора Д.В. Стрельцова	5
<i>Дацышен В.Г.</i> Советско-японские отношения во время конфликта на КВЖД 1929 г. . . .	6
<i>Тимонина И.Л.</i> Россия – Япония: реальный потенциал экономического взаимодействия	20
<i>Белов А.В.</i> Перспективы японо-российского сотрудничества в области энергетики	32
<i>Казаков О.И.</i> О «хикивакэ» в российско-японских отношениях	47
<i>Тихоцкая И.С.</i> Экологические проблемы в Японии: между прошлым и будущим	59
<i>Кистанов В.О.</i> Япония и Корейский полуостров: текущие проблемы отношений	72
Научная жизнь	
<i>Киреева А.А., Нелидов В.В.</i> О VIII конференции «Российско-японские отношения и перспективы их развития»	82
<i>Сахарова Е.Б.</i> О 18-й конференции «История и культура Японии»	88

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA, 2016, 1

CONTENTS

	P.
Welcoming Address to Readers from IFES RAS Director S.G. Lousianin	4
Welcoming Address to Readers from Chief Editor D.V. Streltsov	5
<i>Datsyshen V.G.</i> Soviet-Japanese relations during the Chinese Eastern Railway conflict in 1929	6
<i>Timonina I.L.</i> Russia-Japan: real potential of economic cooperation	20
<i>Belov A.V.</i> Prospects for Japan-Russia cooperation in the energy field	32
<i>Kazakov O.I.</i> «Hikiwake» in Russian-Japanese relations: Both Sides No Gain	47
<i>Tikhotskaya I.S.</i> Ecological problems in Japan: between past and future	59
<i>Kistanov V.O.</i> Japan and the Korean Peninsula: problems of current relations	72
Academic Events	
<i>Kireeva A.A., Nelidov V.V.</i> The VIII Annual Conference “Russian-Japanese relations and prospects for their development”	82
<i>Sakharova E.B.</i> The 18th Annual International Conference “History and Culture of Japan”	88

Приветствие врио директора Института Дальнего Востока РАН

Уважаемые коллеги и друзья,

Я рад сообщить научному сообществу, что совместными усилиями Института Дальнего Востока РАН и Ассоциации японоведов запускается важный проект – издание электронного журнала «Японские исследования».

Очевидно, что журнал не будет являться узким, специализированным изданием, рассчитанным исключительно на небольшую группу экспертов. Наоборот, идея проекта – подключить к японской проблематике (как в современном, так и в историческом контекстах) максимальное число ученых, журналистов, преподавателей вузов, людей, занимающихся смежными/близкими вопросами к японской тематике. Это могут быть вопросы американо-японских, китайско-японских и других отношений стран АТР и других регионов, так или иначе связанных со страной Восходящего солнца. Это должны быть статьи по российско-японским взаимоотношениям, причем, в самом широком смысле этого слова, включая анализ историко-гуманитарных и культурологических вопросов.

Электронный формат проекта позволяет оперативно и максимально широко доводить интеллектуальную продукцию до читателя. С другой стороны, мы будем рады, если появится обратная связь – отклики и рецензии, а, возможно, и острые дискуссии по поводу опубликованных статей. Нам необходимо мнение людей (и ученых, и просто интересующихся Японией) о написанном, о том, как сегодня в условиях общего обострения международных отношений в мире люди воспринимают Японию и «мир» вокруг нее, как они оценивают то, что происходит внутри страны – в политике, экономике, культуре и пр. Все это необходимо для «оживления» журнала, придания ему облика постоянно развивающегося «организма», впитывающего самые интересные идеи и оценки, как специалистов, так и простых людей.

Итак, символическая «бутылка» разбита о борт «корабля» под названием «Японские исследования», уходящего в бурное море научной публицистики. Мы надеемся, что выдержим бури и грозы нынешних финансовых и административных водоворотов, проложим новые «маршруты» в изучении Японии и сопредельных стран Восточной Азии.

Профессор С.Г. Лузянин

Приветствие главного редактора

Дорогие друзья и коллеги!

Институт Дальнего Востока РАН и Ассоциация японоведов приступают к изданию нового электронного научного журнала «Японские исследования».

Его цель – создать трибуну японоведческого сообщества с целью сохранения академических традиций российского японоведения, более активного распространения публикаций японоведов, работающих в России и за ее пределами, повышения их индекса цитируемости и повышения их реноме. Мы надеемся, что электронное издание станет преемником ранее выходивших журналов в области японоведения: «Японский опыт для российских реформ», «Знакомьтесь – Япония», «Япония наших дней», «Российский японоведческий журнал» и «Японоведение в России».

Журнал будет междисциплинарным – тематика его материалов будет охватывать различные сферы японоведческих исследований, включая политику, экономику, общество, историю, культуру, филологию. Все присылаемые материалы будут рецензироваться, а опубликованные статьи – учитываться в Российском индексе научного цитирования.

В журнале найдут свое отражение значимые события научной жизни в сфере японоведения, включая конференции, семинары и круглые столы. Мы планируем также публиковать рецензии на издания о Японии, периодически выходящие в различных регионах нашей страны.

Надеемся, что среди авторов мы увидим представителей всех регионов и всех научных и учебных учреждений России, где развивается японоведческая наука, включая молодых ученых, для которых публикация в нашем журнале, возможно, станет первой пробой пера.

Профессор Д.В. Стрельцов

Советско-японские отношения во время конфликта на КВЖД 1929 г.

В.Г. Дацышен

Япония и советско-японские отношения в Маньчжурии были важным фактором событий советско-китайского конфликта на КВЖД 1929 г. До настоящего времени данный вопрос остается не исследованным, в исторической литературе чаще всего закрывается пропагандистскими штампами. Летом-осенью 1929 г. именно через Японию поступала в Россию основная информация о событиях в Маньчжурии. Позиции СССР и японского руководства по проблеме КВЖД в основном совпадали. 1929 г. был временем успешного двухстороннего взаимодействия, но не произошло и отказа от курса на свертывание советско-японского сотрудничества.

Ключевые слова: советско-японские отношения, советско-китайский конфликт, КВЖД, Маньчжурия, 1929 г.

В первой половине XX века отношения между Россией/СССР и Японией по поводу Маньчжурии во многом определяли всю систему международных отношений на Дальнем Востоке. Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. был важнейшим событием в международных отношениях той эпохи. События же в Маньчжурии непосредственно влияли на всю ситуацию в русско-японских отношениях. В 1929 г. произошел первый военный конфликт Советского Союза с соседним государством, и это было самое крупное вооруженное столкновение между СССР и Китаем. Можно предположить, что советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. стал важнейшим фактором, обусловившим успех японской агрессии в Маньчжурии в 1931 г. Следовательно, проблема советско-японских отношений в связи с конфликтом на КВЖД является очень интересной и важной.

В первых же публикациях, посвященных проблемам советско-китайского конфликта в Маньчжурии, прямо ставился вопрос: «Кому нужна была харбинская авантюра». И на него давался четкий ответ: «Умеривши аппетиты английского империализма, Америка с тревогой стала посматривать и на японский. Она уже тянется к Северной Маньчжурии, чтобы здесь создать тупик, мешающий росту японского влияния» [1, с. 29]. В советской брошюре по проблемам КВЖД, изданной сразу по окончании конфликта с Китаем, при перечислении виновников конфликта, к каковым были причислены все влиятельные зарубежные державы, было заявлено: «Япония... была заинтересована в конфликтах китайских властей с СССР»

[2, с. 9]. Далее бывший директор Центрального института живых восточных языков и советник в Китае Г.Б. Скалов утверждал: «Стремление империализма спровоцировать СССР на войну, борьба САСШ с Японией за Манчжурию... – таковы основные причины захвата КВЖД» [2, с. 36].

В работах советских пропагандистов и японских коммунистов, массово выходивших в связи с японской агрессией в Маньчжурии с начала 1930-х годов, о проблемах 1929 г. ничего не говорилось [3]. При этом из работы в работу переходил главный тезис: «Вся внутренняя и внешняя политика правящих классов Японии в настоящее время сосредоточена на подготовке нападения на СССР» [4, с. 3]. К концу 30-х годов в советских публикациях появились уже прямые обвинения Японии. В работе, изданной «Партиздатом» в 1938 г., говорилось: «Японская военщина втянула Чжан Сюэ-ляна в 1929 г. в бессмысленную попытку самовольного захвата КВЖД, закончившуюся разгромом захватчиков частями славной Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии. Одно время Чжан Сюэ-лян пытался оказать пассивное сопротивление агрессивным стремлениям японской военщины... Он круто расправился со своим начальником штаба Ян Юй-тином, которого уличил в попытке сговора с японцами за своей спиной» [2, с. 9].

После Второй мировой войны «во всех грехах» обвиняли Америку, и до японцев дело часто не доходило. В 1954 г. в Москве была защищена диссертация по теме «Борьба СССР за мир и дружбу с китайским народом и провал американских империалистов и китайских милитаристов на КВЖД в 1929 году». Диссертант В.П. Кочетов сформулировал в качестве задачи «показать мирную политику Советского Союза на Дальнем Востоке в 1927–1929 гг. и разоблачить провокационную роль американских империалистов в конфликте на КВЖД в 1929 году» [5, с. 1]. О Японии почти ничего не говорилось, за исключением того, что захватническая политика США ущемляла интересы Японии. Данная позиция была закреплена в советской историографии. В многотомной академической «Истории СССР» говорилось: «Империалисты продолжали наращивать вооружения и искали повод пустить накопленные запасы оружия в дело. В 1929 г. они вновь попытались прощупать прочность обороны Советской страны, на этот раз на Дальнем Востоке... Среди внешних сил, стоявших за спиной провокаторов, особенно активны были США, стремившиеся захватить контроль над КВЖД, чтобы использовать дорогу и в антисоветских, и в антикитайских целях» [6, с. 374]. В «Истории Северо-Восточного Китая» 1989 г. издания написано: «Империалистические круги Японии, США, Англии, Франции, опасаясь потерять контроль над КВЖД... подстрекали китайские власти к обострению отношений с советской администрацией дороги... Рассчитывая на поддержку империалистов США, Англии, Франции, китайские милитаристы бросили Советскому Союзу вызов» [2, с. 95–100].

В работах современных исследователей также мало уделяется внимания проблемам советско-японских отношений в связи с конфликтом на КВЖД. В 1996 г. в Институте востоковедения РАН была защищена диссертация Сон До Чжин «Советско-китайский дипломатический конфликт вокруг КВЖД (1917–1931 гг.)», и в ней ничего не говорится о роли Японии в конфликте. Авторы работы «Системная история международных отношений», под редакцией А.Д. Богатурова, утверждают, что конфликт на КВЖД был «первой попыткой вытеснить иностранное присутствие из Китая силой» [7, с. 247]. Ни о каком участии

«империалистов», в том числе Японии, российские международники здесь не пишут. В работе В.Э. Молодякова «Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945)» события советско-китайского конфликта 1929 г. освещаются на восьми страницах, но собственно советско-японским отношениям в них отдано всего полстраницы. Российский японист пишет: «Во время конфликта Япония заняла позицию благожелательного нейтралитета в отношении СССР... В конце июля Сидехара предложил Трояновскому посредничество в разрешении конфликта. Полпред разговор поддержал и сообщил о нем в Москву, за что получил выговор от Политбюро» [8, с. 351].

В 2007 г. российские академические институты подготовили сборник документов «Москва–Токио», в котором «представлены материалы, показывающие, как в сложной международной обстановке на Дальнем Востоке складывались и развивались отношения между Советским Союзом и Японией» [9, с. 5]. Однако в предисловии не упоминаются проблемы двухсторонних отношений в связи с КВЖД, а в хронологии представленных документов отсутствует период собственно советско-китайского конфликта, следом за документом от 19 июня 1929 г. (по рыболовному вопросу) идет документ за 6 декабря 1929 г. (по рыболовному вопросу) [9, с. 292–294]. Но судя по составленному известным японским международником Инаба Чихару каталогу документов АВПРФ «Советско-японские отношения», в его фондах много документов по 1929 г., в том числе и по проблемам КВЖД во время вооруженного конфликта, например, «Беседы М.М. Литвинова с послом Японии о военных событиях в Маньчжурии» [10, с. 111].

Формат последней обобщающей совместной российско-японской работы «Российско-японские отношения» [11] также не позволил осветить вопросы истории советско-японских отношений в Маньчжурии в 1929 г. Таким образом, в российской историографии проблема советско-японских отношений в связи советско-китайским конфликтом на КВЖД остается почти не исследованной. Следовательно, перед историками стоит задача восстановить картину советско-японских отношений в 1929 г., выявить и проанализировать проблемы отношений между двумя странами и народами в связи с советско-китайским конфликтом на КВЖД. Отчасти решению этих задач посвящена данная статья.

К лету 1929 г. международная ситуация вокруг Маньчжурии изменилась. Власть в Китайской Республике захватил Чан Кайши, порвавший отношения с СССР и коммунистами, столица была перенесена в Нанкин. Был убит лидер Маньчжурии Чжан Цзолинь, и регион возглавил его сын Чжан Сюэлян, признавший власть Гоминьдана. СССР вступил эпоху радикальных преобразований, известных как «Великий перелом». В Японии в начале июля 1929 г. сменилось правительство. Новое правительство во главе с Ю. Хамагути взяло курс на сокращение военных расходов и улучшение отношений с Китаем. Советско-китайские противоречия вокруг КВЖД принимали все более непримиримый характер, конфликт следовал за конфликтом. Российские историки справедливо отмечают: «Во время советско-китайского управления КВЖД в 1924–1935 гг. дорога являлась источником постоянных конфликтов... Китайская сторона так и не смогла на деле смириться с совместным с Советским Союзом владением дорогой...» [12, с. 276].

В сложившейся в конце 1920-х годов ситуации Японии, владевшей железной дорогой в Южной Маньчжурии, в целом, было выгодно сохранение статус-кво. Японский дипломат Мори Кодзо на встрече с Г.В. Чичериным в феврале 1928 г. заявил: «Для ЮМЖД и для интересов японцев необходимо, чтобы КВЖД функционировала правильно, а это может быть сделано лишь при том условии, если русские там останутся в таком же положении. Как теперь, ибо один Чжан Цзолинь только разрушит ж. д. и больше ничего, чем принесет величайший вред японским интересам. Надо поэтому связать интересы СССР и интересы Японии для того, чтобы в случае посягательств Чжан Цзолиня на КВЖД Япония сказала «нет». Таким случае Чжан Цзолинь не посмеет этого сделать» [9, с. 243]. 31 января 1929 г. Гото Симпэй заявил отъезжающему в Москву И.М. Майскому: «Нас очень волнуют слухи о том, что СССР собирается вернуть Китайско-Восточную железную дорогу Китаю» [9, с. 276].

Однако взаимный интерес не исключал множество проблем и противоречий, существовавших между Советской Россией и Японией, в том числе и по Маньчжурии – конкурентная борьба между двумя железными дорогами, противостояние двух идеологий, исторические обиды и претензии и т.д. Типичная ситуация: то в Сообщении ТАСС говорилось, что Дайренский японский офицоз «Мансю-Ниппо» в номере от 8 июня напечатал статью, озаглавленную «Советское правительство замышляет захват КВЖД» [9, с. 251–252]; то в июле 1929 г. в газете помещается фотография – «Японская делегация Южно-Маньчжурской ж. д., приехавшая на ДВ в ответ на визит правления Уссурийской жел. дор.» [13, 1929, 21 июля].

Развитие советско-китайского противостояния в Маньчжурии привело к захвату китайскими властями КВЖД. В подписанной заместителем наркома иностранных дел Л.М. Караханом дипломатической ноте от 13 июля 1929 г. говорилось: «10 июля утром китайские власти произвели налет на КВЖД и захватили телеграф по всей линии, прервав телеграфное сообщение с СССР... Дубань дороги Люй Чжунхуан предъявил управляющему КВЖД Емшанову требование передать управление дорогой другому лицу, назначенному дубанем... По всей КВЖД закрыты и разгромлены профсоюзы и кооперативные организации рабочих, арестовано более двухсот граждан СССР...» [14, с. 5]. Газеты в подробностях сообщали историю отъезда управляющего КВЖД А.И. Емшанова из Маньчжурии: «При высылке советских сотрудников присутствовали представители германского, японского, американского и польского консульств и японского Ю.-М. ж. д.». [15, 1929, 18 июля]. Таким образом, с самого начала конфликта японские представители следили за ситуацией и действовали совместно с представителями стран Запада.

С первых дней советско-китайского конфликта на КВЖД Япония стала главным «информационным посредником». 12 июля 1929 г. Полномочный представитель ОГПУ по Дальневосточному краю направил в Далькрайком ВКП(б) телеграмму о том, «что в японской прессе объявлено о переходе КВЖД в руки китайских властей, управляющий КВЖД А.И. Емшанов и его помощник А.А. Эйсмонт высылаются из Китая» [16, с. 40]. Через Токио ТАСС получал основную информацию. Уже 20 июля в советских газетах была напечатана такая информация: «ТОКИО, 18 (Тасс). Мининдела китайского правительства Ванчжентин... дал в Циндао интервью корреспонденту газеты "Ници Ници". Ван Чжен-тин заявил, что

национальное правительство не намерено разрешить вопрос о КВЖД силой. Оно желает сохранить дружественные отношения с СССР...» [17, 1929, 20 июля].

В развернувшейся в СССР политико-пропагандистской кампании главным виновником советско-китайского конфликта называли «империалистические страны». В «Резолюции общегородского собрания восточных рабочих, принятой единогласно 29-го мая 1929 года» говорилось: «Мы, восточные рабочие города Читы, выслушав информационное сообщение о событиях в Харбине – налеты на Советское Консульство и т.д., категорически протестуем против наглых действий Китайских реакционеров, лакеев империализма... Неоднократные налеты на Советские учреждения, аресты и издевательства над советскими гражданами, чинимые китайской бандой, руководящей Английским и Японским империализмом, для того, чтобы провоцировать советское правительство на войну...» [18, Ф. Р-474. Оп.1. Д. 374. Л. 127].

Пропагандистская кампания проводилась посредством советских газет. В августе 1929 г. была помещена статья «Карты империалистов раскрыты. Член правления КВЖД тов. Макаров в этой статье раскрывает все махинации империалистов, направленные к захвату КВЖД». О Японии автор данной статьи говорит в последнюю очередь, после Англии, США и Франции. Однако «планам Японии» уделено много внимания: «Наибольшие империалистические интересы в Маньчжурии имеет Япония... Япония все больше и больше распространяет свое влияние на Советскую Маньчжурию, где растет активность японского капитала во всех областях хозяйственной жизни... КВЖД... являлась сильнейшей помехой японскому проникновению... Японские реакционные круги на Южно-Маньчжурской ж. д. проявляли поэтому неизменно враждебное отношение к деятельности советских организаций в Маньчжурии и использовали свое влияние для обострения отношений между советскими и китайскими представителями на дороге и подогревании антисоветских настроений в китайской военщине. Однако Японии приходится чрезвычайно опасаться проникновения американского капитала... Япония вынуждена занимать позицию противодействия планам интернационализации дороги, надеясь на захват ее исключительно собственными силами...» [17, 1929, 25 августа].

Архивные документы указывают на то, что советские пропагандисты в 1929 г. в числе «виноватых империалистов» Японию, как правило, не называли. Крестьяне села Усть-Када Иркутского округа писали консулу Китайской Республики в Иркутске в связи с конфликтом 1929 г.: «Ваше правительство является штабом китайских контрреволюционеров, агентом английского кабинета политических проституток и сторожевым псом англоамериканского капитала» [19, Ф. 16. Оп. 1. Д. 1225. Л. 117]. О Японии не говорилось даже в «Резолюции о состоянии работы и задачах Китайской секции при ОК ВКП(б)» [19, Ф. 16. Оп. 1. Д. 1478. Л. 27]. И это при том, что с 1918 г. на всех политических акциях китайцев в СССР упоминание агрессивности Японии было обязательным. В распространяемом в Советском Союзе «Воззвании ЦК Китайской Компартии – к рабочим и угнетенным массам всех капиталистических стран и колоний. К пролетариату и крестьянству СССР» говорилось: «Китайское гоминьдановское правительство... под диктовку империалистов оно пошло и на провокацию войны против СССР, насильственно захватив К.-В.-ж.д. и мобилизуя свои войска на границе... оно готово проводить все предначертания международного

империализма, проводящего политику окружения СССР... Единому фронту империалистов, китайской реакции и международной социал-демократии мы должны противопоставить единый фронт революционной солидарности с СССР» [18, Ф. П-71. Оп. 1. Д. 468. Л. 8]. Таким образом, коммунисты СССР и Китая продолжали пропагандировать идею «мирового империалистического заговора» против СССР, однако в бесконечных памфлетах не только ничего не говорилось о Японии, но и вообще не приводилось никаких примеров. В конце ноября «Правда» поместила подборку сообщений под рубрикой «Империалисты ищут повода к выступлениям против СССР». В них говорится, что США и европейские державы «хотят руку приложить к К.-В. ж. д.» [20, 1929, 29 ноября], однако Япония среди потенциальных агрессоров не упоминалась.

Согласно материалам советских СМИ в 1929 г. в Маньчжурии имела место схожесть проблем и общность средств и методов их решения для СССР и для Японии. В опубликованной в ежедневной газете политического управления Сибирского военного округа «Красноармейская звезда» статье «Столкновение японских частей с китайской полицией» говорилось: «По сообщениям японских газет, 13 сентября во время японских маневров близ Чанчуня японские части были обстреляны китайской полицией. В ответ на это японцы арестовали начальника Чанчуньской полиции и 26 полицейских. Японцы требуют, чтобы чанчуньская полиция извинилась и представила объяснения в письменном виде японской жандармерии и обещала бы, что подобные инциденты не повторятся. Японцы также предупреждают, что будут впредь расстреливать нападающих на месте» [21, 1929, 18 сентября].

В ходе советско-китайского конфликта в советских газетах появлялись сообщения о сотрудничестве антисоветского китайского руководства КВЖД с японцами. В октябре 1929 г. газета «Правда» поместила сообщение ТАСС из Токио под названием «Подготавливают сделку с японскими империалистами»: «Из Харбина от 9-го сообщают: управление К.-В. ж.д. подготавливает снижение тарифов на грузы, направляемые с конечных станций западной и восточной линий на Дайрен» [20, 1929, 12 октября]. Появлялись в прессе сообщения и о недружественных актах со стороны Японии по отношению к СССР. Например, 12 октября 1929 г. газета «Известия» опубликовала материал «Японский банк выдал советские деньги белогвардейцам», подчеркнув, что «в СССР по достоинству будет оценен этот неслыханный акт» [22, 1929, 12 октября].

Иногда советские газеты печатали сообщения из Японии и сразу же их опровергали. 27 сентября газета «Известия» опубликовала сообщение о том, что японский министр иностранных дел на заседании кабинета министров 24 сентября заявил, что между советским и Нанкинским правительствами происходили тайные переговоры, но после публикации советской стороной проекта соглашения переговоры были немедленно прекращены. И сразу же «Известия» опубликовали «Опровержение японского правительства», заявив что такого факта не было.

В целом, Япония поддерживала Советский Союз в его позиции и действиях по отношению к конфликту на КВЖД. В советских газетах было напечатано «Заявление японского мининдела»: «ТОКИО, 18 (Тасс). Представитель японского мининдела в интервью с корреспондентом Тасс категорически опровергает слухи, будто японское правительство

предлагает обратиться к Лиге Наций в связи с конфликтом на КВЖД. Представитель добавил, что это дело в настоящее время касается только СССР и Китая, и никакая третья сторона не имеет оснований вмешиваться в конфликт» [17, 1929, 20 июля].

Японская позиция по поводу конфликта на КВЖД привела к тому, что в Москве заметно смягчили оценки японских лидеров. В начале октября 1929 г. в советских газетах было напечатано сообщение из Токио «Скончался бывший премьер Японии Танака». Об одном из наиболее консервативных и агрессивных японских политиков осенью 1929 г. в СССР писали очень сдержанно: «Танака. Бывший генерал, военный министр в правительстве Хаара, организовавшем интервенцию в Сибири, в бытность свою премьером правительства вынужден был, под давлением экономических интересов страны, пойти на сближение с СССР» [17, 1929, 2 октября].

Следствием развития конфликта на КВЖД было некоторое сближение Советского Союза и Японии, расширение масштабов сотрудничества. В работе В.Э. Молодякова приводится такой пример: «29 августа, в разгар конфликта, Наркомат путей сообщения через НКВД и советское посольство в Токио обратился к Министерству железных дорог с просьбой о содействии в реконструкции линии Москва–Казань "по методам, применяемым в Японии", и об откомандировании в СССР нескольких специалистов в качестве советников. Японцы охотно откликнулись, и между заинтересованными инстанциями началась переписка» [8, с. 351]. Здесь необходимо отметить, что еще в мае 1929 г. японский консул в Новосибирске К. Накамура попросил у руководства Сибирского края полную информацию о механизмах работы и состоянии транспорта с целью использования сибирского опыта при модернизации транспортной системы в Японии. Однако в Новосибирске порекомендовали японцам обратиться к опубликованным материалам [23, Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 14. Л. 11-12].

1929 г. стал временем успешного развития торгово-экономических отношений между Советским Союзом и Японией. В газетном интервью торгпред П.В. Аникиев сказал: «Наш торговый оборот за четыре года работы торгпредства показывает сильный рост... в 1927–28 году вырос до 29.639.000 иен и в минувшем году – до 36.887.000 иен... Импорт из Японии в этом году достиг суммы в 15.122.566 иен, с увеличением против прошлого года на 49 проц.» [24, 1930, 7 января]. В японском «Экономическом вестнике» за 1 января 1930 г. говорилось: «На днях в порт Симизу пришел первый советский пароход «Арика», принадлежащий Совторгфлоту. После погрузки чай будет перевезен сначала в порт Владивосток, а затем перевезен в порт Одессу. В связи с разрывом советско-китайских отношений и перенесением части заказов СССР из Китая в Японию в текущем году значительно увеличился советский заказ в Японии на японский зеленый чай, который в этом году достиг в количественном отношении партии в 2 800 000 паундов, что в ценностном выражении составит 1600000 иен, ровно в 2 раза больше чем в прошлом году» [25, 1930, 1 января]. В архивных фондах сохранилась «Телеграмма в ЦК ВКП(б) и тов. Микояну о разрешении импортировать из Японии 200 тыс. пудов муки для снабжения Камчатки, Сахалина и Николаевска» [26, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 63].

Несмотря на видимую общность интересов между СССР и Японией, в 1929 г. руководство Советского Дальнего Востока продолжало политику вытеснения японского труда и сохранения китайского труда на советской территории. Во второй половине 1929 г.

Дальневосточный Крайком ВКП(б) принимал решения о мерах по «прекращению утечки китрабочих» [26, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 60]. Но при этом Далькрайком также констатировал, «что постановление Политбюро о замещении японской рабсилы русскими работниками хозорганами не выполнено» [26, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 73]. Осенью 1929 г. Далькрайком ВКП(б) решил: «Поручить фракции ДКИК и Сахалиннефть немедленно поставить перед Москвой вопрос о прекращении после выполнения договора в связи с погашением займов 1 000 000 млн, продажи нефти японцам, а продажи ее американцам или через Нефтесиндикат на другие рынки» [26, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 67]. 22 января 1930 г. в главной газете Дальневосточного края было опубликовано интервью японского министра иностранных дел корреспонденту ТАСС, в котором, в частности, говорилось: «Я твердо убежден, что отношения между обоими государствами должны быть непременно дружественными. К счастью, в течение последних пяти лет, вплоть до сегодняшнего дня, возобновленные отношения привели к усилению дружбы, и сейчас я желаю дальнейшего, все большего укрепления дружбы между обоими государствами» [24, 1930, 22 января].

На протяжении всего времени советско-китайского вооруженного конфликта Япония оставалась для советского народа главным источником информации о событиях на КВЖД. Сообщения ТАСС из Токио печатались на первой полосе главной советской газеты «Правда»: «ТОКИО, 29 сентября. (ТАСС). По сообщениям из Харбина, случаи избиения железнодорожников – советских граждан продолжаются...»; «Токио, 29 сентября (ТАСС). Председатель китайского коммерческого общества на ст. Маньчжурия сделал сотрудникам харбинской печати следующее заявление...» [20, 1929, 1 октября]. На первой полосе газеты «Правда» за 2 октября информация о конфликте была собрана под рубрикой «В застенках китайских палачей». Здесь, например, было представлено шесть сообщений из Токио, два из «Пейпина» и одно из Вашингтона. В некоторых номерах газеты все сообщения о событиях конфликта были из Токио.

На первых страницах сибирских газет была похожая картина: «Москва, 16. Из Токио и Харбина сообщают: «В один день арестовано и выслано 166 советских граждан, без предъявления им обвинения, в том числе не имеющих отношения к КВЖД... Аресты идут по всем районам и не поддаются никакому учету» [27, 1929, 17 августа]; «Токио, 19. Газеты сообщают: «13 августа в Маньчжурии арестовано 1500 советских граждан. В Харбине арестовано 400, в Хайларе – 200, на станции Пограничная – 160, на станции Маньчжурия 125 ч.» [27, 1929, 21 августа]; «Токио, 30. В Джалайноре, близ станции Маньчжурия, казнены четверо советских граждан, за то, что они случайно прикоснулись к военным проволочным ограждениям» [27, 1929, 31 августа]. В газете «Красноярский рабочий» за 26 сентября 1929 г. было напечатано сообщение из Токио: «Недавно Сумбей посетил руководитель местного христианского союза молодежи – американец, который после этого заявил журналистам, что подобного рода лагеря нельзя найти ни в одной культурной стране...» [17, 1929, 26 сентября].

Материалы на первых страницах газет зачастую начинались так: «ТОКИО. 20 (Тасс). По сообщению газеты «Симбун Ренго»» [17, 1929, 21 августа]. Иногда возникала парадоксальная ситуация, когда в советских газетах сообщения из советских городов печатали как сообщения из Токио: «ТОКИО. 13. По сообщениям из Хабаровска, 10 октября на рассвете банда белых, многие из которых были в китайской форме, напали на селение...»

[17, 1929, 15 октября]. Под рубрикой «Зверства китайских белобандитов не знают конца» в газете «Красноярский рабочий» было помещено четыре материала, в том числе два сообщения из Токио: «Избиения советских граждан продолжаются» и «Свыше тысячи советских граждан – в китайских застенках» [17, 1929, 3 октября]. В другом номере этой газеты, под рубрикой «Расправа, а не суд», о судебном процессе над 38 советскими гражданами в Харбине, все сообщения были из Токио [17, 1929, 9 октября].

Советские газеты печатали сообщения японских информационных агентств, указывающие на попытки китайских властей мирно урегулировать советско-китайский конфликт. Газета «Известия» печатала такой материал: «Токио, 23 октября. (ТАСС) По сообщению аг. «Симбун-Ренго» из Мукдена, мукденские лидеры, совещающиеся настоящее время в Мукдене, склоняются к тому, чтобы начать независимо от нанкинского правительства переговоры по вопросу о КВЖД» [22, 1929, 24 октября]. Однако накануне наступательных операций Красной Армии в Маньчжурии именно со ссылкой на японцев советские газеты писали о «китайской военной опасности». В октябре 1929 г. газеты писали: ««Токио. 20. По сообщению Симбун Ренго, китайские военные власти стягивают силы к Фуцзину и крепости Лахасу, перебрасывая туда гириинские войска. Уже переброшено 10 аэропланов и 9 канонерок» [17, 1929, 22 октября]. Со ссылкой на «японскую военную миссию в Северной Маньчжурии», правда, переданную корреспондентом американского издания, советские газеты накануне Мишаньфуской и Маньчжуро-Чжалайнорской наступательных операций сообщили о подготовке «китайского вторжения» на советскую территорию, «в направлении на Владивосток» [22, 1929, 17 ноября]. Например, «Правда» напечатала сообщение «Военные планы Мукдена» следующего содержания: «ШАНХАЙ, 16 ноября. (ТАСС). Харбинский корреспондент «Чайна Уикли Ревью» (американский орган) телеграфирует, что, по утверждению японской военной миссии в Северной Маньчжурии, мукденцы усиленно готовятся к наступлению и вторжению на советскую территорию. Японский представитель заявил корреспонденту «Чайна Уикли Ревью», что китайцы тайно готовят вторжение, по всей вероятности, в направлении на Владивосток...» [20, 1929, 17 ноября].

Место Японии как источника информации сохранилось и после урегулирования конфликта. В качестве «Сообщения из Токио» была напечатана новость: «По распоряжению Чжан Сюэ-ляна, принята отставка китайского управляющего КВЖД Фан Цзи-гуя, назначенного на эту должность после захвата дороги китайцами. Фан Цзи-гуань назначен членом правления дороги» [24, 1930, 3 января]. Через Токио пришло и сообщение об освобождении советских граждан из концлагеря в Харбине [24, 1930, 7 января].

Публикации в советских СМИ создавали ощущение симпатий японцев к советской стороне, пострадавшей в ходе конфликта с китайскими властями в Маньчжурии. В октябре 1929 г. газета «Правда» поместила сообщение ТАСС из Токио под названием «Китайский застенки в описании буржуазного журналиста»: «Корреспондент японской газеты “Харбин Ници-Ници”, посетивший Сумбейский лагерь, рисует следующую картину жизни заключенных в лагере: “Помещения лагеря разрушены. Специально ввиду нашего приезда для заключенных готовился борщ... Человеческие чувства, – заявляет в заключение

корреспондент японской газеты, – не могут пройти мимо ужасов Сумбейского лагеря, в котором томится столько заключенных» [20, 1929, 15 октября].

После разрыва дипломатических отношений между СССР и КР интересы Китая в Сибири и русских в Маньчжурии представляли консульские учреждения Германии. Однако китайцы обращались за посредничеством и к японским представителям. На советско-китайской границе активным участником событий стало открытое еще в июне 1922 г. консульство. Первым возглавил это консульство Танака Итиро. Именно И. Танака и стал первым посредником на переговорах о прекращении военных действий в Маньчжурии. В Оперативной сводке №23 Особого отдела Особой Дальне-Восточной Армии. По состоянию на 21 ноября 29 говорилось: «20-го ноября в 9 часов утра на 86-й разъезд прибыли 3 сотрудника Японского Консульства в Маньчжурии и сообщили, что генерал Лян прибыл в Японское Консульство и попросил посредничества для сдачи гарнизона Маньчжурии в силу отказа китвойск сопротивляться натиску Красной Армии. Секретарю Японского Консульства в 10 часов этого же дня было предложено выехать обратно в Маньчжурию и передать Ляну: «Немедленно поднять в Маньчжурии белые флаги, прибыть на 86-й разъезд...». (Переговоры с Японскими представителями вело командование 21-й Дивизии)» [26, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 167. Л. 42]. Китайский исследователь так описал эти события: «Командир 15-й бригады Северо-восточной сухопутной силы Лян Чжунцзя срочно приехал в японское консульство и попросил японского консула Тяньчжун вмешаться. После того, как Тяньчжун приехал в пункт Сяочжань в штаб советской армии для разъяснения причин, войска двух стран пришли к мирному соглашению» [28, с. 110].

Там, где это было возможно, в 1929 г. в Маньчжурии японские представители действовали совместно с представителями других стран. В «Разведсводке штаба ОДВА №158 от 14 декабря 1929 г.» отмечалось, что «особым данным войск разведки 13 декабря двт по КВЖД отправился специальный поезд коллегией иностранных консулов составе 18 человек том числе английский германский французский американский японский для осмотра КВЖД» [26, Ф. П-2. Оп. 1. Д. 167. Л. 175].

Участие Японии в событиях в Маньчжурии в 1929 г. было обусловлено еще одним фактором – наличием японского населения в охваченном конфликтом регионе. Если в 1904 г. в Китае, включая Маньчжурию, проживало 8,5 тыс. японцев, то в 1925 г. их было почти 225 тыс., что составляло более трети всей японской зарубежной миграции [29, с. 5]. Больше всего японцев в Северной Манчжурии проживало в Харбине. Однако значительная диаспора сложилась в районе станции Маньчжурия. Вдоль железной дороги от Маньчжурии до Хинганского хребта в июне 1929 г. проживало 264 японца, далее на восток вдоль дороги проживало 129 японцев, на станции Аньда было 72 японца, в поселке при станции Цицикар – 32 японца и т.д. [30, с. 30–32]. Японские мигранты в 1929 г. проживали и в других приграничных с Россией районах Маньчжурии, например, на Амуре. Исследователи писали: «Японцев в Сахалине до 50 человек. Большинство из них состоятельные люди. Имеют в городе какие-либо мелкие предприятия, как-то: парикмахерскую фотографию, аптекарский магазин, гостиницу и т.д. Эта группа населения самая сплоченная» [31, с. 73].

Действия Красной Армии в районе Маньчжурия-Чжалайнор и карательные акции в Трехречье стали трагической страницей в истории русской эмиграции. У японцев,

традиционно, искали защиту от большевиков русские эмигранты и антисоветски настроенные китайцы. Это подтверждается Оперативной сводкой Особого отдела Особой Дальне-Восточной Армии за 20 ноября 1929 г., в которой: «Агданным японский врач скрыл до 20 белых и китофицерров (будут «дипломатично» изъяты). Чекистская группа приступила к работе с момента занятия Далайнора» [26, Ф. П-2, Оп. 1. Д. 167. Л. 41]. Вскоре именно неспособность китайских войск защитить русских эмигрантов от большевистских репрессий стала важнейшим аргументом японских агрессоров, позволившим привлечь на свою стороны симпатии большинства русской эмиграции в Маньчжурии.

После окончания боев встал вопрос о компенсациях для пострадавших японских подданных. В Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 декабря 1929 г. говорилось: «Разрешить т. Литвинову обещать японскому послу удовлетворение и компенсацию в связи с убитыми в Маньчжурии японцами, если будет установлена ответственность органов советской власти в данном случае» [9, с. 303]. Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) поручил советскому консулу в городе Маньчжурия выяснить размер убытков. Консул В.В. Смирнов подписал с И. Танакой «протокол, устанавливающий следующие бесспорные претензии: 1. Расходы на лечение раненого японского гражданина Иоситаки – в размере 1950 иен. 2. Убытки владельца японской гостиницы, пострадавшей от бомбардировки – в размере 1890 иен. 3. Небольшие разрушения в результате артиллерийского огня в здании японского консульства – 87 иен и 34 мекс доллара» [9, с. 253–254]. Претензии же японцев были гораздо значительнее: компенсации раненому японцу за утрату трудоспособности, «2) Компенсировать в порядке «утешения» родственников убитой японки Фудзи Иодзакэ – 10 000 иен. 3) За пропажу разного имущества японских граждан, якобы увезенного нашими войсками, уплатить различным японским гражданам около 2500 иен» [9, с. 254]. Л.М. Карахан написал по этому поводу И.В. Сталину: «Я полагаю, что нам не следует затевать больших споров по этому вопросу, тем более, что японские претензии оказались довольно скромными и яп пра по своей инициативе значительно урезало те чрезмерные претензии, с которыми к нему первоначально обратились японские резиденты» [9, с. 254–255]. Советский лидер, вероятно, согласился с доводами своего старого соратника, и, согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б), 16 апреля 1930 г. Совнарком СССР выделил 21,5 тыс. иен для компенсации пострадавшим от действий советских войск в Маньчжурии японским гражданам.

Приведенные выше факты указывают, что в 1929 г. Япония проводила сдержанную и взвешенную политику в Маньчжурии. Однако есть основания полагать, что командование Квантунской армии использовало советско-китайский конфликт на КВЖД для активизации подготовки своих будущих захватов в Маньчжурии. Монгольский исследователь Ц. Батбаяр, опираясь на японские документы, указывает: «Свой первый поход оперативных действий офицеры штаба Квантунской армии начали 3 июля 1929 года и в течение 12 дней продолжали его на направлении Порт-Артур–Мукдэн–Харбин–Хайлар. В походе отрабатывали план захвата Харбина, а также план взятия и обороны Хайлара... В июле 1929 г. Ишивара разработал так называемый план подчинения Маньчжурии и Монголии (по-японски – Кантогун МанМо рею кэйкаку)» [32, с. 67].

Таким образом, советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. стал важным событием в истории Японии и советско-японских отношений. Японское присутствие в Маньчжурии, взвешенная политика японского правительства во многом обусловили имевшие место события в регионе. Однако успешное советско-японское взаимодействие 1929 г. не остановило наметившийся процесс свертывания двусторонних отношений, а советско-китайский вооруженный конфликт усилил, вероятно, позиции японских милитаристов, нацеленных на агрессию в Китае.

Список литературы

1. Алексеев И. Что происходит на КВЖД. Хабаровск: «Книжное дело», 1929. 43 с.
2. Скалов Г. КВЖД. Империализм и китайская реакция в событиях на КВЖД М.–Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1930. 63 с.
3. Дашинский С. Япония в Маньчжурии. М.: Партиздат, 1932. 52 с.
4. Окано. Революционная борьба трудящихся масс Японии. М.: Партиздат, 1934. 30 с.
5. Кочетов В.П. Борьба СССР за мир и дружбу с китайским народом и провал американских империалистов и китайских милитаристов на КВЖД в 1929 г. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГПИ, 1954. 16 с.
6. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VIII. М.: «Наука», 1967. 727 с.
7. Системная история международных отношений в четырех томах 1918–2000 / под ред. А.Д. Богатунова. Т. 1. М.: Московский рабочий, 2000. 516 с.
8. Молодяков В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945): историческое исследование. М: АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. 447 с.
9. Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Сб. документов. В 2 кн. / отв. ред. акад. Г.Н. Севостьянов. Кн. 2. 1926–1931. М.: Наука, 2007. 460 с.
10. Инаба Чихару. Советско-японские дипломатические отношения (1917–1962 гг.), каталог документов (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации). Токио: Наука Лтд, 1996. 541 с.
11. Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография / под общ. ред. акад. А.В. Торкунова и проф. М. Йокибэ; научн. ред.: проф. Д.В. Стрельцов, доц. С.В. Гришачев, проф. Н. Симотомаи. М.: МГИМО-Университет, 2015. 1024 с.
12. Аблова Н.Е. КВЖД в международных отношениях и истории российской эмиграции в Китае (к 110-летию дороги) // Раздвигая горизонты науки. К 90-летию академика С.Л. Тихвинского. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 270-285.
13. Забайкальский рабочий.
14. Федюнинский И.И. На Востоке. М.: Воениздат, 1985. 224 с.
15. Советская Сибирь.

16. Из истории взаимоотношений и сотрудничества России и Китая на Дальнем Востоке (1860-2008): тематический аннотированный перечень документов Государственного архива Хабаровского края. Хабаровск: Издательский дом «Частная коллекция», 2009. 208 с.
17. Красноярский рабочий.
18. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК).
19. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО).
20. Правда.
21. Красноармейская звезда.
22. Известия.
23. Государственный архив Новосибирской области (ГАО).
24. Тихоокеанская звезда.
25. Экономический вестник. Издание японского торгового музея в г. Харбине.
26. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК).
27. Власть труда.
28. Ван Тэцяо (王铁樵). 100 лет Маньчжурии. В ознаменование 110-летней годовщины со дня рождения города Маньчжурия (1901–2011 гг.) Хулунбуэр: Изд-во «Культура Автономного района Внутренняя Монголия», 2011. 452 с.
29. Авдощенко А.Я. К вопросу о перенаселенности Японии // Вестник Маньчжурии. 1929, № 7–8.
30. Кормазов В.А. Движение населения в районе Западной линии Кит. Вост. жел. дор. (Участок ст. Бухэду – ст. Дуйциншань) // Вестник Маньчжурии. 1930. № 5.
31. Кормазов В. Северная окраина Хэйлунцзянской провинции (Китайское Приамурье) // Вестник Маньчжурии. 1929. № 6.
32. Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2002. 229 с.

Поступила в редакцию 14.02.2016

Автор:

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета. E-mail: dazishen@mail.ru

Soviet-Japanese relations during the Chinese Eastern Railway conflict in 1929

V.G. Datsyshen

Japan and Soviet-Japanese relations in Manchuria were an important factor in the development of the Sino-Soviet conflict on Chinese Eastern Railway in 1929. Till present time there hasn't been enough research on this issue and in the historical literature it is most often treated with propaganda clichés. During summer-autumn of 1929 main information about the events in Manchuria was provided to Russia through Japan. The positions of the USSR and Japanese leadership on the issue of Chinese Eastern Railway mostly coincided with each other. 1929 was a time of successful bilateral interaction, however, both sides followed the course of further curtailment of Soviet-Japanese cooperation.

Keywords: Soviet-Japanese relations, Sino-Soviet conflict, Chinese Eastern Railway, Manchuria, 1929.

Author:

Datsyshen Vladimir G., Doctor of Sciences (History), Professor, Siberia Federal University.
E-mail: dazishen@mail.ru

Россия – Япония: реальный потенциал экономического взаимодействия

И.Л. Тимонина

В статье анализируется современное состояние экономических отношений России и Японии, факторы, влияющие на динамику и структуру экономических связей двух стран, определяются перспективные направления развития взаимовыгодного сотрудничества. Автор показывает, что значимость экономического взаимодействия между Россией и Японией для каждой из стран нельзя оценивать только по статистическим данным. Важно понимать, решению каких стратегических задач социально-экономического развития страны, отдельных отраслей, производств, регионов, может способствовать экономическое сотрудничество с партнером.

Ключевые слова: российско-японские экономические отношения, внешняя торговля, прямые иностранные инвестиции, корпоративные стратегии, энергомост, экспорт инфраструктуры.

Оценивая уровень российско-японских экономических отношений, обычно говорят о том, что их масштабы и качество не соответствуют потенциалу стран. Однако что в данном случае понимать под потенциалом? Если речь идет об экономическом масштабе страны, то, действительно, обе экономики относятся к разряду крупных. Япония занимает 3-е место в мире по размерам ВВП (4,6 трлн долл. по текущему курсу, 2014), Россия на настоящий момент – 10-я экономика (1,9 трлн долл.) [1]. Кроме того, РФ и Япония – страны-соседи. Россия обладает природными ресурсами, Япония – страна ресурснедостаточная. Однако создает ли все это прочную базу для активного и динамичного экономического взаимодействия?

Статистические показатели, отражающие объем взаимной торговли и инвестиционных потоков, относительно невелики. РФ не входит в число ведущих торговых партнеров Японии (табл. 1).

Таблица 1. Доля России во внешней торговле Японии, %

Год	Экспорт	Импорт
2014	1,3	3,1
2013	1,5	2,8

2012	1,6	2,4
2011	1,4	2,2
2010	1,1	2,3
2009	0,6	1,6
2008	2,1	1,8
2007	1,5	1,7
2006	1,1	1,2
2005	0,8	1,2
Справочно: 1975 (СССР)	2,0	4,7

Составлено по [2; 3, с. 227, 229]

Удельный вес Японии в торговых связях России также относительно невелик (табл. 2).

Таблица 2. Доля Японии во внешней торговле России

Год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Экспорт РФ в Японию										
Млн долл.	3404	3740	4457	7665	10327	7251	12835	14643	15590	19649
Доля Японии в экспорте РФ (%)	1,9	1,5	1,5	2,2	2,2	2,4	3,2	2,8	3	3,7
Доля Японии в экспорте РФ в страны «дальнего зарубежья»* (%)	2,2	1,8	1,7	2,6	2,6	2,8	3,8	3,3	3,5	4,3
Импорт РФ из Японии										
Млн долл.	3941	5834	7787	12717	18586	7252	10301	15017	15676	13563
Доля Японии в импорте РФ (%)	5,2	5,9	5,7	6,4	7	4,3	4,5	4,9	5	4,3
Доля Японии в импорте РФ из стран «дальнего зарубежья»* (%)	5,9	7,3	6,7	7,5	8,1	5	5,2	5,8	5,8	4,9

* Без учета торговли с Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Грузией, Казахстаном, Киргизией, Молдовой, Таджикистаном, Туркменией, Узбекистаном, Украиной. В текущих ценах.

Составлено по [4].

При этом интересно отметить, что ситуация существенно не изменилась с советских времен, аналогичная картина наблюдалась в структуре торговых связей СССР и Японии: в 1975 г. доля Японии в экспорте СССР составляла 2,8, в импорте – 4,7 %, а доля СССР в экспорте и импорте Японии составляла соответственно 2,0 и 2,8 %. Если говорить о динамике торговых связей, то наиболее впечатляющей она была после заключения первого

торгового договора 1957 г. За период 1958–1975 гг. товарооборот вырос в 55 раз [3, с. 227, 229], что во многом объясняется эффектом низкого старта.

Что касается современной динамики, то за последнее десятилетие экспорт РФ в Японию рос опережающими темпами по сравнению с общим ростом экспорта страны (соответственно в 2,9 и 5,8 раза в годовом исчислении), рост импорта из Японии (увеличение в 3,4 раза), напротив, отставал от общего роста импорта РФ (в 4,2 раза). Среди стран «дальнего зарубежья» Япония является для РФ шестым партнером по экспорту и пятым по импорту (2013 г.), а РФ для Японии занимает 17-е место в качестве экспортного рынка и 9-е место как источник импорта [5].

Индекс интенсивности торговли Японии с РФ в 2013 г. составил 0,83, а аналогичный индекс для российско-японской торговли равнялся 0,84 [рассчитано автором по: 6, р. 26; 7; 4]. Как видим, в обоих случаях индексы ниже единицы (что означает низкую интенсивность торговых связей) и существенно ниже аналогичных показателей по торговле Японии с большинством соседних азиатских стран.

В современном глобализирующемся мире интенсивность связей между национальными экономиками во многом определяется взаимодополняемостью на межкорпоративном уровне. В условиях, когда производственные системы компаний, в том числе и японских, представляют собой разветвленные международные сети, предметом международной торговли все больше становятся не товары и услуги как таковые, а доли в добавленной стоимости, формирующие стоимость конечного продукта. Международная, а правильнее сказать, трансграничная торговля все в большей мере становится внутрифирменной. По данным UNCTAD, около 1/3 мирового экспорта – это трансграничное перемещение товаров и услуг в рамках производственных систем ТНК. В мировом товарообороте растет доля промежуточной продукции – материалов, частей, компонентов. Так, в 1998–2011 гг. вклад промежуточной продукции в рост экспорта Японии составлял около 75 %, для Китая этот показатель равнялся примерно 40, стран Восточной Азии (за исключением Китая) – 60, стран АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам) – около 77 % [7]. Именно в этом направлении в последнее время эволюционируют торговые отношения Японии со странами Восточной Азии.

Российско-японская торговля имеет принципиально иную структуру. Основу экспорта РФ в Японию, как и прежде, составляет минеральное топливо (82,3 % в 2013 г.) и металлы (8 %). За счет российского импорта Япония покрывает около 7 % импортных потребностей в минеральном топливе. В импорте же России из Японии преобладают готовые технически сложные изделия: около 83 % импорта приходится на три товарных группы – средства транспорта (63 %), общее машиностроение (15 %) и электротехника (5 %) [8]. Таким образом, торговля между РФ и Японией продолжает развиваться в рамках достаточно архаичной модели взаимодополняемости («сырье в обмен на технику»).

Уровень развития экономических отношений и взаимной заинтересованности в партнерстве сейчас, как никогда ранее, определяется размещением производственных систем или частей производственных цепочек компаний в стране-партнере. Поэтому одним из основных факторов, определяющих уровень отношений, является инвестиционная привлекательность стран друг для друга. Международные рейтинги инвестиционной

привлекательности хотя и дают некоторые ориентиры, но не объясняют реальной картины. В соответствии с рейтингом Всемирного банка (Doing Business 2016) Япония по условиям ведения бизнеса занимает 34-е место, а Россия 51-е [9]. Но это достаточно формальные и весьма усредненные показатели, не вполне отражающие реальную ситуацию. Например, в Китай, который занял в данном рейтинге 84-е место, в 2014 г. пришло 128 млрд долл. прямых инвестиций, что позволило ему занять 1-е место в мире, опередив США.

Говоря о реальной привлекательности российского рынка для японского бизнеса, стоит прислушаться к мнению самих японских бизнесменов¹. По результатам опроса JETRO, опубликованного в марте 2015 г., большинство японских компаний из числа принявших участие в опросе (были представлены крупные и малые компании разных отраслей), с умеренным оптимизмом оценивали возможности дальнейшей работы на российском рынке.

Так, в 2014 г. 53,2 % из числа опрошенных компаний (меньше на 2,4 процентных пункта по сравнению с предыдущим опросом) сообщили, что они получили операционную прибыль в текущем году, и заявили о положительных перспективах в этом отношении в следующем году. 24,5 % компаний опасались убытков (число таких компаний уменьшилось на 5,7 процентных пункта по сравнению с предыдущим годом). При этом и оптимистично, и пессимистично настроенные предприниматели связывали свои ожидания соответственно с ростом или падением продаж на местном рынке.

Судя же по данным опроса, результаты которого появились в декабре 2015 г., ситуация несколько изменилась. Несмотря на увеличение операционной прибыли, меньше половины предприятий – 49,5 % (впервые за последние три года данный показатель опустился ниже 50 %) ожидают ее увеличения в дальнейшем. При этом в качестве важнейшего фактора, могущего повлиять на прибыль, были названы колебания валютных курсов (на него указали 71 % опрошенных), в то время как фактор изменения объема продаж на местном рынке существенно снизил свои позиции (на него указали 39,4 по сравнению с 63,3 % по данным предыдущего опроса), что, несомненно, стало реакцией на «охлаждение» рынка.

Компании теперь в большей степени рассчитывают на снижение издержек (административные и коммунальные расходы, расходы на топливо, стоимость закупок). Некоторые фирмы сообщили, что они повысили цены в целях увеличения операционной прибыли [10].

Что касается масштабов присутствия японских компаний на российском рынке, то доля фирм, которые планируют расширение такого присутствия в ближайшие год-два, снизилась по сравнению с предыдущим опросом, составив 44,6 против 66 %. В то же время возможности дальнейшей экспансии компании связывают с ростом продаж (80 % ответов) и высоким потенциалом рынка [10].

Говоря об особенностях поведения японских компаний на российском рынке, стоит отметить, что пока они имеют относительно низкий уровень локализации производства. Почти 70 % из числа компаний обрабатывающей промышленности, принявших участие в

¹ Обсуждение привлекательности японского рынка для российских компаний в качестве прямых инвесторов представляется неактуальным, поскольку на закрытый и сложный (даже сейчас, в период глобализации) японский рынок трудно внедриться даже крупным и опытным западным компаниям (часто это делается через японского партнера).

опросе, приобретают на местном рынке не более 1/4 необходимых материалов и компонентов [11]. В 2015 г. дополнительным фактором, препятствующим локализации, стал рост стоимости закупок на российском рынке: на это указали почти 24 % компаний, участвовавших в опросе 2015 г. [10].

В целом же, наиболее часто упоминаемыми факторами риска, судя по результатам опроса за 2014 г.², являются «волатильность валютного курса (78,5 % опрошенных против 48,4 в 2013 г.) и «нестабильность политической и социальной ситуации» (74,2 % против 37,1). Далее по частоте упоминаний следуют «традиционные» риски – «сложность и длительность административных процедур» [11].

Что касается реальных масштабов прямых инвестиций японских компаний в РФ, то и по абсолютным объемам, и по отношению к общим прямым зарубежным инвестициям Японии, и ко всему объему привлеченных в РФ иностранных инвестиций они невелики (табл. 3, 4).

Таблица 3. Доля РФ в общем объеме прямых иностранных инвестиций Японии

Год	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Чистые потоки (на базе платежного баланса)										
Млн долл.	95	160	99	306	391	350	339	757	447	291
%	0,21	0,32	0,13	0,23	0,52	0,61	0,31	0,62	0,33	0,24
Накопленные (по инвестиционной позиции)										
Млн долл.	157	258	373	668	954	1 220	1 725	2 734	2 499	1 691
%	0,04	0,06	0,07	0,10	0,13	0,15	0,18	0,26	0,22	0,14

Составлено по [5]

Таблица 4. Доля Японии в общем объеме прямых иностранных инвестиций в РФ

	Всего, млн долл. (А)	Из Японии, млн долл. (Б)	Б/А (%)
Накопленные ПИИ (конец 2013 г.)	384 117	9 978	2,6
ПИИ	126 051	1 296	1,03
Портфельные	5 691	6	0,1
Другие	252 375	8 676	3,4
Потоки (2013)	170 180	2 624	1,5
ПИИ	26 117	1 027	3,9
Портфельные	1 091	0,2	0,02
Другие	142 972	1 597	1,1

Источник: [12]

² На настоящий момент недоступны полные данные результатов опроса 2015 г.

Однако в некоторых отраслях российской экономики японские инвестиции довольно заметны в общей сумме иностранных инвестиций (табл. 5).

Таблица 5. Приоритетные отрасли инвестирования японских компаний в РФ (2013 г.)

	Крупнейший инвестор	Место Японии среди других стран-инвесторов	Доля японских инвестиций (%)
Сельское и лесное хозяйство	Кипр	№2	7,5
Добывающая промышленность	Кипр	№3	10,2
Добыча и разработка энергоресурсов	Кипр	№2	13,4
Автомобилестроение	Германия	№2	16,1

Источник: [12]

Традиционно наиболее привлекательной для японских инвесторов отраслью остается российская нефтегазовая промышленность, где реализуются самые масштабные проекты. Среди них выделяются сахалинские нефтегазовые проекты, в которых принимает участие группа японских компаний: доля японской стороны в проекте «Сахалин-1» составляет 30 %, «Сахалин-2» – 22,5 %. Более $\frac{3}{4}$ сжиженного природного газа, производимого в рамках проекта «Сахалин-2», поставляется в Японию. Представляется, что развитие сотрудничества в сфере разработки нефтегазовых месторождений и производства СПГ на российском Дальнем Востоке имеет хорошие перспективы.

Традиционной остается и географическая структура экономических связей РФ и Японии: они в большей степени концентрируются на востоке России. И для некоторых восточных регионов РФ Япония является важным экономическим партнером. Например, внешнеторговый оборот Магаданской области с Японией в 2014 г. составил 50,9 млн долл., или 11,9 % всего объема внешней торговли региона [13].

Таким образом, количественные показатели торговых и инвестиционных связей между РФ и Японией стабильно невелики. При этом заметного влияния санкций на масштабы сотрудничества не прослеживается. Россия традиционно была ориентирована в своих экономических связях на Европу. А географически близкий к Японии российский Дальний Восток как рынок не очень велик (в регионе проживает около 6 млн человек). Важнейшим фактором, сдерживающим развитие экономических связей между двумя странами, остается и традиционная – не в самом лучшем смысле этого слова – структура взаимной торговли. Российские производители, как правило, пока не могут предложить японскому рынку конкурентоспособную продукцию с высокой добавленной стоимостью. В результате эффективность российского экспорта в Японию остается невысокой, и стоимостные объемы не демонстрируют заметной динамики.

Однако было бы неверно оценивать значимость экономического взаимодействия между Россией и Японией для каждой из стран только по статистическим данным –

товарообороту, движению инвестиций и другим подобным традиционным показателям. Важно понимать, решению каких стратегических задач социально-экономического развития страны и регионов, отдельных отраслей экономики, отдельных производств, регионов, может способствовать экономическое сотрудничество с партнером.

Как представляется, сотрудничество с РФ является для Японии одним из направлений политики диверсификации поставок энергетического сырья. Сейчас доля российского газа достигает 10 % от всего импорта Японии (10 лет назад было около 4 %). Для российской стороны в условиях определенной переориентации всей системы внешнеэкономических связей с Запада на Восток диверсификация поставок углеводородного сырья (в том числе и диверсификация в рамках региона, где основным потребителем становится Китай) также выгодна.

Кооперация в энергетической сфере не только отвечает интересам двух стран, но и способствует созданию региональной энергетической инфраструктуры. Выступая на Восточном экономическом форуме в сентябре 2015 г., президент России В.В. Путин заявил о том, что стратегическая задача России — создание энергомоста, который соединит ее с Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Директор Фонда энергетического развития С. Пикин считает энергомост между Сахалином и Японией проектом номер один. По его мнению, «под энергомостом необходимо понимать не только поставки электроэнергии по электрическому кабелю, но и возможное строительство подводного газопровода из Сахалина в сторону Японии». «Так или иначе, Япония и Китай — это основные наши партнеры и основные товары, которые мы готовы через этот мост экспортировать — это электроэнергия, газ и нефть», — утверждает эксперт. Стоит согласиться и с мнением эксперта Н. Кричевского, который полагает, что заявление президента РФ было не просто об энергомосте, а скорее об энергоконвергенции. «Мост — это скорее инженерное сооружение. А вот энергоконвергенция... это сближение энергетических отраслей не только России и Китая, но и Индии, и третьих государств». По его мнению, те контракты, которые были подписаны в ходе Восточного экономического форума, как раз и являются примером такого сближения энергоотраслей России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона [14].

Одним из международных проектов, которые могут наполнить реальным содержанием идею создания энергетического моста в АТР, является «Ямал СПГ», где японские компании получили крупные заказы. В апреле 2013 г. ОАО «Ямал СПГ» по итогам тендера подписало соглашение с СП Technip (Франция) и JGC Corp. и Chiyoda (Япония) на проектирование, поставку оборудования, материалов и комплектующих, строительство и ввод в эксплуатацию (подряд по схеме EPC — от англ. Engineering, procurement and construction — способ контрактования в строительной отрасли) комплекса по подготовке и сжижению природного газа на базе Южно-Тамбейского месторождения [15]. В январе 2014 г. Yamgaz SNC заключило контракт с японской Yokogawa Electric на поставку интегрированных систем управления и безопасности (ICSS) для проекта «Ямал СПГ».

Основными акционерами проекта являются российская независимая газодобывающая компания Новатэк (60 % акций), французская Total (20 %) и китайская CNPC (20 %) [16].

Однако тот факт, что «НОВАТЭК» попал в санкционный список, снижает возможности компании привлекать средства на развитие проекта. «НОВАТЭК» пытается преодолевать свои финансовые сложности с помощью государства. В сентябре 2014 г. «НОВАТЭК» подал заявку на получение 100 млрд рублей из ФНБ на «Ямал-СПГ», и в феврале 2015 г. на совещании по экономическим вопросам, которое провел Президент России, на проект решено выделить средства ФНБ в объеме 150 млрд руб. в качестве инвестиций в облигации «Ямал СПГ» [16]. Данный пример может служить подтверждением последовательности РФ в реализации энергетической стратегии в регионе.

В качестве информации к размышлению о перспективах российско-японского инвестиционного взаимодействия добавим, что проект реализуется при активном участии китайских партнеров. Было подписано и вступило в силу межправительственное Соглашение между РФ и КНР о сотрудничестве в сфере реализации проекта «Ямал СПГ» (до 31 декабря 2045 г.), которое предусматривает создание благоприятных условий для инвестиционного взаимодействия в рамках этого проекта. Российская сторона закрепляет для проекта параметры стимулирующего налогового режима. Китайская же сторона обязуется обеспечить приобретение СПГ в объеме не менее 3 млн т в год, а также способствовать предоставлению финансирования проекту со стороны финансовых институтов КНР [17].

Заинтересованность российской стороны в развитии сотрудничества с Японией в энергетической сфере была прямо продекларирована в ключевом докладе председателя Правления ОАО «НК «Роснефть» И. Сечина на первой конференции «Энергомост “Россия–Япония”», проходившей в Токио в ноябре 2015 г.

В своем выступлении И. Сечин поделился результатами оценки эффективности японских энергетических проектов за рубежом (альтернативных проектам в РФ), которая, по его мнению, «зачастую крайне низка». По мнению Сечина, Россия является для Японии естественным инвестиционным партнером и форум должен стать основой для полномасштабного развития данного диалога: «применительно к нашему случаю, когда мы говорим о строительстве энергомоста, мы имеем в виду не только электросети, но широкий канал обмена, основанный на первичных поставках энергоресурсов. Это поставки нефти, нефтепродуктов, СПГ, других энергоресурсов, встречные поставки машин, оборудования и даже обмен активами. Именно в таком понимании энергомоста я вижу широкие возможности для расширения нашего делового взаимодействия. Наличие такого рода моста предполагает серьезную взаимозависимость энергетических систем и экономик обеих стран, то есть по факту формирует условия стратегического партнерства двух государств», – заявил глава «Роснефти» и предложил расширить взаимодействие, сформировав интегральные партнерства по всей производственной и технологической цепочке «Роснефти» [18].

Широкие перспективы для японо-российского экономического сотрудничества открываются в инфраструктурной сфере. Потребности в строительстве и модернизации инфраструктурных объектов в РФ огромны.

В рамках стратегии экспорта инфраструктурных систем, являющейся частью общей социально-экономической стратегии нынешнего кабинета (abonomics), японские компании при поддержке правительства и государственных финансовых институтов могут осваивать и рынок России. Проекты в этой сфере уже есть – в области модернизации городской среды,

переработки отходов, проектирования и строительства так называемых *smartcity* – городов или городских кварталов, в проектировании и обустройстве которых сочетаются высокие технологии и требования создания комфортной и безопасной городской среды. РФ, безусловно, заинтересована в инвестициях, технологиях и управленческих решениях, которые могут принести японские компании в сферу производственной и социальной инфраструктуры (например, в медицину), в особенности – на Дальнем Востоке.

Говоря о перспективах деятельности японских компаний на российском рынке (а их более 600), важно принимать во внимание то обстоятельство, что многие из них (во всяком случае, крупные) решают свои стратегические задачи присутствия во всех макрорегионах и осваивают российский рынок в качестве *emerging market*. Они стремятся повышать уровень локализации производства (в том числе в целях снижения издержек), создают представительства и производственные бизнес-единицы, продукция которых поставляется не только на российский рынок, но и в страны СНГ и Восточной Европы, что сокращает логистические расходы и укрепляет позиции компаний в Европе. Примером может служить деятельность в России компании «Такэда фармасьютикэл», которая одной из первых в отрасли заявила о планах выхода на российский рынок. В 2012 г. было завершено строительство предприятия в Ярославле, которое с 2014 г. дает продукцию, поставляемую на российский и зарубежные рынки. Для России такие инвестиции означают поступление не только финансовых ресурсов, но и современных технологий и управленческих решений, создание новых рабочих мест.

Для японских компаний может представлять интерес использование российского научно-технического потенциала на основе реализации совместных исследовательских проектов с целью получения коммерческого продукта. Например, японские фармацевтические компании проявляют интерес к совместным инновационным разработкам в области онкодиагностики и разработки лекарственных средств под эгидой фонда Сколково [19]. Еще одним направлением, перспективным для сотрудничества, представители Японии считают исследование космоса. Как отметил член комитета национальной космической стратегии при кабинете министров правительства Японии Ямакава Хироси, у российско-японского сотрудничества в космической отрасли уже большая история: «На японских станциях использовалось экспериментальное российское оборудование, а на российских спутниках применялись японские антенны. Проекты, которые могут быть реализованы в ближайшее время, – исследование Марса в формате международного сотрудничества. В этих проектах будут участвовать японская компания Яха и Роскосмос. Нам бы хотелось развивать связи в этом направлении» [20].

Для российских исследовательских и проектных организаций и для экономики в целом подобное сотрудничество может быть полезным с точки зрения ускорения инновационных процессов, повышения уровня коммерциализации результатов научных исследований и разработок.

Относительно новой темой в российско-японских экономических отношениях может стать аграрный сектор. Обсуждается вопрос о возможности сдачи в аренду земель в Амурской области, с тем чтобы с помощью японских технологий и капитала выращивать в России сою, овощи, фрукты, в том числе для экспорта в Японию.

Таким образом, имеется целый ряд перспективных направлений экономического взаимодействия между Японией и Россией, которые, возможно, не приведут к заметному росту количественных показателей торговли и инвестиций, но могут внести определенный вклад в решение проблем развития инфраструктуры, диверсификации торговых связей каждой из стран, использования научно-технического потенциала.

Что касается многостороннего сотрудничества, то здесь наиболее реальным направлением является «энергетическая конвергенция» в регионе, которая отвечает современным реалиям формирования региональной и глобальной инфраструктуры.

Список литературы

1. Databank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>
2. Japan's International Trade in Goods (Yearly). URL: <http://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics>
3. Япония в системе мировых хозяйственных связей. – М: Наука, 1977.
4. Статистический портал Федеральной государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/frade/
5. Japanese Trade and Investment Statistics. URL: <http://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics>
6. World Trade Organization International Trade Statistics 2014. P. 26. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2014_e/its14_toc_e.htm
7. Regional Economic Outlook: Asia And Pacific. April 2013. P. 8, 18. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2013/APD/eng/areo0413.htm>
8. Japan Statistical Yearbook 2016. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/1431-15.htm>
9. Doing Business 2016. URL: http://russian.doingbusiness.org/~/_media/GIAWB/Doing%20Business/Documents/Annual-Reports/English/DB16-Full-Report.pdf
10. Results of JETRO's 2015 Survey on Business Conditions of Japanese Companies in Russia. Dec 21, 2015. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/news/releases/2015/44ccda712f1c9152.html>
11. Results of JETRO's 2014 Survey on Business Conditions of Japanese Companies in Russia. URL: http://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/2015_03_biz.pdf
12. Основные направления и итоги инвестиционного сотрудничества с Россией. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/jp/jp_ru_relations/jp_rus_projects
13. Внешнеторговый оборот Колымы и Японии в 2014 г. превысил 50 млн долл. URL: <http://www.ved.gov.ru/news/20188.html>
14. Энергомост на Восток. URL: <http://actualcomment.ru/energomost-na-vostok.html>
15. Проект «Ямал СПГ». URL: http://www.novatek.ru/ru/business/yamal-lng/yamal_current
16. Проект «Ямал СПГ». URL: <http://www.pro-gas.ru/gas/jamal>
17. «Ямал СПГ» получил второй транш ФНБ. URL: http://www.novatek.ru/ru/business/yamal-lng/yamal_press_release
18. Игорь Сечин выступил с ключевым докладом на конференции «Энергомост «Россия–Япония»». URL: <http://www.rosneft.ru/news/today/06112015.html>

19. Единый портал внешнеэкономической информации Российской Федерации. URL: http://www.ved.gov.ru/news/?action=archive&non_country=0&q=&month=&year=2015&country=248&category1=11&category2

20. Россия будет сотрудничать с Японией в освоении космоса. URL: <http://www.ved.gov.ru/news/17826.html>

Поступила в редакцию 19.02.2016

Автор:

Тимонина Ирина Львовна, доктор экономических наук, профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ, МГИМО (У) МИД РФ, Российская академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). E-mail: timonina2000@yahoo.com

Russia – Japan: real potential of economic cooperation

I.L. Timonina

This article analyzes the current state of economic relations between Russia and Japan, the factors that influence the dynamics and structure of economic ties between the two countries, defines perspective directions of development of mutually beneficial cooperation. The author shows that the importance of economic cooperation between Russia and Japan for each country should not be measured only by statistical data. It is important to understand what strategic goals for social-economic development of the country as a whole, certain sectors and regions in particular can be reached by means of such cooperation.

Keywords: Russian-Japanese economic relations, foreign trade, foreign direct investment, corporate strategy, energy bridge, export of infrastructure.

Author:

Timonina Irina L., Doctor of Sciences (Economics), Professor, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University, MGIMO University, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA).
E-mail: timonina2000@yahoo.com

Перспективы российско-японского сотрудничества в области энергетики

А.В. Белов

Во второй половине 2015 г. и на мировом, и на внутреннем японском энергетическом рынке произошли серьезные изменения. В результате понизился интерес Японии к ряду совместных японо-российских проектов. Оживление энергетического диалога возможно в случае разработки Россией более действенной политики по привлечению японских инвесторов.

Ключевые слова: Япония, Россия, экономическое сотрудничество, энергетика, международные проекты развития.

Во второй половине 2015 г. на мировом рынке резко упали цены на углеводороды. В Японии определились контуры новой энергетической политики, включающей перезапуск АЭС, расширение угольной энергетики и смягчение ограничений по эмиссии CO₂. В стране был взят курс на постепенное сокращение использования нефти и сжиженного природного газа (СПГ). В результате понизился интерес Японии к некоторым нефтяным и газовым проектам сотрудничества с Россией. Оживление энергетического диалога двух стран вполне возможно, но теперь для этого потребуются эффективные меры российской стороны по привлечению японских инвесторов. Анализ этих вопросов и посвящена данная статья. В первой части рассматриваются основные черты энергетической политики Японии, во второй – исследуются важнейшие направления сотрудничества с Россией в области нефти и газа, в заключении приводятся общие выводы и рекомендации.

Новая энергетическая политика Японии

На протяжении ряда лет, вплоть до катастрофы 2011 г., состояние энергетики Японии считалось образцовым. В стране были накоплены солидные запасы топлива, и даже образовался избыток генерирующих мощностей ТЭЦ. Систематически велась работа по диверсификации источников импорта ископаемого топлива. Представители энергокомпаний с гордостью заявляли, что система электроснабжения Японии является самой устойчивой в мире по напряжению и частоте тока. Выработка электроэнергии (э/э) велась с использованием нескольких видов генерации. Существовали планы резкого сокращения выбросов CO₂. Достаточно вспомнить, что именно Япония выступала инициатором подписания Киотского протокола – первого в мире международного соглашения в этой

области. Все это позволяет понять, почему страна долгое время считалась международным лидером в данной сфере.

На общем положительном фоне терялись периодические сообщения специалистов о крупных структурных проблемах в японской энергетике. Как это часто бывает во многих странах, о проблемах начали громко говорить лишь после крупных потрясений: ядерной аварии в Фукусима, остановки АЭС и резкого подорожания углеводородов в 2011–2014 гг. В частности оказалось, что энергосистема Японии искусственно разбита на две части (восточную и западную), в которых применяется различная частота тока. Возможности преобразователей частоты составляют 1–2 % от мощности сети, что не позволяет перебрасывать э/э между регионами в случае необходимости. Далее, большинство атомных станций Японии построены на активных сейсмических разломах (т.е. таких участках земной коры, которые передвигались под влиянием землетрясений в последние 120 тысяч лет). Решения об их строительстве принимались в те годы, когда для определения активности разлома использовались более мягкие критерии и не проводились независимые геологические экспертизы. И наконец, поставками э/э в Японии традиционно занимались 10 региональных энергетических компаний-монополистов, не проявлявших особой заинтересованности в развитии межрегионального сотрудничества, внедрении возобновляемых источников энергии и снижении тарифов. Подчеркнем, что эти проблемы были хорошо известны специалистам, однако в центр внимания они попали только после резкого изменения ситуации.

Три года, с 2012 по 2014 г., стали, пожалуй, самым болезненным периодом в развитии японской энергетике после эпохи нефтяных шоков 1970-х годов. В 2012 г. в соответствии с требованиями безопасности были остановлены все действовавшие АЭС. В результате Япония потеряла более четверти генерации и вынуждена была резко увеличить выработку э/э на тепловых станциях. Необходимо отметить, что это произошло без заметных последствий для рядового потребителя: отключений э/э в жилых кварталах не было, меры по экономии носили ограниченный характер и применялись в отдельных регионах на протяжении короткого периода (август месяц, пик энергопотребления). В этом смысле энергосистема Японии продемонстрировала свои лучшие черты – стабильность, гибкость, быстроту реакции.

Однако вслед за этим начались не зависящие от Японии процессы. После повышения мировых цен расходы на закупку углеводородов выросли до 5,7 % ВВП в 2013 г., что всего на 0,3 % ниже уровня «шокового» 1980 г. Возник дефицит торгового баланса, которого Япония не знала с 1981 г. Началось неизбежное повышение стоимости э/э. За период 2010–2014 гг. тарифы для населения выросли на 25, а для промышленности – почти на 40 %. Увеличение генерации тепла привело к резкому росту эмиссии парниковых газов. К 2012 г. выбросы CO₂ на 6,5 % превысили показатели 1990 г., хотя по Киотскому протоколу Япония должна была сократить их примерно на 20 % [1].

Отметим, что в 2015–2016 гг. ситуация изменилась: снизились мировые цены на энергоносители, улучшился торговый баланс, подорожала иена. Япония получила долгожданную передышку в решении неотложных энергетических проблем. Тем не менее, страна усвоила урок и нашла в себе силы принять решительные меры для восстановления

стабильности энергетики. В 2013–2014 гг. действия правительства были направлены на ликвидацию дефицита топлива и э/э. Параллельно шла разработка нового, 4-го стратегического плана в области энергетики. Данный документ был опубликован в апреле 2014 г. [1], в мае 2015 г. был выпущен анализ стоимости производства различных видов энергии [2], а в июле 2015 г. появился долгосрочный прогноз предложения и спроса энергии и воздействия на окружающую среду [3]. В итоге, ко второй половине 2015 г. новая энергетическая политика Японии приобрела законченные очертания. Попытаемся проанализировать ее основные особенности.

Ключевое слово, которое лучше всего подходит для описания особенностей новой энергетической политики – это прагматизм. Прагматичный подход (т.е. ориентированный на практические результаты и выгоду) можно обнаружить во всех трех главных направлениях политики, к которым относятся, во-первых, обеспечение стабильности энергоснабжения, во-вторых, недопущение дальнейшего роста энергетических тарифов, и в-третьих, принятие обязательств по сокращению выбросов CO₂ на уровне развитых стран. Рассмотрим три названные направления более подробно.

В обеспечении стабильности энергоснабжения главную роль играет диверсификация видов используемой энергии и источников импорта. Прагматизм проявляется в целом ряде элементов политики, из которых следует отметить прежде всего решение о перезапуске АЭС. После аварии в Фукусима ядерная энергетика стала предметом жесткой общественной критики, однако победил прагматичный подход. В результате было принято решение ввести самые жесткие в мире стандарты безопасности АЭС, а затем перезапустить примерно половину станций, отвечающих новым требованиям. К марту 2016 г. из 48 работоспособных реакторов 26 были представлены на сертификацию по современным стандартам безопасности, 4 реактора перезапущены, из них 2 приступили к коммерческой выработке э/э, а еще 2 сразу после перезапуска оказались остановлены по техническим и юридическим причинам.

С перезапуском ядерных реакторов непосредственно связано и второе направление политики – ограничение стоимости энергии. Согласно представленным расчетам, даже с учетом расходов на новые меры безопасности в обозримом будущем ядерная генерация останется самой дешевой и к 2030 г. позволит производить э/э по цене 10,8 иен за кВт·ч, против 11 иен при гидрогенерации, 12,9 иен при угольной и 13,4 иен при газовой генерации [2]. Неудивительно, что в перспективе энергетическая политика предусматривает расширение прежде всего самых дешевых видов генерации, а именно ядерной и угольной. Кроме того, предусматривается некоторый рост дорогих, но важных с экологической точки зрения возобновляемых источников энергии (ВИЭ). А вот бурного роста импорта СПГ и газовой генерации, происходивший в 2011–2014 гг., наверняка наблюдаться не будет. Это произойдет за счет сокращения общего потребления энергии, повышения эффективности ее использования и структурных сдвигов в области электрогенерации. В целом, структура источников производства э/э (energymix) к 2030 г. должна включать следующие элементы: 27 % – газ (43,2 % в 2013 г.), 26 % – уголь (30,3 %), 20–22 % – атомные станции (1 %), 3 % – нефть (14,9 %) и 22–24 % – ВИЭ, включая гидростанции (10 %). Легко заметить, что самое быстрое расширение планируется для ядерной и угольной генерации, а также ВИЭ (в

основном, солнечная, ветряная и геотермальная энергия). Наибольшие сокращения предусмотрены для газа и нефти [2].

Экологическая составляющая новой энергетической политики заключается в принятии Японией обязательств по сокращению выбросов CO₂, «соответствующих статусу развитой страны» [3]. Прагматизм в экологической сфере состоит в том, что за новый ориентир приняты не прежние обязательства по Киотскому протоколу, а уровень США. Известно, что США не подписали протокол и долгое время подвергались критике в той же Японии. Однако в декабре 2015 г. на совещании по климатическим вопросам в Париже Япония заявила о сокращении эмиссии к 2030 г. всего на 17 % по сравнению с уровнем 1990 г. Это примерно соответствует показателям США (14–17 % к 1990 г.) и намного отстает от объявленных целей стран ЕС (40 %). Неудивительно, что такой «прагматический разворот» в деле ограничения выбросов CO₂ становится объектом серьезной критики и за рубежом, и внутри страны [4].

В качестве ответа на критику Япония работает над повышением эффективности сжигания угля и передачей этих технологий развивающимся странам. В частности, Япония остается единственным развитым государством, предоставляющим кредиты на строительство угольных электростанций за рубежом. Кроме того, ведутся работы по захвату и захоронению CO₂ (CCS – carbon capture and storage). По сообщениям японских газет, самый крупный в мире проект CCS, связанный с закачкой CO₂ в подземные пласты, должен стартовать в городе Томакомай (Хоккайдо, Япония) в апреле 2016 г. Однако, главное состоит в том, что после восстановления стабильности энергетики Япония намерена продолжить работу по существенному сокращению эмиссии CO₂. Планы правительства, вероятнее всего, будут объявлены в мае 2016 г. на совещании «Большой семерки».

Важнейшую часть новой энергетической политики составляют структурные реформы в области э/э, газа и ВИЭ. Идея структурных реформ состоит в создании условий для появления новых производителей и продавцов э/э и газа через дерегулирование рынков. Либерализация производства и поставок э/э для крупных потребителей началась в 2000-х годах и была завершена к 2010 г. К марту 2016 г. в стране появилось примерно 200 новых независимых производителей, обеспечивающих 5 % производства. Следующим шагом станет возможность участия любых компаний в поставках э/э для мелких потребителей (апрель 2016 г.), разделение генерации и передаточных сетей (2016–2018 гг.), а также обеспечение полной свободы выбора производителя и поставщика э/э для конечного потребителя (с 2020 г.).

В области газа либерализация рынка для крупных пользователей была осуществлена в 1995–2005 гг. Это дало толчок к появлению нескольких сотен новых поставщиков, на которые в 2014 г. приходилось около 12 % предложения. Конкуренция на рынке крупных пользователей привела к понижению тарифов по сравнению с частными потребителями. Удешевление тарифов стало важнейшим аргументом в пользу дальнейшей либерализации розничного рынка газа, намеченного на апрель 2017 г. Вслед за этим запланирован пересмотр системы пользования распределительными сетями, разработка новых подходов к бизнесу теплоснабжения для повышения его эффективности, расширение системы трубопроводов и хранилищ в 2018–2022 гг.

И наконец, вторичные и ВИЭ планируется развивать по следующим направлениям: продолжение политики «зеленых тарифов» (субсидируемых высоких закупочных цен) на э/э солнечных панелей и ветряных установок, расширение совместной генерации и поставки на рынок произведенной э/э, создание накопительных систем, доведение доли автомобилей «нового поколения» до 50–70 % в объемах продаж к 2030 г., реализация идеи «водородного общества» (установка 5,3 млн домашних топливных батарей к 2030 г.), расширение соответствующих исследований [1].

В целом, новая энергетическая политика Японии носит обоснованный, сбалансированный и прагматический характер. Предлагаемые меры наверняка позволят стране преодолеть последствия катастрофы 2011 г. и восстановить стабильность энергоснабжения. Очевидно также, что вслед за этим неизбежно встанут еще более сложные задачи, связанные с серьезным повышением энергоэффективности. В Японии есть и потребности, и возможности для резкого скачка в данной области. Однако современная политика и финансирование направлены скорее на ликвидацию дефицита, чем на решение долгосрочных проблем и ограничение спроса. Причины этого, по мнению некоторых экспертов, кроются в недостатке координации со стороны правительства, вытекающей, в свою очередь, из необходимости максимизировать базу политической поддержки Либерально-демократической партии [5].

По-видимому, энергетическая политика Японии постепенно переходит к новому состоянию. Смысл перехода заключается во временном отказе от прежних приоритетов и курсе на стабилизацию энергетики после катастрофы 2011 г. Содержание политики отражает традиционные для Японии принципы действий государства в экономической сфере, а именно: постепенный характер реформ, забота о деятельности компаний и повышении уровня жизни населения. Кроме того, в экологической сфере прослеживается приоритет национальных интересов над международными обязательствами. Все это важно для анализа японо-российского сотрудничества в энергетической сфере.

Основные направления российско-японского сотрудничества в области нефти и газа

В 2015 г. 71,6 % японского импорта из России (примерно 12,4 млрд долл.) пришлось на энергоносители. Российская доля в японских закупках ископаемого топлива по стоимости составила 8,7 %. Импорт Японии из России включал нефть и нефтепродукты, уголь и СПГ. Эти виды ископаемого топлива занимали достаточно заметное место на японском внутреннем рынке (табл. 1).

Таблица 1. Доля России в импорте ископаемого топлива Японии (2015)

	Импорт (всего)		Импорт из России		Доля России, %	
	Стоим.*	Объем**	Стоим.*	Объем**	Стоим.*	Объем
Нефть	8,183	195.4	727	17.1	8.8	8.7
СПГ	5,537	85	474	7.5	8.5	10.0
Уголь	1,971	190.6	164	16.8	8.3	8.8

* млрд иен

** нефть – млн кл, СПГ и уголь – млн т

Источник: [6]

Доля поставок на японский рынок составляет около 6 % российского экспорта нефти, 10 % – угля и 77 % – экспорта СПГ. На первый взгляд, за исключением сжиженного газа, это немного для стран, одна из которых намерена стать «энергетической сверхдержавой», а вторая известна как крупнейший потребитель и импортер энергоресурсов. Однако географическая близость, особенности экономики и направления развития энергетики Японии и России – все говорит о больших возможностях сотрудничества.

В российской экономике топливно-энергетическая отрасль является ведущей и по объему, и по значению, и по реальным перспективам роста. Существует целый ряд факторов, которые усиливают для России значение связей с Японией в энергетике [7]. Во-первых, новые российские месторождения и добыча энергоресурсов постепенно смещаются на восток страны, на территорию Сибири и Дальневосточного региона. Во-вторых, спрос на российские энергоносители растет в Восточной Азии и сокращается в Европе. В-третьих, цены на энергоносители в странах Восточной Азии превышают американские и европейские, поэтому сотрудничество с ними выгодно с экономической точки зрения. В-четвертых, Россия испытывает потребность в освоении новых рынков, например СПГ, спрос на который в Японии очень высок. В-пятых, в энергетике России имеется множество технических, организационных и финансовых проблем, для решения которых можно применить технологии, опыт и капиталы Японии. В-шестых, развитие Сибири и Дальнего Востока (один из национальных приоритетов России) может быть серьезно ускорено, если Япония примет в нем широкое участие.

С японской стороны интерес к России можно объяснить следующими причинами. Во-первых, зависимость Японии от нефти и газа Ближнего Востока (около 60 %) считается слишком высокой, что диктует необходимость диверсификации поставщиков. Во-вторых, доступ к российским энергоресурсам рассматривается в Японии как способ снижения закупочных цен и обеспечения стабильности поставок. В-третьих, Россия представляет важный рынок сбыта практически всех видов японских энергетических технологий и оборудования, начиная от электростанций и кончая литиевыми батарейками.

Список объектов энергетического сотрудничества России и Японии включает множество позиций: строительство завода по производству силовых трансформаторов (Санкт-Петербург), модернизация ТЭЦ (Нижний Новгород, Хабаровск), установка ветрогенераторов (Камчатский край), геологоразведка и нефтедобыча (Иркутская область), проектирование и строительство завода СПГ в рамках проекта «Ямал» (Ямало-Ненецкий

АО) и т.д. Однако самые крупные и важные направления сотрудничества можно выразить тремя ключевыми словами: нефть, газ, Сахалин. Рассмотрим каждое из них более подробно.

Отгрузка нефти в Японию ведется через три порта: Пригородное-Корсаков (Сахалинская область, проект Сахалин-2), Де-Кастри (Хабаровский край, проект Сахалин-1) и Козьмино (Приморский край, конечный пункт нефтепровода «Восточная Сибирь–Тихий океан», ВСТО). Создание нефтепроводов, нефтеналивных терминалов и другой инфраструктуры для экспорта нефти на Дальнем Востоке России практически завершено. Продолжают строиться лишь ответвления от ВСТО к осваиваемым месторождениям [8]. Уже в 2013 г. пропускная способность нефтепроводов намного превысила возможности местной добычи нефти. Потенциал сахалинских нефтяных полей был ограничен, поэтому наибольшие надежды возлагались на месторождения Восточной Сибири и Южной Якутии. Неудивительно, что Япония принимала активное участие в геологоразведке и нефтедобыче на территории Иркутской области (СП «ИНК-Запад»). Кроме этого, роль Японии в обеспечении стабильных поставок российской нефти заключалась в разработке сахалинских проектов, экспорте труб и оборудования для нефтепроводов, а также в реконструкции ряда перерабатывающих предприятий.

Сотрудничество в газовой отрасли носит более широкий характер, поскольку дальневосточные месторождения газа богаче, технологии транспортировки сложнее, а заинтересованность сторон даже выше, чем в области нефти. Кроме того, если создание нефтяной транспортной инфраструктуры практически завершено, то масштабное строительство газовых объектов и магистральных газопроводов (МГП) только начинается.

К началу 2016 г. на Дальнем Востоке действовало несколько МГП, но экспортные поставки газа велись только в сжиженной форме из порта Пригородное-Корсаков близ Южно-Сахалинска. В 2009 г. в рамках проекта Сахалин-2 там был построен первый в России завод по сжижению газа и начат экспорт в Японию, Китай и Южную Корею. Роль Японии в развитии российской газовой отрасли чрезвычайно велика. Прежде всего, именно Япония способна помочь в решении трех главных проблем, с которыми сталкивается экспорт газа России в последние годы. К ним относится снижение спроса в Европе, перестройка рынка после падения цен и недостаток мощностей по производству СПГ. Сотрудничество с Японией может дать России новые рынки, технологии и время для структурной перестройки. Однако, пожалуй, самая важная роль Японии состоит в том, что она закупает большую часть (77 % в 2015 г.) всего дальневосточного СПГ и готова увеличить импорт, по меньшей мере, вдвое. Среди стран Восточной Азии гигантский газовый рынок и стабильный спрос имеется в Китае. Высокие цены на газ характерны, в частности, для Южной Кореи. Однако все эти факторы, вместе взятые, плюс возможность передачи технологий и позитивный опыт сотрудничества существуют только в отношениях с Японией. Перечисленные факторы выделяют Японию среди других потребителей российского газа и делают ее незаменимым партнером не только в разработке дальневосточных ресурсов, но и в модернизации всей газовой отрасли России.

Наибольшее внимание в энергетическом диалоге Японии и России привлекает освоение нефтегазовых месторождений на шельфе Сахалина. К началу 2016 г. реальная добыча нефти и газа велась в рамках Сахалин-1,2 и Сахалин-3, хотя существовали также и планы

реализации проектов Сахалин-4–9. Японские компании принимали участие в первых двух проектах. В реализации проектов имеется множество проблем. И все же выгоды от их реализации значительно превышают потери и затраты. В отношениях Японии и России Сахалин-1,2 дают уникальный пример длительной совместной работы над гигантскими по масштабу и огромными по значению объектами. Все это позволяет считать проекты главным достижением сотрудничества двух стран и создает прочную базу для расширения связей в будущем.

Кроме взаимного интереса в энергетическом сотрудничестве России и Японии есть и немало трудностей. Прежде всего, крупные энергетические проекты невозможны без политического взаимопонимания, а в этой области двум странам еще предстоит пройти длинный путь. В частности, многие годы российская сторона вынашивает планы поставок в Японию электроэнергии по подводному кабелю с Сахалина. Однако правительство Японии отрицательно относится к этой идее, поскольку не хочет оказаться в ситуации, когда рубильник электроснабжения будет в руках российской стороны. К тому же в Японии пока нет законодательной основы и опыта импорта электроэнергии, так же как и допуска иностранных компаний к созданию национальной энергетической инфраструктуры. А в России иностранным компаниям сложно принять участие в разработке и экспорте углеводородов, на что претендуют многие японские компании.

При разговоре о трудностях отметим также, что интересы России как продавца и Японии как покупателя не всегда совпадают. Российская сторона заинтересована в поддержании высоких цен, а японская предпринимает все усилия для их снижения – пытается создать в Восточной Азии спотовый рынок газа, начать закупки сланцевого газа из США, и даже готова на прямое участие российских компаний в строительстве японских газовых терминалов.

И наконец, при разговоре об энергетическом сотрудничестве России и Японии невозможно обойти китайский фактор. В определенном смысле присутствие Китая на азиатском энергетическом рынке одновременно и сближает, и отталкивает Россию и Японию. Объемы и темпы роста потребления энергоносителей в Китае настолько велики, что он без труда может поглотить весь российский экспорт. Россия имеет с Китаем самую протяженную сухопутную границу и вполне может организовать бесперебойную поставку нефти и газа на китайский рынок. К началу 2016 г. энергетическое сотрудничество достигло такой стадии, что стало возможно с уверенностью говорить о превращении Китая в главного энергетического партнера России в регионе Восточной Азии. Однако по вопросам закупочных цен в переговорах с Россией Китай занимает достаточно жесткую позицию. В этих условиях энергетический диалог с Японией дает России важную альтернативу и усиливает ее переговорные позиции в отношениях с Китаем.

Так, например, на рубеже 1990-х – 2000-х годов в период выбора маршрута нефтепровода ВСТО между Японией и Китаем разгорелась острая конкуренция за доступ к восточносибирским нефтяным месторождениям. Выбор трассы превратился для России в труднейшую задачу, связанную с поиском своего места в Азиатско-Тихоокеанском регионе, стратегией территориального и отраслевого развития, а также созданием основ регионального энергетического рынка. Меры правительства России позволили привлечь

Японию как альтернативного потребителя нефти и вероятного партнера по финансированию строительства и освоению месторождений. Конкуренция покупателей пошла на пользу и продавцу (учтены геополитические, территориальные и экологические интересы России), и покупателям (Китай, Япония, Корея и другие страны), и региональному рынку энергоносителей (создана мощная транспортная инфраструктура, расширилось предложение). Россия получила альтернативные направления сбыта, а Япония – доступ к сибирской нефти. Тем не менее, поставки в Японию велись и ведутся на основе спотовых сделок, а вот долгосрочные контракты оказались заключены с Китаем. Уже в 2014 г. стало очевидно, что российские обязательства по экспорту в Китай оставляют очень мало свободной нефти для продажи на спотовом рынке с целью экспорта в Японию [9].

В начале 2010-х годов в развитии регионального рынка газа сложилась ситуация, напоминающая выбор маршрута ВСТО. Россия вновь попыталась организовать конкуренцию стран-покупателей, но сделать это оказалось намного сложнее, чем в случае с поставками нефти. Дело не только в иной политической и экономической ситуации, но и в различии бизнес-моделей для трубопроводного и сжиженного газа. Конкуренция этих двух видов топлива, если она вообще возможна, требует создания дорогостоящей инфраструктуры двух видов, которая пока отсутствует даже на стороне продавца.

Поставки сибирского газа в северо-западные и северо-восточные районы Китая возможны только по трубопроводам. Решения о строительстве двух газопроводов (МГП «Алтай», 2600 км и «Сила Сибири», 4000 км) были приняты в мае–октябре 2014 г., а объявления о начале работ прозвучали в июне 2015 г. Несмотря на то, что к концу 2015 г. стартовало строительство лишь одного МГП («Сила Сибири»), стало очевидно, что в ближайшем десятилетии Китай превратится в главный для России азиатский рынок сбыта трубопроводного газа. Японские специалисты в целом положительно оценивают эту тенденцию. Дело в том, что поставки по МГП могут привести к росту предложения, а также падению спроса и цен накупаемый Японией сжиженный газ. Кроме того, усиление связей с Китаем наверняка заставит Россию более активно искать альтернативных партнеров по развитию Сибири и Дальнего Востока, что пойдет на пользу японо-российским отношениям [10].

Иная ситуация складывается в освоении месторождений газа на Сахалине, где создаются оба типа транспортной инфраструктуры – и трубопроводы, и мощности СПГ. В этом регионе Япония имеет безусловный приоритет. Достаточно отметить, что первый в России завод СПГ (Пригородное-1,2) был построен на Сахалине с участием японских компаний и ориентирован именно на японский рынок. В 2015 г. на нем произведено и отгружено 10,8 млн тонн СПГ, из них 79,5 % поступило в Японию, 18,1 % в Корею, 1,2 в Китай и по 0,6 % на Тайвань и в Таиланд [11].

Планы развития экспорта СПГ с Дальнего Востока составляют важнейшую часть развития российской индустрии сжижения газа. По информации российских компаний в регионе одновременно проектируется расширение мощностей существующего завода в Пригородное (Пригородное-3), а также строительство сжижающих мощностей на двух новых площадках: «Владивосток-СПГ» и «Дальневосточный СПГ» (табл. 2).

Таблица 2. Проекты СПГ на Дальнем Востоке России (март 2016 г.)

Проект, источник газа, оператор, российский участник	Мощность, месторождения, сроки	Статус
Пригородное-3 (Сахалин-2; Сахалин Энерджи; Газпром)	5 млн т/год; Кириновское, Южно-Кириновское; 2018-2020 (?)	Договоренность Газпрома и Шелл о начале проектирования и выборе концепции проекта в 2015 г. (2014 г., не завершена). Заявление японских участников Сахалин-2 о заинтересованности в закупках, проектировании и финансировании (2015). Заявление оператора о принятии FID (final investment decision) в первой половине 2017 г. (2015).
Владивосток-СПГ, бухта Перевозная (Сахалин-3; Газпром)	5 млн т/год; Южно-Кириновское, Сила Сибири, частично Сахалин-1 (?); 2019–2020 (?)	ТЭО проекта совместно с Агентством по природным ресурсам и энергетике Японии и консорциумом японских компаний Japan Far East Gas Company (2011). Меморандум о взаимопонимании между правительственными органами России и Японии (2012). Обоснования инвестиций, планы строительства и подготовки ресурсной базы (2012–2013). Разработка проектной документации (2014–2015, не завершена). Проект фактически отложен (2015).
Дальневосточный СПГ, поселок Ильинский (Сахалин-1; ЭксонМобил; Роснефть)	10 млн т/год (2 очереди); Сахалин-1, Северное Чайво, Северно-Вениновское; 2019–2020 (?)	Контракты на поставку СПГ с 2019 г. с Марубени Корп. (1,5 млн т/год), SODECO (1 млн т/год), Vitol (2013). Обращение к Газпрому об использовании газопроводов Сахалин-2 (2013), судебный иск (2014-2015, решение не вынесено).

Источники: [11] и др.

Главными преимуществами сахалинских проектов являются удобное расположение вблизи крупнейших международных рынков СПГ и низкие затраты на транспортировку, положительный опыт реализации Сахалин-1,2 и большой задел в освоении газовых месторождений. Список проблем в освоении сахалинского шельфа производит не менее сильное впечатление. Первой проблемой является недостаток наличных ресурсов газа, которых может не хватить для строительства всех трех названных заводов, особенно с учетом растущего внутреннего потребления и обязательств трубопроводного экспорта в Китай. Неудивительно, что участники проектов начинают конкурировать между собой. В частности, большое внимание экспертов привлекает столкновение Газпрома и Роснефти.

В течение многих лет Газпром пытается контролировать поставки газа с «чужого» Сахалин-1 и либо закрепить их для внутреннего потребления, либо перенаправить на один из своих проектов – в Пригородное или во Владивосток. С этих же позиций следует рассматривать запрет на строительство Роснефтью экспортного газопровода с Сахалина в Китай (2008 г.), отказ в доступе Роснефти к газопроводам Сахалин-2 (2013 г.) и т.д. Только часть этих фактов можно объяснить тем, что Газпром отвечает за программу внутренней газификации и заботится о поддержании экспортных цен. По мнению некоторых экспертов, даже такая всемирно известная компания, как Газпром, превратившись в монополиста, может неверно оценить перспективы рыночного развития [12].

В поставках дальневосточного СПГ на азиатские рынки, вероятнее всего, возникает опасность создания избыточных мощностей и неоправданной конкуренции проектов. Эту ситуацию можно квалифицировать как «провал» рынка, требующий государственного вмешательства. Следовательно, с теоретической и практической точек зрения вполне обоснованной представляется необходимым обеспечить со стороны правительства координацию действий Газпрома и Роснефти на Сахалине, а также учесть все факторы и выбрать приоритетный проект.

Второй проблемой в расширении мощностей СПГ являются высокие затраты и узкие рамки для получения приемлемой рентабельности проектов. Существуют оценки, по которым даже в ценах первой половины 2014 г. только один из них – Пригородное-3 – можно было считать экономически обоснованным [13]. Более точный анализ показывает, что формируется некий «коридор рентабельности» сахалинских проектов. Параметры коридора задает формула цены (с привязкой к нефти или к альтернативному СПГ) и уровень цены на нефть и газ. Соотношение цен определяется множеством факторов и может представлять довольно сложную зависимость. В частности, повышение цен на нефть в 2010-е годы вело к расширению добычи и удешевлению сланцевого газа в США. Последний, как известно, может поступать в Японию и являться ориентиром для цен на СПГ. В 2012–2014 гг. японские цены на нефть колебались в пределах 80–100 долл. за баррель (Japan Customs-cleared Crude, Japan Crude Cocktail, JCC), а цены на американский газ на терминале Генри Хаб (Henry Hub, HH) составляли 4–6 долл. за миллион Британских термических единиц (British thermal units, BTU). По-видимому, приемлемую рентабельность (хотя и различную для каждого из проектов) можно было обеспечить именно в этих ценовых рамках [14]. Однако в декабре 2015 г. цена на нефть (JCC) составила 43,5 \$/bbl, а цены на газ 16 февраля 2016 г. (HH) – 1,95 \$/mln BTU. Нетрудно представить, насколько это ухудшило экономику сахалинских проектов и усложнило принятие решений об их практической реализации.

Третья проблема связана с санкциями в отношении России, которые затрудняют поиск инвесторов и технологических доноров для строительства заводов СПГ. Точное влияние санкций на реализацию проектов пока трудно оценить. В настоящее время (март 2016 г.) очевидно, пожалуй, лишь повышение внимания к альтернативным, т.е. трубопроводным вариантам транспортировки сахалинского газа.

Строительство МГП в Японию дважды (в 2001 г. и 2012–2013 гг.) рассматривалось с технической точки зрения. В первый раз проект был отклонен по экономическим и экологическим соображениям. Кроме того, ряд японских компаний тогда однозначно

высказался за импорт газа в сжиженном виде. Во второй раз МГП с Сахалина был назван в числе мер по снижению закупочных цен на СПГ, резко взлетевших после аварии в Фукусима и остановки ядерных реакторов [15]. Проект получил одобрение группы японских парламентариев, был представлен премьер-министру Абэ Синдзо и доведен до российской стороны. В качестве компенсации за возможное снижение цен и падение доходов японская сторона предложила Газпрому принять участие в развитии дегазификационных мощностей СПГ и электрогенерации на территории Японии, однако ответа не последовало.

К середине 2015 г. ситуация в Японии ощутимо изменилась: снизились затраты на закупку топлива, прояснились перспективы энергетической и экологической политики, пошло на спад движение против ядерной энергетики. Согласно опубликованным прогнозам, как было показано выше, к 2030 г. нынешние потребности Японии в СПГ значительно сократятся. Долгосрочный интерес к закупкам газа из России, безусловно, сохранится. Однако вместо одной из ключевых стран в решении японских энергетических проблем [15] Россия превратится в запасной вариант на случай нестабильности на стороне главных поставщиков.

Внимание к строительству МГП с Сахалина в мае 2015 г. привлек советник компании Токио-газ С. Мураки на 3-м Японо-российском форуме в Токио. По его словам, строительство МГП длиной 1500 км, мощностью 8 млрд кубометров в год и стоимостью 3,5 млрд долл. было бы вполне оправдано и с технической, и с экономической точки зрения [16]. По-видимому, это заявление можно считать одним из первых проявлений прямого интереса крупнейшего японского потребителя к трубопроводным поставкам газа. Главным стимулом выступает, скорее всего, надежда на снижение закупочных цен. Нетрудно представить, что японская сторона, используя механизм санкций, может попытаться затормозить реализацию «дорогих» СПГ-проектов и подтолкнуть создание газопровода. Однако в этом случае намерения японских потребителей окажутся в прямом противоречии с коммерческими интересами российских компаний. Как показывает история переговоров России и Китая по газовым вопросам, такая ситуация может задержать строительство на много лет и потребовать политического решения.

Российская сторона хорошо понимает сложившуюся ситуацию. По крайней мере, в правительстве страны ведется разработка предложений, которые могут повысить для Японии привлекательность энергетического сотрудничества с Россией в сложившихся условиях. В частности в феврале 2016 г. в интервью газете «Никкэй» вице-премьер А. Дворкович заявил о готовности предоставить японским инвесторам контрольные пакеты акций в крупных нефтяных и газовых проектах на тех же условиях, которые применяются для привлечения китайского капитала [17]. Конкретной информации пока не опубликовано, однако, скорее всего, речь идет о добыче нефти в Восточной Сибири и газа на шельфе Сахалина.

Заключение

Российско-японское сотрудничество в области нефти и газа имеет длительную историю и хорошие перспективы. Только Россия может построить газопровод в Японию, и лишь Япония способна обеспечить одновременно технологии, финансы и возможности сбыта для

дальневосточных заводов СПГ. Двусторонние связи способствуют развитию регионального газового рынка, увеличению спроса и росту предложения. Тем не менее, даже краткий обзор имеющихся проблем показывает, что в России не решены вопросы разведки ресурсов, координации производителей и создания необходимой инфраструктуры. Перед Японией стоят, пожалуй, еще более сложные задачи: определение перспективного спроса, модернизация распределительных сетей, либерализация газового рынка и т.д. Переходный период в развитии регионального энергетического рынка пока не завершен. В этот период от обеих сторон требуются особенно взвешенные и обоснованные действия, поскольку даже незначительные шаги могут определить ситуацию на годы вперед. Предпринятый анализ позволяет выделить в качестве ключевых следующие задачи для обеих сторон: во-первых, формирование развитой инфраструктуры в интересах расширения торговли энергоносителями, во-вторых, учет долгосрочных интересов партнеров с целью структурной эволюции торгового обмена, и в-третьих, ориентацию политических и гуманитарных отношений на формирование климата доверия и гарантированного принятия позитивных решений в случае государственного вмешательства в экономические процессы.

Список литературы

1. Agency for Natural Resources and Energy. Strategic Energy Plan. 2014. URL: <http://www.enecho.meti.go.jp>
2. METI-1 (Ministry of Economy, Trade and Industry) Report on Analysis of Generation Costs, Etc. 2015. URL: <http://www.meti.go.jp>
3. METI-2 (Ministry of Economy, Trade and Industry) Long-term Energy Supply and Demand Outlook. 2015. URL: <http://www.meti.go.jp>
4. A Setback for Emission Cuts? // Japan Times. 2016. February 17. URL: <http://www.japantimes.co.jp>
5. DeWit A. Abenomics and Energy Efficiency in Japan. The Asia-Pacific Journal, Volume 11, Issue 6, No.2, February 11, 2013.
6. Ministry of Finance. Trade Statistics of Japan. 2016. URL: <http://www.customs.go.jp>
7. Белов А. Экономика и бизнес современной Японии. С-Пб.: Свое Издательство, 2014. 276 с.
8. Транснефть ВСТО-1, ВСТО-2. URL: <http://www.transneft.ru>
9. Сакагути И. Россия но сангё то сидзё но доко. Кикансангё дэ ару сэкиюгасубун-ятюсин ни. : [Тенденции российской промышленности и рынка. Фокус на нефтегазовую сферу как на базовую отрасль. На яп. языке] // Тёса гэппо. 2014. № 7. С. 3–6.
10. Мотомура М. Тю-ротэннэнгасу гои, Нихонэ но эйкёва?: [Китайско-российское соглашение по газу, как повлияет на Японию? На яп. языке] // Тоё Кэйдзай. 2014, 6 июня. URL: <http://www.toyokeyzai.net>
11. Отчет об устойчивом развитии 2014 / Сахалин Энерджи, 2015. URL: <http://www.sakhalinenergy.com>
12. Aslund A. Big Setbacks Give Gazprom Impetus for Change // Moscow Times. 2012. September 27. URL: <http://www.themoscowtimes.com>

13. Bradshaw M. (2014) The Second Battle for Sakhalin // Oil&Gas Monitor. 2014. October 8. URL: <http://www.oilgasmonitor.com>
14. Сун Д. Конкурентоспособность российского СПГ в АТР // Конференция «Мировые рынки нефти и природного газа: проблемы конкуренции и кооперации», Москва, ИМЭМО, 29 апреля 2015 г.
15. Abiru T., Hiranuma H. Rebuilding Japan's Energy Policy // Tokyo Foundation. 2012. June 21. URL: <http://www.tokyofoundation.org>
16. Топалов А. Российскому СПГ пришла японская труба // Газета.ru. 21.05.2015. URL: <http://www.gazeta.ru>
17. Tanaka T. Russia open to Japanese ownership of Siberian energy ventures. Nikkei Asian Review. 2016. URL: <http://asia.nikkei.com>

Поступила в редакцию 11.03.2016

Автор:

Белов Андрей Васильевич, доктор экономических наук, профессор, Университет префектуры Фукуи (Япония). E-mail: abelov@fpu.ac.jp

Prospects for Russia – Japan cooperation in the energy field

A.V. Belov

In the second half of 2015 significant changes have taken place in both global and Japan's domestic energy markets. As a result, a number of joint projects with Russia have lost its appeal to Japan. To revitalize the dialogue in energy field, the Russian side needs to design more effective policies in attracting Japanese investors.

Keywords: Japan, Russia, economic cooperation, energy, international development projects.

Author:

Belov Andrey V. Doctor of Sciences (Economics), Professor, Fukui Prefectural University (Japan). E-mail: abelov@fpu.ac.jp

О «хикивакэ» в российско-японских отношениях

О.И. Казаков

В марте 2012 г. председатель правительства России В.В. Путин выдвинул принцип «ничьей» («хикивакэ»), на основании которого Россия и Япония должны вести диалог по решению территориальной проблемы в рамках заключения мирного договора. По мнению автора, этот принцип не может служить основанием для решения данной проблемы, а сам принцип «ничья» был предложен японской стороне с целью сохранения статус-кво.

Ключевые слова: Япония, российско-японские отношения, мирный договор, хикивакэ, территориальная проблема, политический диалог.

2 марта 2012 г. председатель правительства России В.В. Путин встретился с главными редакторами ведущих иностранных изданий [1]. На этой встрече главный редактор японской газеты «Асахи» Вакамия Ёсибуми задал пространный вопрос о намерениях будущего президента России «принять смелый шаг вперед для прорыва» по территориальному вопросу между странами. Ё. Вакамия сказал: «Японская сторона постоянно выступала за то, что два острова, обещанные в 1956 г. (согласно п. 9 Совместной декларации СССР и Японии 1956 г., это гряды Хабомаи и о. Шикотан. – О.К.), недостаточны для решения вопроса. Общая декларация (здесь – Токийская декларация 1993 г. – О.К.) предусматривает, что мы должны решить проблему четырех островов (т.е. всех южных Курильских островов: гряды Хабомаи и островов Шикотан, Кунашир и Итуруп. – О.К.). Я полагаю, что если две стороны желают завершить рассмотрение вопросов, обе стороны должны идти на компромисс по отношению друг к другу». Идея «компромисса» в решении территориальной проблемы уже много лет обсуждается на разнообразных российско-японских дискуссионных площадках, правда, без выхода на какие-либо конкретные предложения, приемлемые для России и Японии. В этом смысле прозвучавший вопрос предполагал традиционный ответ российской стороны о продолжении дальнейших переговоров между странами по проблеме заключения мирного договора с решением территориальной проблемы.

Однако В.В. Путин ответил неожиданным образом: «Мы с Вами, как дзюдоисты, должны делать смелые шаги, но для того, чтобы выигрывать и не проигрывать. В этой ситуации, как ни странно, мы не должны добиваться какой-то победы. В этой ситуации мы должны добиться приемлемого компромисса. Это что-то вроде “хикиваки”». Далее В.В. Путин разъяснил, что «хикиваки» – это в дзюдо «ничья». Он вкратце изложил историю обсуждения территориального вопроса и резюмировал: «Я надеюсь, что мы все-таки найдем такие точки соприкосновения, которые позволят нам двигаться дальше в решении этой

проблемы». В этом интервью В.В. Путин также изложил свое понимание п. 9 Декларации 1956 г.: «Там не было написано, на каких условиях передаются острова [гряда Хабомаи и о. Шикотан] и под чьим суверенитетом они будут находиться». Этот тезис В.В. Путин неоднократно повторял как до, так и после данного интервью, о чем речь пойдет ниже.

Японское слово 引き分け (*хикивакэ*), которое означает «ничья», используется как термин в дзюдо [2], которым занимается В.В. Путин. Однако в России этот японский термин все еще встречается в искаженном произношении – «хикиваки», что нашло отражение в отечественных официальных материалах, затрагивающих дискуссию по территориальной проблеме между российскими и японскими участниками.

Появление «компромисса» в виде «ничьей» стало неожиданным как для российских экспертов, так и для японской стороны. Складывалось впечатление, что Россия предлагает Японии некий новый взгляд на территориальную проблему между странами, которая фактически возникла с момента передела территорий по итогам Второй мировой войны и в том или ином виде мешает развитию двусторонних отношений. Япония считает объявление Советским Союзом 8 августа 1945 г. войны против нее и захват «северных территорий» незаконными и требует эти территории «вернуть». Предпринимаемые в разное время попытки сторон как-то решить эту проблему к успеху не привели. Сделанное 2 марта заявление В.В. Путина, который 4 марта 2012 г. в третий раз был избран президентом Российской Федерации, о «приемлемом компромиссе» в виде «ничьей», создало новую интригу, хотя, как показало дальнейшее развитие событий, ни на шаг не приблизило стороны к решению территориальной проблемы.

Ничья предполагает сохранение статус-кво, что совершенно неприемлемо для Японии, которая требует от России «возвращения северных территорий», т.е. южных Курильских островов. Как на той же встрече сразу отреагировал Ё. Вакамия, «если мы хотим “хикиваки”, то двух островов недостаточно».

«Компромисс» и «ничья» плохо согласуются в контексте территориального спора. Под компромиссом понимается выход на некоторый вариант, который мог бы устроить обе стороны в результате отхода от своих крайних позиций. Компромисс предполагает некую «золотую середину» между желаниями двух сторон. В частности, Япония отказывается от требований на все «четыре острова», а Россия соглашается на передачу Японии какой-то части южных Курильских островов. В этом случае та или иная сторона может говорить о каком-то выигрыше или о каком-то проигрыше, но корректно ли такую ситуацию назвать «ничьей»? Ничья в дзюдо – это когда две противоборствующие команды набирают одинаковое количество баллов, и им не засчитывают ни победу, ни поражение. Какое отношение такая «ничья» имеет к решению территориальной проблемы, которой на сегодняшний день уже более 70 лет?

Однако идея «компромисса» в виде «ничьей» и формулы «ни победителей, ни побежденных» была озвучена и стала частью политической дискуссии по российско-японской территориальной проблеме. Японская сторона всегда старается рассматривать предложения российской стороны со своих позиций, извлекая из вороха разнообразных заявлений российских представителей выгодные для себя моменты и интерпретируя их в контексте национальных интересов Японии. Как представляется, не наполнение «ничьей»

каким-либо конструктивным содержанием, а именно появление новой возможности через «ничью» решить проблему «северных территорий» сподвигло японскую сторону в дальнейшем присмотреться к этому предложению.

16 декабря 2012 г. в Японии к власти возвратилась Либерально-демократическая партия, победившая Демократическую партию на выборах в нижнюю палату парламента Японии. Премьер-министром страны во второй раз стал Абэ Синдзо, который решил посетить Россию с официальным визитом. Для подготовки этого визита С. Абэ направил в Москву своего спецпредставителя – бывшего премьер-министра Японии, а теперь отставного политика – Мори Ёсиро, который ранее не раз встречался с В.В. Путиным.

20 февраля 2013 г. Ё. Мори дал интервью специальному корреспонденту ИА «Интерфакс» Ксении Байгаровой [3], в котором ответил на поставленный журналистом «курильский вопрос» (так в оригинале, хотя этот термин представляется некорректным. – О.К.): «На пресс-конференции с иностранными журналистами в марте 2012 г. президент Путин, используя принятый в дзюдо термин “хикивакэ”, выразил свою позицию, желание поставить точку в территориальной проблеме с Японией. Как я понимаю, “хикивакэ” означает такое решение, при котором не будет ни победителей, ни побежденных. Проблема северных территорий – чрезвычайно трудный вопрос, остающийся неурегулированным вот уже в течение 67 послевоенных лет. Но если Япония и Россия вместе напрягут весь свой ум, считаю, решение возможно – с учетом всех документов и договоренностей, в том числе Иркутского заявления [4], подписанного президентом Путиным и мной. Я очень надеюсь, что премьер-министр Абэ и президент Путин добьются прогресса в решении этого вопроса».

21 февраля 2013 г. состоялась встреча В.В. Путина с Ё. Мори [5]. Позднее Ё. Мори в интервью газете «Ёмиури» рассказал подробности встречи с В.В. Путиным: «Когда в феврале 2013 г. я встретился с Путиным в Москве, я спросил у него, что он подразумевает под “хикивакэ”. Он ответил: “Нет победителей и проигравших”. Путин нарисовал на бумаге площадку для дзюдо и заявил, что разговор должен вестись в центре нее» [6].

22 февраля Ё. Мори посетил МГИМО-Университет, где выступил по вопросам мировой политики и перспектив двусторонних отношений, а также ответил на вопросы студентов [7]. По территориальному вопросу Ё. Мори отметил, что он может быть решен лишь на основе компромисса – «так, чтобы ни одна из сторон не чувствовала себя побежденной». «В последнее время появился новый подход к решению этой проблемы. В 2012 г. президент Путин, выступая перед журналистами, заявил, что спор должен быть решен на основе устраивающего обе стороны компромисса. Что-то вроде хикивакэ (в оригинале представлен третий вариант написания японского слова *хикивакэ*. – О.К.). Хикивакэ – термин из дзюдо, когда ни одной из сторон не удалось добиться победы». По мнению Ё. Мори, проблему можно решить, отталкиваясь от Декларации 1956 г., которая предусматривает передачу Японии гряды Хабомаи и о. Шикотан. Закрепление же за какой-либо из сторон всех «четырех островов» чревато сохранением конфликтного потенциала этой проблемы, считает Ё. Мори. Надо отметить, что после ухода из политики мнение Ё. Мори по территориальному вопросу с Россией стало более прагматичным, хотя и перестало совпадать с официальной позицией Токио.

С 28 по 30 апреля 2013 г. состоялся официальный визит премьер-министра Японии С. Абэ в Москву, где его принял президент России В.В. Путин. По результатам встречи В.В. Путина и С. Абэ, которая прошла 29 апреля 2013 г., сторонами было принято Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства [8].

По территориальному вопросу стороны согласились с тем, что ситуация, при которой сегодня – спустя 67 лет после окончания Второй мировой войны – между Россией и Японией не заключен мирный договор, является ненормальной. Лидеры договорились совместно дать своим министерствам иностранных дел поручение «ускорить переговоры по выработке взаимоприемлемых вариантов решения проблемы мирного договора с целью их представления руководителям двух стран для обсуждения». С. Абэ также отметил, что в последние несколько лет переговоры по заключению мирного договора находились в состоянии застоя. «Но на нынешних переговорах мы смогли договориться о том, что будем их возобновлять и ускорять этот процесс. Я считаю это большим результатом... Я буду непосредственно заниматься этой проблемой, которая является самой крупной нерешенной проблемой между двумя нашими странами, и буду прилагать все усилия для ее решения», – сообщил он [9].

С. Абэ также сказал, что пригласил В.В. Путина посетить с официальным визитом Японию в 2014 г., однако в дальнейшем из-за крымских событий эта встреча была перенесена на неопределенный срок. Визит С. Абэ в Москву способствовал, прежде всего, активизации экономического диалога между странами, что в полной мере соответствовало интересам России, но, как представляется, ответный визит В.В. Путина в Токио планировался японской стороной как визит с целью удовлетворения уже интересов Японии по вопросу «северных территорий». Очевидно, что ситуация с Крымским полуостровом, который 17 марта 2014 г. Россия присоединила к себе в одностороннем порядке, никак не вписывалась в сценарий «возвращения северных территорий». Япония взяла тайм-аут с целью оценить сложившуюся ситуацию, а российско-японские отношения в политической сфере «заморозились».

Таким образом, в ходе апрельского 2013 г. визита премьер-министра Японии в Москву никаких новаций по территориальному вопросу сторонами зафиксировано не было, а надежды Ё. Мори на достижение прогресса в решении территориального вопроса не оправдались. Тем не менее, тема «ничьей» продолжала обсуждаться на разных уровнях.

5–6 сентября 2013 г. в Санкт-Петербурге прошел саммит «большой двадцатки», в рамках которого 5 сентября состоялась встреча президента России В.В. Путина с премьер-министром Японии С. Абэ [10]. На брифинге по результатам встречи пресс-секретарь президента Д.С. Песков сообщил [11], что решение проблемы мирного договора между Японией и Россией может быть достигнуто только на основе принципа «нет победителя – нет побежденного». «Это то, что по-японски называется “хикиваки”. Путину, как дзюдоисту, это очень знакомая фраза, и как раз два лидера сошлись на том, что именно на основе этого принципа нужно подходить к этой проблеме», – добавил он.

Это заявление вызвало волну недовольства патриотической части российского общества, представители которой задались вопросом: как тезис о том, что «нет победителей

и нет побежденных» увязывается с победой СССР над Японией во Второй мировой войне? В российских СМИ и блогосфере появились предположения, что Курилы сдают. В частности, газета «Завтра» опубликовала статью [12], которая завершалась требованием: «Российская дипломатия должна показать свою эффективность, сумев договориться с Японией, и официально заключить долгожданный мир без территориальных уступок и, тем более, без переоценки последствий Великой Победы».

31 октября 2013 г., накануне первых в истории встреч глав министерств иностранных дел и министерств обороны России и Японии в формате «два плюс два» в Токио, которые прошли 2 ноября, министр иностранных дел Японии Кисида Фумио в интервью главному редактору внешнеполитической редакции ИА «Интерфакс» Ксении Байгаровой [13] рассказывал о перспективах российско-японских отношений. В том числе он ответил на вопрос и о формуле «нет победителей и нет проигравших»: «Я согласен с мыслью президента Путина решать трудную проблему в форме “хикивакэ”, т. е. по формуле “нет победителей и нет проигравших”, в соответствии с этой договоренностью. Для поиска конкретных форм этого решения мы намерены в спокойной обстановке вести переговоры о заключении мирного договора в контексте дальнейшего развития японско-российского сотрудничества во всех областях одновременно с углублением отношений взаимного доверия путем последовательного высокоуровневого политического диалога в хорошем темпе». По мнению Ф. Кисиды, «мы не должны оставлять эту проблему следующим поколениям. Обе стороны должны использовать всю свою мудрость для возможно скорейшего нахождения ее решения». Однако он также процитировал высказывание С. Абэ: «Не существует “волшебной палочки”, с помощью которой можно было бы одним взмахом решить этот трудный вопрос, остающийся неурегулированным и спустя 68 лет после окончания Второй мировой войны».

24 мая 2014 г. в Санкт-Петербурге В.В. Путин провел встречу с руководителями ведущих зарубежных информационных агентств [14], на которой представитель ИА «Киодо Ньюс» Сугита Хироки задал вопрос о возможности стратегического партнерства между Россией и Японией по примеру отношений России и Китая, а также спросил о «четыре северных островах»: «Вы говорили, что хотите разрешить их (вероятно, разрешить вопрос об их принадлежности. – О.К.) путем хикиваки, то есть ничьей в терминах дзюдо. Нет ли изменений в такой Вашей позиции? И хотелось бы спросить о содержании этого хикиваки, то есть ничьей: объясните, пожалуйста, что Вы думаете об этом сейчас?»

В.В. Путин ответил на вопрос о «ничьей» таким образом: «Что такое хикиваки в данном случае? Если бы я знал окончательный ответ, мы бы уже подписали все документы. Окончательного ответа пока нет, он может родиться только в результате тяжелой сложной совместной работы. Но в принципе это значит, что решение должно быть таким, которое не ущемляло бы интересов друг друга, было бы приемлемым компромиссом, и при этом ни одна из сторон не чувствовала бы, что она является проигравшей. Непростая формула, но в целом, если думать об этом постоянно, двигаться вперед, то, думаю, ничего невозможного нет».

Таким образом, в данном интервью В.В. Путин признал, что не знает ответа на вопрос, что такое «ничья» в контексте решения территориальной проблемы с Японией, хотя ранее именно он и предложил японской стороне эту «ничью».

Среди позитивных для российско-японских отношений заявлений В.В. Путина в этом интервью, можно отметить его намерение вести переговоры по территориальному вопросу: «И Япония, и Россия искренне заинтересованы в том, чтобы эта проблема [по островам] была решена. Я хочу подчеркнуть: и Россия тоже». В то же время, он вновь подверг критике п. 9 Совместной декларации СССР и Японии 1956 г. сказав, что «в этой декларации... говорится о том, что Советский Союз готов рассмотреть вопрос передачи Японии двух островов. Там ничего не говорится о том, на каких условиях и чей будет суверенитет над этими островами, но о передаче там сказано».

Последнее высказывание В.В. Путина, неоднократно озвученное ранее, позволяет предположить, что в России всерьез не рассматривается вариант, изложенный в п. 9 Декларации 1956 г., хотя в Иркутском заявлении, подписанном в 25 марта 2001 г. президентом России В.В. Путиным и премьер-министром Японии Мори Ёсиро, стороны подтвердили, что «Совместная декларация СССР и Японии 1956 года представляет собой базовый юридический документ, положивший начало процессу переговоров о заключении мирного договора после восстановления дипломатических отношений между двумя странами» [4]. Именно этот вариант, т.е. передача Японии гряды Хабомаи и о. Шикотан после подписания мирного договора между странами, и рассматривался рядом экспертов как компромисс, который хотя и не удовлетворяет ни российскую, ни японскую сторону, но зафиксирован документально в двустороннем документе, имеющем статус международного договора. Однако Москва, судя по всему, не считает такой вариант легитимным.

Признавая факт ведения переговоров по заключению мирного договора, президент России в очередной раз ставит под сомнение смысл п. 9 Декларации 1956 г., фактически дезавуируя обязательства СССР/России в отношении Японии, хотя прочтение п. 9, как представляется, не может вызывать каких-либо вариативных толкований: СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии гряды Хабомаи и о. Шикотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора. Таким образом, гряда Хабомаи и о. Шикотан после подписания мирного договора передаются под юрисдикцию именно Японии, а не кому-то еще, хотя срок передачи указанных островов японской стороне после подписания мирного договора в данном документе не определен. Очевидно, дата передачи может быть указан непосредственно в мирном договоре, который видится как решение прежде всего территориальной проблемы в отношениях между странами. Хотя верно и то, что в новых исторических условиях решение территориальной проблемы по взаимному согласию может быть не таким, как указано в Декларации 1956 г.

9 ноября 2014 г. в Пекине на полях саммита АТЭС состоялась встреча президента России В.В. Путина с премьер-министром Японии С. Абэ [15]. И хотя С. Абэ сообщил на открытой для прессы части встречи, что он «хотел бы уделить время обмену мнениями по вопросу заключения мирного договора, а также по международным вопросам», однако кроме сообщения о том, что «стороны подтвердили готовность к продолжению контактов по всем

направлениям, в том числе относительно работы по мирному договору», дополнительных подробностей о состоявшемся обсуждении не прозвучало.

16 апреля 2015 г. президент России В.В. Путин после окончания «прямой линии» встретился с представителями средств массовой информации [16]. Ему был задан вопрос, касающийся отношения России к территориальной проблеме с Японией после крымских событий: «Проблема в том, что Япония также относится к странам южнокурильской гряды (т.е. также, как Россия к Крыму, входившему в состав Украины. – *О.К.*). На протяжении этих пятнадцати лет Вы часто встречались с японским премьером, беседовали с ним и вроде даже согласились решать проблему по принципу хикиваки, да, то есть “проигравших нет, победителей нет”. Скажите, теперь, когда случилась история с Крымом, изменился ли Ваш подход к этому вопросу? В чем заключается на данный момент Ваш подход к Курильской гряде?».

В.В. Путин ответил, что «наш подход в отношениях с Японией по мирному договору и по территориальным вопросам никак не изменился в связи с Крымом». В то же время он обозначил разницу между Крымом и южными Курильскими островами: «Что касается островов, которые Вы упомянули [южные Курильские острова], там живут люди, которые вряд ли проголосуют за присоединение к Японии. Это другая абсолютно ситуация, связанная с результатами Второй мировой войны. Россия, кстати говоря, тоже, если в глубь истории туда углубиться, тоже по-разному может относиться к этим территориям. Мы готовы к диалогу с Японией на этот счет, в том числе на основе известных документов 1956 года, которые были ратифицированы, напомним, японским парламентом. Но сегодня диалог у нас практически свернут по инициативе японской стороны».

Характерно, что В.В. Путин в очередной раз упомянул Декларацию 1956 г., по поводу которой он ранее высказывал критические замечания, а также фактически обвинил японскую сторону в отказе вести двусторонний диалог. Разумеется, Токио с такой его трактовкой ситуации не согласилось, что послужило очередным поводом для дипломатических заявлений с обеих сторон [17].

Очередная встреча С. Абэ и В.В. Путина прошла 28 сентября 2015 г. на полях сессии Генеральной Ассамблеи ООН [18]. Намерения С. Абэ были недвусмысленными: «Недавно я вновь был избран главой Либерально-демократической партии Японии, и теперь у нас сложилось прочное основание для дальнейшего спокойного обсуждения проблемы по заключению мирного договора, и я готов приложить усилия для дальнейшего развития наших отношений».

20 февраля 2016 г. премьер-министр Японии С. Абэ заявил японской телекомпании NHK [19]: «Спустя 70 лет между нашими странами [Россией и Японией] до сих пор существует территориальная проблема. Кроме того, не подписан мирный договор. Это ненормально. И я, и президент Путин достигли в этом понимания. Каким-то образом эту проблему необходимо решить... Осознавая это, я бы хотел совершить визит в Россию, а также, – чтобы президент Путин приехал в Японию. Точные сроки пока не определены, это должно быть в подходящее время». Похоже, что С. Абэ действительно планирует продолжать диалог с президентом России В.В. Путиным «для окончательного решения территориального вопроса».

Посткрымское «охлаждение» в российско-японских отношениях, которое характеризуется, в частности, переносом официального визита президента России в Токио на неопределенный срок, не могло не обострить дискуссию по решению территориальной проблемы, хотя японская сторона, похоже, все еще рассчитывает на этот визит, который каким-то образом должен сдвинуть территориальный спор с мертвой точки. Удивительным фактом стало то, что японская сторона захотела в очередной раз организовать визит премьер-министра Японии С. Абэ в Россию для встречи с президентом России В.В. Путиным в мае 2016 г., накануне проведения в Японии саммита «большой семерки» (G7), который запланирован на 26-27 мая. Очевидно, что такая встреча в России, если она состоится, будет способствовать позиционированию Японии как страны, которая проводит независимую от США внешнюю политику, по крайней мере, в отношении России, а С. Абэ становится своеобразным «представителем» России в глазах других членов G7.

Однако ситуация в самой России меняется не в сторону активизации диалога с Японией по территориальной проблеме. Характерно, что МИД России старательно дистанцировался от комментариев по поводу нового «компромисса» в виде «ничьей». Вероятно потому, что инициатива «ничья» исходила лишь от Кремля и не была всесторонним образом проработана экспертами разных ведомств. В то же время в условиях ведущейся на мировой арене информационной войны МИД России стал более жестко реагировать на многочисленные высказывания японских политиков по мирному договору и территориальной проблеме.

Так, 26 января 2016 г. в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2015 г. министр иностранных дел С.В. Лавров [20], отвечая на вопрос о состоянии российско-японских отношений, в частности сказал: «Мы не считаем, что мирный договор – это синоним решения территориальной проблемы. Это шаг, который необходим для того, чтобы отношения между двумя странами были нормальными не только по сути, но и по юридическому оформлению. Напомню, что единственный документ, который был подписан и ратифицирован двумя странами в 1956 г., т.н. Декларация, очень четко ставит подписание мирного договора на первое место вне зависимости от того, как будет и может быть достигнута договоренность в окончательном виде по островам». Таким образом, не отрицая важности ведения двустороннего диалога по мирному договору, МИД России смещает акценты, указывая на то, что последний может быть заключен и без решения территориальной проблемы. Подобный подход делает ничтожными не только ранее достигнутые договоренности по территориальному вопросу, но и ставит под сомнение целесообразность подписания мирного договора, который в п. 9 Декларации 1956 г. логически увязан с добровольной передачей Японии принадлежащих СССР/России гряды Хабомаи и о. Шикотан.

20 февраля 2016 г., комментируя интервью представителя МИД Японии Айки Тосихиро по проблеме мирного договора с Россией [21], в котором японский дипломат, в частности, заявил, что между Москвой и Токио «не все итоги Второй мировой войны подведены» и требуется урегулировать т.н. территориальный вопрос, МИД России привел ряд исторических фактов и резюмировал: «Выражаем искреннее сожаление, что японская сторона пытается разворачивать в публичном пространстве дискуссию по чувствительной теме двусторонних отношений, допуская к тому же произвольную и искаженную трактовку

исторических фактов». Данное заявление, похоже, говорит о том, что в России в публичном пространстве территориальный диалог вестись не должен, не гражданское это дело. Заявление пытается вернуть ситуацию к информационно закрытому периоду холодной войны, когда «чувствительные вопросы» решались в аппарате ЦК КПСС, а мнение народа формировалось государственными средствами массовой информации исключительно в контексте поддержки «единственно верного курса партии и правительства».

* * *

Принцип «ничья», который в 2012 г. был предложен В.В. Путиным японской стороне, оказался принципом без какого-либо конкретного наполнения. Это не обсуждение варианта Декларации 1956 г. о передаче Японии после заключения мирного договора гряды Хабомаи и о. Шикотан, который в России, очевидно, не популярен. Это и не обсуждение принадлежности «четырех островов» – гряды Хабомаи, о. Шикотан, Кунашир и Итуруп, – как это прописано в Токийской декларации 1993 г. и некоторых последующих документах. Это не обсуждение компромиссных вариантов разделения южных Курильских островов между Россией и Японией пополам или как-то еще. Как представляется, принцип «ничья» – это, прежде всего, отказ от какого-либо конкретного обсуждения территориальной проблемы, своеобразный дипломатический «туман», за которым скрывается два очевидных интереса России в отношении Японии: первый – это желание развивать выгодное для России сотрудничество с Японией, поддерживать политические и экономические отношения с ней, особенно после «поворота России на Восток», а второй – это абсолютное нежелание со стороны России предпринимать какие-либо действия, изменяющие сложившуюся после Второй мировой войны фактическую границу между странами. Похоже, что создание видимости ведения переговоров с Японией по территориальному вопросу без выхода на какое-либо конструктивное решение – это и есть «ничья», однако «ничья» как динамический процесс, имитирующий диалог по территориальной проблеме, но сохраняющий статус-кво в территориальном вопросе.

В этом смысле принцип «ничья» уже сыграл свою тактическую роль: Токио продолжает верить в то, что лично с В.В. Путиным может договориться о решении территориальной проблемы, несмотря на отсутствие каких-либо конкретных шагов Москвы в этом направлении и отсутствие за столом переговоров какого-либо компромиссного варианта по изменению границы, и в то же время, российско-японские отношения после крымских событий хотя и «охладели», но еще «теплятся», на разных уровнях поддерживаются и в некоторых областях продолжают развиваться.

Не исключено, однако, что через какое-то время к японскому руководству придет понимание того, что в современной ситуации Москва не только не хочет, но и не может передать Японии какие-либо Курильские острова, даже несмотря на высокие, по японским меркам, личные рейтинги В.В. Путина в самой России. А усиление военного присутствия российских войск на южных Курильских островах лишь подтверждает предположение о том, что «окно возможностей» для Японии по вопросу «возвращения северных территорий» в настоящее время с российской стороны плотно закрыто.

Список литературы

1. Председатель Правительства России В.В. Путин встретился с главными редакторами ведущих иностранных изданий // Председатель правительства России. 02.03.2012 09:20. URL: <http://archive.premier.gov.ru/events/news/18323/>
2. Дзюдо. Программа тренировок. – Сэйбидо, 20.04.1997. 192 с. (на яп.)
3. Надеюсь, что Абэ и Путин добьются прогресса в решении территориальной проблемы // Интерфакс. 20.02.2013 19:00. URL: <http://www.interfax.ru/interview/291563>
4. Иркутское заявление президента Российской Федерации и премьер-министра Японии о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора // МИД России. 26.03.2001 01:55. URL: http://www.mid.ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUsqsVU9NDU/content/id/587296
5. Встреча с Ёсиро Мори // Президент России. 21.02.2013 16:30. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17560>
6. Интервью с Ёсиро Мори: от премьер-министра ожидают действий по решению проблемы «северных территорий» // Ёмиури. 26.01.2016. (на яп.)
7. В МГИМО выступил Ёсиро Мори // МГИМО-Университет. 25.02.2013. URL: <http://mgimo.ru/about/news/visits/235731/>
8. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства // Президент России. 29.04.2013. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1446>
9. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-японских переговоров // Президент России. 29.04.2013 17:20. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/18000>
10. Встреча с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Президент России. 05.09.2013 14:20. URL: <http://kremlin.ru/catalog/persons/356/events/19157>
11. Путин и Абэ решат проблему мирного договора по принципу «хикиваки» // РИА Новости. 05.09.2013 18:17. URL: <http://ria.ru/politics/20130905/961087840.html>
12. Полонский Илья. Дед воевал за хикиваки? // Завтра. 10.09.2013. URL: <http://zavtra.ru/content/view/ded-voeval-za-hikivaki/>
13. Мы не должны оставлять проблему мирного договора следующим поколениям // Интерфакс. 31.10.2013 21:00. URL: <http://www.interfax.ru/interview/338061>
14. Встреча с руководителями мировых информагентств // Президент России. 24.05.2014 18:30. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/21090>
15. Встреча с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Президент России. 09.11.2014 17:00. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46985>
16. Ответы на вопросы журналистов по итогам «Прямой линии» // Президент России. 16.04.2015 16:30. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49264>
17. Казаков О.И. Российско-японские отношения в 2014 году // Ежегодник Японии. 2015. С. 20-35.
18. Встреча с Премьер-министром Японии Синдзо Абэ // Президент России. 28.09.2015 23:10. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50392>

19. Абэ заявил, что полностью доверяет Путину и хочет решить территориальный вопрос // ТАСС. 20.02.2016 10:19. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2684953>

20. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2015 году, Москва, 26 января 2016 года // МИД России. 26.01.2016 15:11. URL: http://www.mid.ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/2032328

21. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с высказываниями японского дипломата по проблеме мирного договора // МИД России. 20.02.2016 19:03. URL: http://www.mid.ru/maps/jp/-/asset_publisher/zMUsqsVU9NDU/content/id/2105539

Поступила в редакцию 12.03.2016

Автор:

Казаков Олег Игоревич, заведующий Отделом наукометрии и информационных технологий Института Дальнего Востока РАН. E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

«Hikiwake» in Russian-Japanese Relations: Both Sides No Gain

O.I. Kazakov

In March 2012 President Putin put forward the idea of *hikiwake* (a judo term meaning that no side gets any gain). This principle could serve as a means of conducting political Russian-Japanese dialogue on the «Northern Territories» issue settlement that might evolve into further conclusion of a peace treaty. As the author sees it, the above mentioned principle cannot play a decisive part in this matter. And the very concept of *hikiwake* was put forward to maintain the existing «status quo» with the Japanese side.

Keywords: Japan, Russian-Japanese relations, peace treaty, territorial problem, political dialogue, *hikiwake*.

Author:

Kazakov Oleg I., Head of Department of Scientometrics and Information Technology, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

Экологические проблемы в Японии: между прошлым и будущим

И.С. Тихоцкая

После краткого исторического экскурса в статье анализируются особенности подхода Японии к решению экологических проблем и распространению экологических знаний, законодательство в области защиты окружающей среды от загрязнения, а также экологический след человечества в целом и Японии.

Ключевые слова: экологические проблемы, экологический след, защита окружающей среды, экологическое законодательство, экологическая оптимизация, общество рециклирования, общество с устойчивым материальным циклом, ресурсы устойчивого материального цикла.

Забота об окружающей среде (ОС) превратилась в одну из самых животрепещущих проблем современности – от ее решения зависит само существование людей на нашей планете. Поддержание экономического роста, ведущего к истощению природных ресурсов, и сложившееся в подавляющем большинстве стран мира общество массового производства и массового потребления, следствием которого является образование огромного количества отходов, привели к возникновению острых экологических проблем, неведомых человечеству ранее. **Экологические проблемы** заключаются в изменении природной среды в результате антропогенных воздействий, ведущих к нарушению структуры и функционирования природы.

В докапиталистический период развития такие проблемы в Японии отсутствовали и не только потому, что промышленное производство было еще незначительным, соответственно не было и высокой концентрации производственных мощностей и населения на ограниченной территории. Дело в том, что в условиях небольшой островной территории и ограниченных запасов ресурсов там с давних пор прослеживалось стремление к их экономии. Необходимость быстрого надлежащего обращения с отходами диктовалась теплым и влажным климатом и также отсутствием «бескрайних просторов».

«Общество рециклирования», создать которое Япония настойчиво стремится со второй половины прошлого века, по сути, сложилось в Японии еще в докапиталистический период развития. Так, уже в древней Японии была развита повторная утилизация предметов. Например, при переносе столицы из города Фудзивара в Нара туда же перевезли и деревянные столбы и черепицу, а деревянные доски, служившие для письма, *моккан*,

самые старые из которых датируются серединой VII в., использовались многократно, поскольку в отличие от применявшихся в Китае бамбуковых, были пригодны для соскабливания старой записи и нанесения новой. К тому же информация наносилась на них с обеих сторон. Более того, между строками ставших ненужными документов тоже писали – для тренировки в письме [1].

Период Эдо (1603–1867 гг.) может служить примером рациональной политики в области отходов – это было общество, в котором в дело шли все отходы. Почти полная изоляция от внешнего мира с начала XVII в. до середины XIX в. вынуждала Японию опираться на собственные ресурсы и как следствие – стремиться к их экономному и разумному использованию. То есть концепция рециклирования и образ жизни в соответствии с идеей «замкнутого цикла» возникли там естественным образом [2]. Поскольку это страна рисовой культуры, то ярким примером является использование всего, что остается после сбора урожая риса. Традиционные маты *татами*, которыми застилают пол, легкие сандалии *дзори* изготавливали из рисовой соломы, которая, кроме того, использовалась в качестве топлива и удобрения. В стране существовало множество мастерских по рециклированию домашней и кухонной утвари, зонтиков, многие ресурсы использовались повторно, вплоть до сбора крестьянами сточных вод, служивших удобрением. Причем содержимое отхожих мест настолько высоко ценилось, что крестьяне покупали фекалии и после ферментации в специальных накрытых крышкой отстойных ямах рядом с полями использовали в качестве удобрений (благодаря подобной технологии такие инфекционные заболевания, как чума и холера, в отличие от Европы, переживавшей эпидемии, в Японии были сравнительно редки). Подобная практика стимулировала развитие связей устойчивого материального цикла между городом и близлежащими деревнями, содействовала развитию и городов, и деревень. Это одновременно являет собой пример эффективного экономического и экологического цикла [3]. Монастыри также участвовали в этом обмене. Например, на территории одного из буддистских монастырей в Киото, многие постройки которого превращены в музей, можно видеть павильон с несколькими рядами круглых отверстий – некогда отхожее место монахов. Причем цены на испражнения зависели от социального статуса людей: содержание наиболее ценных для использования на полях веществ различалось в зависимости от того, какая пища потреблялась. Так, по данным японского исследователя Курокава Кадзуэ, содержание азота и фосфора было выше у военных [4].

Экологические проблемы в Японии стали возникать с началом развития промышленности после «открытия» страны во второй половине XIX в. Первое упоминание об экологической проблеме было связано с отравлением медью в результате ее попадания в дренажные стоки с медного рудника Асио в преф. Тотиги в 1878 г. [5]. Это произошло вследствие наводнений в бассейне реки Ватарасэ и затопления большой территории, на которой находились и обрабатываемые земли, и поселения префектур Тотиги и Гумма. После обращения местных крестьян к руководству добывающей компанией им была выплачена компенсация, а правительство организовало строительство дамб на реке Ватарасэ.

Доминирование в стране с первых послевоенных лет концепции приоритетности промышленного производства, по существу, означало полный отказ от веками сложившейся модели рачительного подхода к окружающей среде. В 1950-е – 1960-е годы экологические

катастрофы, вызванные загрязнением окружающей среды в результате ненадлежащего обращения с промышленными отходами, отмечались в разных частях страны. Они приводили к появлению целого ряда тяжелых заболеваний: *итай-итай* (больно-больно) – заболевание, связанное с деформацией костной ткани, вызывающей нестерпимые боли, причина которого в хронической интоксикации организма солями кадмия. Впервые оно было диагностировано в преф. Тояма в 1950 г., хотя первые проявления болезни фиксировались еще в 1912 г.), где компанией «Мицуи» велась добыча разных полезных ископаемых, в том числе и кадмиевых руд [6]. Попадание солей тяжелых металлов стало причиной загрязнения реки Дзиндзу и ее притоков, воды которой, помимо рыболовства, использовались для орошения рисовых полей. Позже пострадавшие были и в пяти соседних префектурах. В 1956 г. в городе Минамата (преф. Кагосима) появилась новая болезнь, получившая название *минамата-бё* (болезнь минамата), которую вызывает отравление организма соединениями ртути, что проявляется в нарушении моторики, расстройстве чувствительности (онемении, покалывании). Причиной стало попадание ртути в залив Минамата в результате сбрасывания отходов химкомбината компании «Тиссо». В преф. Ниигата та же болезнь появилась в 1965 г. Причиной ее возникновения стал химический завод компании «Сёва дэнко» в деревне Каносэ, сбрасывавший отработанные воды в реку Агано. Строительство в 1956 г. первого в Японии нефтехимического комплекса, включавшего нефтеперерабатывающий и нефтехимический заводы и ТЭС, в городе Ёккаити (преф. Миэ) привело к появлению содержащего окислы серы и азота смога, вызвавшего у местных жителей рост хронических заболеваний легких и верхних дыхательных путей, в том числе астмы. Комплекс этих болезней объединили термином «астма Ёккаити». Вышеперечисленные заболевания названы в Японии **«четырьмя крупными заболеваниями, вызванными загрязнением окружающей среды промышленными отходами»** (*ёндай когай-бё*) [7].

Однако с экологической проблемой в наиболее остром проявлении Япония столкнулась на рубеже 1960-х – 1970-х годов. Это явилось следствием японского «экономического чуда» – беспрецедентно высоких темпов экономического развития страны, произошедшего вследствие роста производства в отраслях тяжелой промышленности, которые характеризуются высоким загрязняющим эффектом и образованием большого количества отходов. Свою лепту вносили и ТЭС, работающие на угле. Отказ от старых традиций демонстрировала и трансформация сознания японцев в ходе развития общества потребления. Постепенно бережное и рациональное отношение к вещам в условиях роста доходов все больше вытеснялось стремлением замены старых вещей на новые, побуждением к приобретению товаров с новыми свойствами, чему в немалой степени способствовала и реклама. Это привело к ежедневному образованию огромного количества бытовых отходов. Развитие индустрии досуга, приводящее к высокой концентрации людей на ограниченной территории, также вносило свой негативный вклад в обострение проблемы бытовых отходов.

С учетом особенностей территориальной структуры хозяйства и расселения, характеризующейся особенно высокой концентрацией в Тихоокеанском промышленном поясе, острота проблемы загрязнения ОС, выражающейся в нарушении экологического баланса, многократно возрастала. Помимо загрязнения химического, биологического, теплового, в стране наблюдалось изменение физического состояния среды – шум, вибрация,

электромагнитное, световое и радиоактивное загрязнение. Именно тогда слово *когай* (дословно «общественный вред»), которое стало синонимом «загрязнения окружающей среды», вошло в мировой лексикон.

Сбросы отходов и сточных вод вызвали высокую степень загрязнения водоемов свинцом, мышьяком, кадмием, хромом, фосфором, азотом и пр. органическими соединениями. Это привело к нехватке пресной воды как для нужд производства, так и населения. Прибрежные воды Тихоокеанского побережья, особенно крупные порты, где размещались предприятия, были загрязнены нефтью и нефтяными отходами. В серьезную проблему превратилась борьба со зловонием, а также с загрязнением почв – вредные элементы накапливаются в почве и впоследствии попадают в продукты сельскохозяйственного производства. В урбанизированных районах в настоящее экологическое бедствие превратился шум – более 1/3 всех жалоб населения на загрязнение окружающей среды в 1970 г. [8], источники которого разнообразны: промышленные предприятия, строительные площадки, транспорт (особенно вдоль скоростных магистралей и железнодорожных путей, где проживает немало людей), а также увеселительные заведения.

Для преодоления экологического кризиса в Японии были предприняты самые разные меры – от введения жесткого законодательства, регламентирующего загрязнение окружающей среды предприятиями и устанавливающего **принцип трех «Р»** (Pollution Producer Pays, загрязнитель платит) и возлагающего ответственность за утилизацию бытовых отходов на муниципальные органы, до проведения разъяснительной работы с населением. И сейчас в Японии постоянно распространяют специальные информационные буклеты, помещают рекламу в средствах массовой информации, вывешивают в магазинах и пр., а также используют в этих целях пикапы, оснащенные громкоговорителями, которые передвигаются между домами с небольшой скоростью и предлагают сдать в утиль ставшие ненужными вещи.

В первой половине 1970-х годов была создана **система природоохранных органов**, в том числе Управление по вопросам ОС (1971 г., в 2001 г. преобразовано в министерство). С середины 1970-х годов **на первый план выходит управление качеством ОС**, и экологическая политика включает сочетание административных (нормативы, введение стандартов качества продукции и окружающей среды, мониторинг, экологическая экспертиза, соглашения между местными органами власти и предприятиями о контроле над загрязнением, система арбитража экологических конфликтов) и финансово-экономических мер (льготные кредиты, налоговые льготы, штрафы, взносы). Несколько ранее, в 1969 г. был создан Союз потребителей Японии, цель которого – решение проблем здоровья людей, возникающих вследствие неправомерных действий компаний, так как именно безудержное экономическое развитие считали причиной возникающих заболеваний (в 1970-е годы Союз возглавлял оппозицию в отношении развития атомной энергетики, проводил антиядерные кампании).

К числу основных японских законов, направленных на защиту ОС от загрязнения, относятся следующие: Основной закон о мерах в отношении ОС (1967), Закон о защите ОС (1972) и Основной закон об ОС (1993) (получивший известность как Конституция

экологического законодательства Японии), в котором провозглашено создание общества устойчивого развития. С 1984 г. в стране издается Белая книга по ОС.

Проведение жесткой экологической политики, превратившейся в самостоятельное направление государственной политики и базировавшейся на организационно-правовых, финансовых, материальных и научных основах охраны ОС, в условиях Японии оказалось эффективным, и экологическая ситуация в стране значительно улучшилась. Выброс вредных веществ предприятиями и транспортными средствами существенно сократился (прежде всего благодаря внедрению более совершенных технологий и техники), постепенно все более широко распространялся дифференцированный сбор бытовых отходов, и японские города в результате на фоне других отличаются теперь чистотой. После 1970-х годов существенно снизилось и распространение вышеупомянутых четырех заболеваний. Уже на рубеже 1980-1990-х годов экологическая ситуация в Японии из неблагоприятной превратилась в достаточно благополучную. Так, в 1995 г. эмиссия углекислого газа в стране составила 5 % мировых выбросов против 24 % в США, 14 в Китае и 13 % в Европе в целом (хотя Великобритания и Германия были более успешны – 2,4 и 3,7 % соответственно). Загрязнение воздуха в расчете на душу населения также стало в Японии намного ниже, чем в других развитых странах. Улучшению экологической ситуации способствовала и структурная перестройка японской экономики, и вынос промышленных предприятий, особенно «грязных» производств, за рубеж – уменьшение доли энерго- и материалоемких производств снизило нагрузку на ОС. Активная пропаганда экологических знаний, распространение дифференцированного сбора отходов и прочие меры способствовали и более сознательному подходу к защите ОС со стороны граждан. В результате ежегодное количество бытовых отходов в Японии с 1995 г. стабилизировалось на уровне 52 млн т, а с 2010 г. – 45 млн т (наиболее высокие показатели там, где сконцентрировано больше населения – в районах крупных городских агломераций и крупных по площади префектурах (Хоккайдо).

Примером того, как японцы преобразуют наиболее пострадавшие от загрязнения территории и стремятся пропагандировать экологические знания (и каково стремление решать проблемы защиты окружающей среды), является создание в 1993 г. муниципального Музея истории болезни Минамата. Он построен на насыпной территории в заливе Минамата, откуда зараженные земли были изъяты и заменены новыми. Музей играет большую образовательную роль, его уже посетило около 700 тыс. человек не только из Японии (в том числе группы школьников и студентов из разных префектур страны), но и 175 стран мира. Экспонаты музея информируют о том, что представляет собой окружающая среда, о проблемах, связанных с ее загрязнением, а также разъясняют основы прав человека. Город Тояма стал официальным экотауном в 2001 г., а в 2008 г. – «модельным экотауном» в категории небольших населенных пунктов (его население – 26 тыс. человек). В 2012 г. здесь открылся и Музей истории болезни итай-итай, который осенью 2015 г. посетили император Акихито и императрица Митико [9].

Строгий контроль за охраняемыми природными территориями, мероприятия, направленные на сохранение естественных экосистем, флоры и фауны (в том числе регулярное, раз в 5 лет, обследование состояния природы), также способствуют регулированию антропогенной нагрузки в целом. **В Японии существуют природные парки**

трех типов. Это **национальные парки**, создающиеся в исключительных по красоте местах, природа которых является общеяпонским достоянием (к самым известным из них относятся Фудзи-Хаконэ-Идзу, Никко, Сикоцу-Тоя). Природными парками, приравненными к национальным (так называемые **квазинациональные**), объявляются природные объекты, уступающие по ценности охраняемым в национальных парках, но также имеющие общенациональную значимость. **Префектурные** природные парки служат целям охраны природных объектов, характерных для той или иной местности. В Японии насчитывается 396 природных парков общей площадью более 53 тыс. кв. км (примерно 15 % территории страны!): 31 национальный, 56 «квазинациональных» и 309 префектурных. В подавляющем большинстве национальных и более чем в половине «квазинациональных» парков Японии созданы морские природные парки для охраны прибрежных вод и участков побережья. Первым национальным парком в 1934 г. была объявлена часть Внутреннего Японского моря с находящимися в ней островами (*Сэтонайкай*).

Природные парки играют важную роль в сохранении естественных экосистем в Японии и служат местом отдыха людей. Любая деятельность в них строго регламентируется, около трети их территории считаются особо охраняемыми. Там запрещена любая деятельность, которая может нанести физический или эстетический ущерб природе. Для проведения тех или иных работ в таких зонах требуется специальное разрешение Министерства по вопросам окружающей среды (для национальных и «квазинациональных» парков) или губернатора (для префектурных парков).

В городском планировании возросло значение экологической оптимизации. С 1992 г. в Японии реализуется специальная программа борьбы против глобального потепления, предусматривающая такие меры, как озеленение городов и создание парковых зон, транспортных систем с относительно низким уровнем выброса углекислого газа, более эффективное и экономное потребление энергии в общественных местах (установка датчиков движения для включения и выключения света, кондиционера), приоритетное введение в оборот наиболее экологически чистых машин и оборудования, содействие использованию более «экологически чистых» источников энергии.

Однако охрана ОС – проблема, решение которой требует постоянных усилий. К тому же развитие НТП, технологический прогресс имеет и обратную сторону. Так, возросла опасность для ОС, связанная с электронным излучением, загрязнением радиоактивными и редкими химическими элементами и их соединениями, возможность появления новых, в том числе опасных для человека, биологических видов в результате генетических манипуляций. Активное возведение искусственных территорий, особенно в акваториях крупных городов, также нарушают естественные экосистемы, что вызывает тревогу экологов. Обеспокоенная возможностью нового экологического кризиса, еще более опасного по последствиям, японская общественность выступает за дальнейшее совершенствование контроля над состоянием ОС, переориентацию экологической политики с возмещения на предупреждение ущерба. **С конца 1990-х годов наблюдается ужесточение экологического законодательства.** Были приняты следующие законы: Об оценке воздействия на ОС (1997 г.), О «зеленых покупках» (2000 г.), Об усилении мотивации защиты ОС и содействии

экологическому образованию (2003 г.), О содействии деловой активности корпораций с учетом экологического фактора путем доступа к информации по защите ОС (2004 г.) [10].

Большое значение для снижения нагрузки на ОС имеет разработка в Японии инновационной концепции и принятие на ее базе в 2000 г. **Основного закона об обществе с устойчивым материальным циклом**¹. Это общество, в основе которого лежит традиционная японская **концепция моттаинай**², в котором «установлены приоритеты в обращении с продуктами, отходами и повторно используемыми материалами, и обеспечен надлежащий материальный цикл в природе» [12]. Этот закон также базируется на законодательно закреплённом в 1992 г. принципе «3R»: reduce, reuse, recycle (сокращение, повторное использование и рециклирование отходов) [13]. Сейчас в стране реализуется уже Третий фундаментальный план создания общества с устойчивым материальным циклом, в котором введен и новый термин – **дзюнкан сигэн** (ресурсы устойчивого материального цикла³). Это есть свидетельство перехода на новую стадию в продвижении к обществу нового типа, когда рециклирование измеряется и качественно (за счет меньшего ввода в оборот природных ресурсов и снижения экологической нагрузки), а не только количественно [14].

С лета 2005 г. в стране получила развитие инициированная Министерством по вопросам окружающей среды кампания **Cool Biz**, направленная на снижение потребления электроэнергии в период активного использования кондиционеров. Было рекомендовано устанавливать температуру охлаждения воздуха не ниже 28°C (первоначально в период с июня до сентября, но после Большого землетрясения в Восточной Японии (2011 г.) – с мая по октябрь). С этой целью в правительственных учреждениях отменен строгий дресс-код и разрешено носить легкие брюки и рубашки с коротким рукавом без галстука вместо строгих костюмов. (Согласно обследованию 2009 г., 92 % респондентов знали о проведении этой кампании и 57 % в ней участвовали.) С осени того же года в стране стала проводиться и кампания **Warm Biz**, призывающая устанавливать температуру в кондиционерах на обогрев не выше 20°C, одеваться теплее, употреблять горячую пищу и особенно корнеплоды и имбирь, которые «разогревают тело». (В Японии в холодный сезон продается и чай с имбирем, и мед с имбирем, и медовый напиток с имбирем, а на улицах, особенно по вечерам, кое-где можно встретить маленькие фургоны-грузовички с дымящейся печкой – это продают жареный на камнях батат, *иси-яки-имо*). Однако в отличие от первой кампании, вторая не получала широкого распространения вплоть до осени 2011 г., когда после аварии на АЭС Фукусима-1 возникла опасность дефицита электроэнергии. В Японии и всегда было широко распространено ношение теплого нижнего белья, а новейшие разработки позволили создать новые тонкие ткани, согревающие больше обычных за счет сокращения потерь тепла вследствие испарения влаги (такие изделия компании Uniqlo уже завоевали большую популярность во многих странах).

Япония активно участвует в международном сотрудничестве в экологической сфере, следуя за изменением текущей экологической ситуации, вносит коррективы в свою политику

¹ По поводу данного термина см. [11].

² Все в мире даровано свыше, и растрчивать что-либо понапрасну, терять или выбрасывать – грех.

³ По поводу данного термина см. [3].

и стремится распространять свои достижения в мире. **К главным текущим проблемам экологической политики в Японии на современном этапе**, прежде всего, относят **глобальные проблемы**: потепление климата и истощение озонового слоя, сохранение биоразнообразия природной среды. Для их решения важно все то, что имеет первостепенное значение для создания благоприятной экологической среды в стране: защита атмосферы, воды и почвы от загрязнения, предотвращение риска попадания химических веществ в ОС, управление отходами и создание устойчивого материального цикла, а также участие в международном сотрудничестве.

В качестве показателя, позволяющего оценить антропогенную нагрузку на ОС, в начале 1990-х годов Вильям Рис и Матис Вакернагель предложили использовать так называемый **экологический след (ЭС)** [15]. Это условное понятие, отражающее потребление человечеством ресурсов биосферы: площадь биологически продуктивной территории и акватории, необходимой для производства используемых людьми ресурсов и поглощения и переработки отходов (т.е. учитываются два основных фактора – потребление природных ресурсов и загрязнение окружающей среды). ЭС измеряется в глобальных гектарах – это гектар земли или морской среды со средней по земному шару способностью к производству ресурсов и утилизации отходов. ЭС, несмотря на определенные недостатки, охватывает основные параметры воздействия человека на природу и является индикатором устойчивого развития. Если в 1961 г. человечество использовало менее половины возможностей биосферы по восстановлению, то уже с 1970-х годов превысило их: так называемый годовой спрос на возобновляемые ресурсы превышает то, что Земля может в данном году обеспечить. Последствия этого «перерасхода» ведут к истощению природного капитала, и признаки надвигающегося коллапса уже просматриваются в виде глобальных экологических проблем, а также истощения природных ресурсов, в том числе рыбных и лесных. Мировое население и экономика продолжают расти, вместе с этим растет потребление «экологического капитала», что увеличивает ЭС человечества, тогда как биоемкость Земли снижается (ресурсов все меньше, а конкуренция за обладание ими все выше). Если раньше только города и отдельные страны испытывали дефицит биоемкости, то теперь он ощущается в разной степени, но во всем мире.

В 2009 г. потребовалось в 1,5 раза больше ресурсов, чем наша планета могла восстановить, это в 2 раза больше, чем в 1961 г., когда население расходовало $\frac{3}{4}$ биоемкости Земли. На протяжении последних десятилетий основным и самым быстро растущим компонентом ЭС человечества был углерод. В 1961 г. на долю двуокиси углерода приходилось 35 % от общего ЭС человечества, а в 2009 г. уже 55 %. В 2009 г. биоемкость Земли исчислялась в 12 млрд гга, а ЭС всего человечества более чем в 17,7 млрд гга, следовательно на душу населения эти показатели составляли 1,8 и 2,6 гга соответственно. Признаки глобального перерасхода экологического капитала имеют такие проявления, как засухи и изменение климата, истощение рыбных запасов, обезлесение, эрозия почвы. Введено понятие «**день перебора**» (overshoot day), который отмечает точку, когда люди исчерпывают запас природных ресурсов, производимый планетой за год. В 2013 г. этот день выпал на 20 августа, а в 2015 – уже 13 августа [16] – разница в неделю всего за два года!

ЭС Японии к 1990-м годам вырос почти в 3 раза по сравнению с 1961 г. С середины 1990-х годов, благодаря усилению целенаправленных мер, связанных с принятием концепции устойчивого развития и подписанием Киотского протокола, он был снижен (и в целом, и на душу населения). Однако он остается высоким, хотя и ниже, чем в среднем в так называемых странах золотого миллиарда, о чем свидетельствуют приводимые данные (ЭС стран с высокими доходами; в скобках – в Японии):

ЭС производства	ЭС потребления	ЭС импорта	ЭС экспорта	Биоемкость	Нетто-экспорт ЭС
5,75 (3,55)	6,09 (4,73)	3,04 (2,05)	2,72 (0,87)	3,06 (0,60)	-0,31 (-1,18)

Источник: [17].

Как видно, главным источником ЭС является повседневная жизнь людей. Это означает высокую зависимость ЭС от образа жизни и потребительского поведения граждан. На величину и состав ЭС большое влияние оказывают социально-экономические факторы, уровень доходов, потребляемые продукты питания, товары и услуги, а также образующиеся отходы – все это становится частью ЭС страны.

Япония, когда-то многое заимствовавшая, не устает поражать мир своими инновационными начинаниями. Одним из новшеств, привлекающих все больше внимания в Японии, являются так называемые *сарупа* (Salpa, сокр. от Salvage Parties), на которых профессиональный повар готовит высококачественные блюда из принесенных участниками этого party из дома продуктов, которые им по разным причинам стали ненужными. Название связано с тем, что таким образом «спасают» продукты, которые иначе были бы выброшены. Создателем этой концепции является Хираи Сатоси, который и начал претворение ее в жизнь в 2013 г. с целью побудить людей задуматься о том, сколько доброкачественных продуктов идет в отходы [18]. Движение снискало популярность и стало распространяться по всей стране.

В то время как, согласно данным ФАО на начало 2015 г., в мире насчитывалось 795 млн голодающих людей [19], треть производимого в мире продовольствия попадает в отходы. В Японии **пищевые отходы** составляют порядка 5–8 млн т в год, при этом ее самообеспеченность продовольствием – самая низкая среди развитых стран (39 %) и продолжает снижаться, несмотря на заявления о необходимости ее повышения. Больше всего пищевых отходов образуется в домохозяйствах, откуда их сбор значительно более проблематичен, чем из предприятий питания, магазинов и пр. Начинание в виде *сарупа*, в случае приобретения широких масштабов (а уже сейчас оно становится все популярнее в Японии, особенно среди домохозяек, а также во время проведения тех или иных городских мероприятий; рекламируется по телевидению, в газетах и журналах) может немало способствовать сокращению пищевых отходов в стране изобилия всякого рода.

Особенности питания людей оказывают большое влияние на потребности в биосфере. Следование вегетарианской диете в среднем дает ЭС в 14 раз ниже, чем при включении в рацион мяса. В Японии продовольственный ЭС довольно низкий – 0,8 гга; в Дании он наиболее высок – 2 гга; очень низкое его значение в Мозамбике (0,3 гга) свидетельствует о недоедании, поскольку, хотя японцы и стали есть больше мяса, они потребляют много овощей, фруктов и рыбы, и в среднем на душу населения здесь приходится всего 2780 ккал

(мировой лидер в этом отношении Австрия, 3800 ккал) при достаточном питании [17]. Рацион японцев разнообразен и полезен для здоровья. Однако как стране, зависимость от импорта продовольствия которой велика, Японии крайне важно сокращать пищевые отходы. И только за счет исключения их образования ее ЭС может сократиться на 25 %.

Авария на АЭС в Фукусима, имевшая много негативных последствий, привела и к снижению биоемкости страны. Инициированная японским правительством крупномасштабная (и необходимая!) очистка полей, лесов и деревень, подвергшихся радиоактивному заражению, вызывает опасение у экспертов – чрезмерно интенсивное воздействие на ОС может быть чревато возникновением и других экологических проблем.

Способность решать неотложные экологические проблемы все в большей степени становится определяющим фактором, от которого зависит экономический успех. Что касается ЭС, то хотя он и не лишен недостатков и, по мнению, многих ученых и аналитиков, нуждается в пересмотре, его подсчет (в том числе и индивидуального следа каждого человека) и стремление к его снижению могут служить подспорьем в общей экологической стратегии. Хотя Япония выделяется достаточно низким значением ЭС, она имеет высокую зависимость от внешней биоемкости для обеспечения ресурсами и является экологическим «должником». Это вынуждает ее прикладывать усилия для улучшения экологической ситуации и в мире в целом. Она стремится к достижению устойчивого развития и хочет служить моделью для восточноазиатского региона и всех других стран. Смягчить экологические проблемы и создать модель устойчивого общества она стремится, обращаясь к своим уникальным, накопленным веками знаниям, и соединяя их с современными технологиями и подготовленными людскими ресурсами.

Группа японских экологов разработала рекомендации, соблюдение которых в повседневной жизни каждым человеком может во многом содействовать решению экологических проблем. Это: выключать электроприборы из розетки по окончании работы; повысить/понижить температуру в кондиционерах (летом не ниже 28, зимой не выше 20); отказываться от излишней упаковки; не нажимать резко на газ при запуске двигателя; экономить воду, чаще закрывая кран – во время мытья рук, посуды, чистки зубов (в последнем случае предпочтительнее пользоваться стаканом).

Одной из первых провозгласив экологическую безопасность своей территории одним из приоритетов обеспечения национальной безопасности, Япония настойчиво продвигается к созданию «зеленой сверхдержавы» [20]. Помимо природных факторов и высокой степени концентрации хозяйственной деятельности и населения на небольшой территории, свою роль сыграла и традиционно свойственная японцам близость к природе и особое экологическое мышление. «Экосимбиоз» (или «сосуществование с природой») стало в Японии одним из ключевых слов и в планировании и развитии городских территорий. Экологическая составляющая играет все большую роль в повышении эффективности экономики и качества жизни населения. В Японии хорошо понимают, что многие экологические издержки все больше превращаются в экономическую категорию: благоприятные экологические условия жизни являются не только требованиями людей к качеству жизни, но и необходимы для функционирования высокотехнологичных производств.

Это, однако, не означает, что все проблемы в стране решены. От постоянных усилий по сохранению окружающей среды (ОС) зависит само существование людей на нашей планете, поэтому первостепенное значение имеет **управление отходами**. Если первоначально решение проблемы отходов виделось в основном в избавлении от них всеми способами (сжигании, закапывании, сбрасывании в море и т.п.), то потом родилась концепция общества рециклирования, развившаяся в предложенную Японией концепцию общества с устойчивым материальным циклом [1-5]. В 2013 г. в стране был принят уже Третий план по ее реализации. Хотя предстоит решить еще много задач, уже сейчас можно предположить, что и в XXI веке Япония будет привлекать к себе внимание всего мира, и аналогично тому, как это было с ее моделями экономического роста и управления рабочей силой в XX веке, многие страны будут перенимать ее опыт в сфере сохранения ОС.

Список литературы

1. Мещеряков А.Н. Япония периода Нара (710–794) // Ч.3, гл. 1. История Японии в 2 т. Т.1. М., 1998.
2. Тихоцкая И.С. Японская инновационная концепция рециклирования ресурсов // Вестник МГУ. Серия «География». 2010. №4.
3. Тихоцкая И.С. Япония: инновационный подход к управлению ТБО // Твердые бытовые отходы. 2013. №6. С. 52–53.
4. Kazue Kurokawa. A Study of Soil Fertilizers since the Meiji Era in Japan. URL: http://www.env.go.jp/en/recycle/smcs/a-rep/2008gs_full.pdf (дата обращения: 12.04.2013).
5. Karan. Japan in the 21st century. Environment, Economy and Society. The University Press of Kentucky, 2005.
6. Discover of the itai-itai decease. URL: <http://www.icett.or.jp/english/abatement/toyama/disease.html>
7. Масано Ацуко. Ёндай когайбё: минаматабё, ниигата минаматабё, итай-итайбё, ёккайти когай : [Четыре заболевания, вызванных загрязнением окружающей среды: болезнь Минамата, болезнь Минамата в Ниигата, болезнь итай-итай и вызванная загрязнением окружающей среды в Ёккайти]. Токио, 2013.
8. Тимонина И.Л. Япония: экономика и окружающая среда. М.: Наука, 1988.
9. Асахи симбун. 25.10.2015.
10. Тихоцкая И.С. Как в Японии решают проблемы утилизации бытовых отходов // Отечественные записки. 2007. №2.
11. Тихоцкая И.С. Эволюция подхода к проблеме отходов: к обществу с устойчивым материальным циклом // Япония: свет и тени. М.: Восточная литература, 2008.

12. Дзюнкангата сякай хакусё : [«Белая книга» по обществу с устойчивым материальным циклом]. Токио. 2001.
13. Тихоцкая И.С. Экономико-географические проблемы утилизации отходов в Японии: к обществу с устойчивым материальным циклом // Известия РАН. Серия Географическая. 2010. № 4.
14. Тихоцкая И.С. Японская инновационная концепция рециклирования ресурсов и создание общества с устойчивым материальным циклом // Региональные исследования. 2015. № 2.
15. Wackernagel, Mathis & William E. Rees. Our Ecological Footprint. Reducing Human Impact on Earth. New Society Publishers, Gabriola Island, B.C., 1996.
16. Earth Overshoot Day 2015 // Global Footprint Network.
URL: http://www.footprintnetwork.org/en/index.php/GFN/page/earth_overshoot_day/
17. Japan Ecological Footprint Report 2012. URL: http://www.footprintnetwork.org/images/article_uploads/Japan_Ecological_Footprint_2012_Eng.pdf
18. New Dining Style: Salvage Party Refashions Leftovers into Delicious Dishes // Japan for Sustainability Nesletter N 151, March 2015.
URL: http://www.japanfs.org/en/news/archives/news_id035213.html
19. 2015 World Hunger and Poverty Facts and Statistics. URL: <http://www.worldhunger.org/articles/Learn/world%20hunger%20facts%202002.htm>
20. Стрельцов Д.В. Япония как «зеленая сверхдержава». М.: МГИМО, 2012.

Поступила в редакцию 19.02.2016

Автор:

Тихоцкая Ирина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: iritiro@gmail.com

Ecological problems in Japan: between past and future

I.S. Tikhotskaya

After short historical introduction the author analyses the features of Japanese approach to the solution of ecological problems and ecological knowledge dissemination, ecological legislation as well as ecological footprint of mankind in whole and of Japan.

Keywords: ecological problems, ecological footprint, environment protection, ecological legislation, ecological optimization, recycling society, sound material society, sound material resources.

Author:

Tikhotskaya Irina S., Ph.D. (Economics), Associate Professor, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. E-mail: iritiro@gmail.com

Япония и Корейский полуостров: текущие проблемы отношений

В.О. Кистанов

Отношения Японии с обоими государствами на Корейском полуострове имеют для нее первостепенное значение с точки зрения обеспечения ее национальной безопасности. Однако в силу ряда исторических обстоятельств, а также ряда факторов международной ситуации в Северо-Восточной Азии, связи Японии как с Южной, так Северной Кореей складываются весьма непросто. Это накладывает серьезный отпечаток на всю внешнюю политику Японии.

Ключевые слова: Япония, Корейский полуостров, Южная Корея, Северная Корея, женщины для утешения, ракетно-ядерный потенциал, противоракетная оборона.

В последнее время резкое обострение обстановки на Ближнем Востоке и в Европе несколько затмевает ситуацию в Северо-Восточной Азии, где также действует ряд долговременных факторов, усиливающих напряженность в сфере международной безопасности. Одним из таких факторов являются непростые отношения Японии с обоими государствами на Корейском полуострове. Ряд проблем – наследие колониального прошлого Японии и ее агрессии на материке, другие – порождение холодной войны. От их решения во многом зависят военная стабильность и политические перспективы региона.

История оставила тяжкий груз в отношениях Японии с Южной Кореей в виде двух наиболее острых на сегодняшний день раздражителей. Один из них – проблема *ианфу*, «женщин для утешения» (десятков тысяч кореянок, угнанных во время войны на Тихом океане в японские прифронтовые бордели). Другой – безнадежный спор по поводу территориальной принадлежности горстки островков в Японском море. В настоящее время необитаемые островки (Такэсима по-японски, Токто по-корейски) контролирует Южная Корея, которая отвергает любые претензии на них Японии. Со своей стороны, Сеул долго и настойчиво требовал от Токио принесения полноценных извинений за поруганные во время оккупации честь и достоинство жительниц полуострова, а также материальной компенсации нескольким десяткам престарелых женщин за моральный и физический ущерб. Токио отрицал существование такой проблемы, подчеркивая, что она была решена при нормализации двусторонних отношений в 1965 году.

28 декабря 2015 г. министры иностранных дел Японии Кисида Фумио и Южной Кореи Юн Бен Се подписали в Сеуле соглашение об урегулировании этой проблемы, предусматривающее выплату Японией остающимся в живых «женщинам для утешения» 1 млрд иен (8,22 млн долл.), затем премьер-министр Абэ Синдзо по телефону принес личные извинения президенту Пак Кын Хе. Соглашение официальными лицами обеих стран преподносится как «окончательное и необратимое». Однако уже в начале 2016 г. между Японией и Южной Кореей возникли разногласия по поводу трактовки «исторического документа». Серьезной проблемой оказалась бронзовая статуя сидящей на стульчике корейской девушки, установленная перед японским посольством в Сеуле, как символ «женщин для утешения» и напоминание Японии о преступлениях ее Императорской армии.

Протесты южнокорейских официальных лиц вызвало заявление Ф. Кисиды о том, что статуя молодой девушки, символизирующая упомянутых женщин, будет «убрана соответствующими мерами». Протесты прозвучали также со стороны организаций «женщин для утешения» и других общественных структур Республики Корея. Сделкой оказались не удовлетворены правые элементы и в Японии, заявившие, что Токио уступил Сеулу слишком много. Юн высказался по проблеме «женщин для утешения» во время совместной пресс-конференции значительно более туманно, отметив лишь, что Южная Корея «предпримет усилия, чтобы принять решение по этой проблеме после консультаций с соответствующими группами» [1].

Однако правительства как Японии, так и Южной Кореи, предвидели негативную реакцию собственного общественного мнения. Обе стороны, по мнению японских экспертов, теперь намерены использовать соглашение как начало для решения других сложных проблем. Следующий шаг – разрешение проблемы судебных исков в отношении японских компаний с требованием компенсаций за принудительный труд корейцев, угнанных в Японию во время Второй мировой войны. Верховный суд Южной Кореи в 2012 г. опубликовал первый приговор, признающий право индивидуальных жертв на компенсацию. С тех пор со стороны бывших корейских рабочих иски об ущербе были поданы по всей стране, вылившись в решения против японских компаний. Три случая дошли до верховного суда Южной Кореи.

Что касается упомянутой статуи корейской девушки, то Токио давно и настойчиво добивался ее перемещения. Однако первые месяцы наступившего года отмечены как в Японии, так и Южной Корее, шлейфом протестов против «эпохального соглашения» со стороны националистически настроенных политиков, общественных организаций и СМИ двух стран. Причем острие критики за считающиеся слишком большими и неоправданными уступки партнеру зачастую направлено в обоих государствах против собственного правительства. По иронии судьбы, соглашение о «женщинах для утешения» оказалось неутешительным и беспокойным как для политиков Японии, так и Южной Кореи.

Подписание указанного соглашения с Южной Кореей имеет для премьер-министра С. Абэ еще и внутривнутриполитическое измерение. Как писала газета «Асахи симбун», решение проблемы «женщин для утешения» облегчает путь к роспуску парламента Японии летом этого года и проведения двойных выборов в верхнюю и нижнюю палаты парламента. На них С. Абэ намерен получить более 2/3 в обеих палатах, что открывает дорогу к проведению референдума об изменении конституции страны [2].

Примечательна реакция других азиатских стран, имеющих свои счета к Японии по проблеме «женщин для утешения» и внимательно следивших за тяжбой Токио и Сеула. Так, министерство иностранных дел Китая, согласно расчетам которого число таких женщин в КНР составляет 200 тыс. человек, заявило 29 декабря 2015 г., что Китай будет «ждать и наблюдать» за тем, насколько искренней была Япония после подписания знакового соглашения с Южной Кореей. Филиппинские организации «женщин для утешения» также потребовали от Токио официального извинения, материальной компенсации и включения проблемы в японские учебники истории. А правительство Тайваня настаивает на принесении извинений и выплате компенсаций своим немногим, еще живущим на острове, «женщинам для утешения».

Выступая в феврале на заседании Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, посвященном Японии, замминистра иностранных дел Японии Сугияма Синсукэ снова заявил, что «проблема женщин для утешения» в отношениях с Южной Кореей решена «окончательно и необратимо». Однако далее, отвечая на вопросы, он сказал, что обнаруженные документы не подтверждают «насильственное рекрутирование женщин военными или правительственными властями (Японии)», а сам термин «сексуальные рабыни» противоречит фактам. Как пишет газета «Асахи симбун», это объяснение, данное органу ООН, может вызывать еще большее возмущение среди граждан и острую критику со стороны СМИ Южной Кореи [3].

Подписание «исторического соглашения» о «женщинах для утешения» между Японией и Южной Кореей стало объектом карикатуры в газете Japan Times [4]. На ней японский премьер-министр С. Абэ и южнокорейский президент Пак Кын Хе, замурованные каждый в своей ледяной глыбе, с трудом высунув из них ладони, обмениваются рукопожатием. Не является большим секретом, что сделали они это в основном благодаря сильному нажиму со стороны Вашингтона, которому острые противоречия между своими важнейшими азиатскими союзниками мешают осуществлять провозглашенный президентом Бараком Обамой «поворот» США в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона, связанный с политическим и военным подъемом Китая.

Считая КНДР, наряду с КНР, главным на сегодняшний день источником угрозы безопасности Японии, японские политики уверяют, что для сдерживания Северной Кореи их стране необходимо военное сотрудничество с Южной Кореей, особенно в сфере противоракетной обороны. Правда, ему препятствует отсутствие юридической базы для обмена военными секретами между Японией и Южной Кореей. Поэтому обе страны не могут напрямую обмениваться конфиденциальной информацией о баллистических ракетах Пхеньяна.

Общее соглашение о безопасности военной информации GSOMIA (General security of military information agreement) между двумя странами должно было быть подписано еще в 2012 г., однако его подписание было отложено из-за сильной оппозиции со стороны южнокорейского общественного мнения. В декабре 2014 г. оборонные ведомства Японии, США и Южной Кореи договорились об обмене информацией между Токио и Сеулом о ракетно-ядерных разработках Северной Кореи через Соединенные Штаты. Но Япония остается крайне обеспокоенной такой схемой. Как сказал высокопоставленный

представитель японского министерства обороны, она может не сработать в условиях, когда успех или неудачу в перехвате ракет определяют секунды.

В октябре 2015 г. японский министр обороны на встрече со своим южнокорейским коллегой в Сеуле подтвердил желание Японии подписать GSOMIA, однако получил ответ, что для этого сначала надо заручиться поддержкой парламента и общественности Южной Кореи. Аналогичная история случалась и с другим японо-южнокорейским соглашением, касающимся предоставления на взаимной основе военных товаров и услуг.

Япония не афишировала совместные с Южной Кореей антипиратские учения в Аденском заливе в декабре 2015 г., опасаясь, что это помешает заключению пресловутого соглашения о «женщинах для утешения». Но после подписания этого соглашения, будучи явно под впечатлением от новой постановки ракетно-ядерного спектакля Пхеньяна, а также по навязчивой просьбе своего американского патрона, Сеул начинает проявлять более терпимое отношение к своему нелюбимому соседу. По сообщению японской газеты «Ёмиури симбун», высокопоставленный деятель правительства Южной Кореи заявил, что «сейчас не время говорить о нашей аллергии в отношении Японии» [5].

Примилив Токио и Сеул по чувствительной для обеих стран проблеме, Вашингтон, находясь в противоборствующем Пекину положении в сфере безопасности в АТР, намерен оказывать на него более сильное давление с помощью воссозданного треугольника США – Япония – Южная Корея. Указанный треугольник уже существовал во время холодной войны. Тогда все три его угла были нацелены на Советский Союз. Однако с развалом последнего выяснилось, что линия, связывающая в этом треугольнике Японию и Южную Корею, была прочерчена пунктиром. Ее точки мгновенно улетучились вместе с исчезновением так называемой советской угрозы в Азии. А на их месте ожили исторические «болячки» политики Японии в отношении Корейского полуострова, загнанные вглубь в период холодной войны. Теперь американское руководство хотело бы возродить указанный треугольник и развернуть его в сторону уже «китайской угрозы». Но, судя по всему, его полноценная реанимация в новых условиях будет для США делом непростым.

Уже понятно, что реализация «исторического соглашения» о «женщинах для утешения» наткнется на такой подводный камень, как упомянутая статуя корейской девушки перед японским посольством в Сеуле. Антикитайская геополитическая фигура в Северо-Восточной Азии, старательно начертанная американскими стратегами, может оказаться весьма неустойчивой еще и потому, что Южная Корея отнюдь не горит желанием участвовать в прессинге соседнего гиганта, ставшего для нее жизненно важным торгово-экономическим партнером. Более того, в последнее время на этом фоне отмечается политический дрейф Сеула от Токио к Пекину, вызывающий в Японии большую тревогу.

Наиболее ярким свидетельством тому служит присутствие южнокорейского президента Пак Кын Хе (в отсутствие С. Абэ) на военном параде в Пекине 3 сентября 2015 г. по случаю 70-й годовщины победы Китая в войне сопротивления японской агрессии. Япония и Южная Корея по-разному оценивают и победу на президентских выборах на Тайване в январе 2016 г. лидера оппозиционной Демократической прогрессивной партии Цай Инвэнь, выступающей за большую независимость острова от материкового Китая. Если Токио приветствовал это

событие, то реакция Сеула была весьма сдержанной. В отличие от С. Абэ, Пак Кын Хе поддержала создание Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

И вряд ли прочерченная в указанном треугольнике, пока также пунктиром, линия Япония – Южная Корея станет сплошной благодаря событиям начала 2016 г., вызвавшим резко негативную реакцию со стороны как официального Сеула, так и Токио, – январскому взрыву Северной Кореей устройства, которое она выдает за водородную бомбу, а также запуску ею в феврале искусственного спутника Земли. Вместе с тем не исключено, что эти ядерные и ракетные испытания Пхеньяна в какой-то мере затормозят наметившееся движение Южной Кореи от Японии к Китаю и будут на определенный период способствовать военному сплочению Вашингтона, Токио и Сеула. Японские политические обозреватели уже обсуждают в гипотетическом плане тему военного противостояния в АТР двух «троек»: США – Япония – Южная Корея с одной стороны, и Китай – Россия – Северная Корея – с другой. Однако не следует исключать того, что маятник внешней политики Пак Кын Хе, качнувшись в сторону США, через какое-то время двинется обратно в сторону Китая.

После проведенных КНДР в начале 2016 г. ядерных и ракетных испытаний в столицах «Большой тройки» заговорили о размещении, как в Южной Корее, так и Японии, более продвинутой американской системы противоракетной обороны THAAD (Terminal High Altitude Area Defense), которая способна осуществлять перехват баллистических ракет и в космическом пространстве, и в земной атмосфере. Между Вашингтоном и Сеулом на этот предмет в феврале уже начались переговоры. По мнению некоторых западных экспертов, THAAD изначально не предназначалась для перехвата ракет того типа, которыми обладает Пхеньян, но дислокация «на пороге» Китая мощных радаров этой системы, позволяющих просматривать далеко вглубь его территорию, должно послужить «наказанием» китайцев за их нежелание оказать давление на Северную Корею с помощью экономических санкций. По мнению японских наблюдателей, расположенные на юге Корейского полуострова радары THAAD смогут «доставать» и некоторые районы России.

Пекин резонно опасается, что появление на полуострове этой системы может нейтрализовать его ракетно-ядерный потенциал. В Японии не исключают, что в случае размещения THAAD в Южной Корее Китай может предпринять экономические санкции против нее, что явится мощным ударом по южнокорейской экономике, сильно зависящей от экспорта на китайский рынок. 23 февраля 2016 г. в Сеуле было сделано недвусмысленное заявление китайского посла о том, что дислокация THAAD в Южной Корее может нанести непоправимый ущерб двусторонним отношениям. В ответ южнокорейское правительство подчеркнуло, что система будет нацелена исключительно против Северной Кореи [6]. В свете такого разворота событий некоторые японские и американские комментаторы предвидят конец «медового месяца» в отношениях Си Цзиньпина и Пак Кын Хе.

THAAD, будь она размещена в Японии и/или на Корейском полуострове, может стать «дальневосточным филиалом» создаваемых американцами как региональной азиатско-тихоокеанской (в основном, антикитайской), так и глобальной (исключительно антироссийской) систем ПРО. Эти планы вызывают предсказуемо негативную реакцию Пекина и Москвы, резонно полагающих, что дислокация системы THAAD на Дальнем

Востоке несет угрозу их безопасности и приведет к серьезной дестабилизации международной ситуации в Восточной Азии. Реализация указанных планов будет еще больше подталкивать Россию и Китай к укреплению оборонного сотрудничества, что идет в разрез с интересами безопасности как Японии, так и Южной Кореи. Похоже, в Сеуле это понимают. Тем более, что интересы эти разные.

Безусловно, премьер-министр С. Абэ не упустит шанса использовать январское и февральское испытания Пхеньяном своих ракетно-ядерных технологий и для обоснования собственного более жесткого курса в сфере безопасности, в том числе за счет пересмотра 9-й статьи Конституции, постулирующей отказ Японии от войны как способа разрешения международных споров. Для него это особенно важно ввиду предстоящих в июле выборов в верхнюю палату парламента, на которых изменение Конституции он намерен сделать одной из главных тем. Кроме того, Абэ намеревается показать себя сильным лидером накануне майского саммита «Большой семерки» у себя в стране. Однако можно не сомневаться, шаги в этом направлении бумерангом ударят по отношениям Японии с той же Южной Кореей, не говоря уже о Китае, – странами, которые опасаются возрождения японского милитаризма.

Можно полагать, что окончательно упомянутый треугольник США – Япония – Южная Корея рассыплется только тогда, когда рухнет система династического правления в Северной Корее. Но в этом случае Япония будет иметь у себя под боком непримиримого противника в лице экономически мощной и настроенной жестко антияпонски объединенной Кореи, которая, не исключено, в дополнение к своему серьезному военному потенциалу унаследует ракетно-ядерные наработки, уже имеющиеся на севере полуострова. Как показывает вьетнамский и германский опыт, объединение государств, разделенных в ходе холодной войны, является историческим императивом.

Правда, этот пессимистический, если не сказать кошмарный, для Японии гипотетический сюжет пока находится где-то далеко за видимой чертой международного политического горизонта. К тому же некоторые западные аналитики предрекают, что в случае внезапного и насильственного коллапса северокорейского режима Китай введет на север Корейского полуострова свои войска, чтобы не допустить появления там американских военных баз и предотвратить потоки беженцев на свою территорию. А это приведет к закреплению раздела полуострова, но уже на качественно новом уровне.

Этот среднесрочный сценарий, предполагающий появление вооруженных сил КНР фактически на побережье Японского моря (которое, между прочим, Южная Корея при поддержке КНДР на международном уровне официально требует переименовать в Восточное море), тоже вряд ли обрадует Токио. Для него это особенно нежелательно в свете на глазах набирающего остроту японо-китайского морского противостояния в Восточно-Китайском море, а также его потенциального противоборства с Пекином в Южно-Китайском море. Вашингтон со времен администрации президента Джорджа Буша-младшего закулисно зондировал позицию Пекина на предмет подготовки к гипотетическому краху Северной Кореи. Но реакция КНР была осторожной. Как очевидно, падение северокорейского режима не входит в планы Китая, и он отказался от переговоров на базе такого сценария.

От того, как далеко Токио сможет продвинуться в решении уже «зачерстевшей» корейской ракетно-ядерной головоломки, во многом зависит достижение заявленной

премьер-министром С. Абэ для Японии на 2016 г. амбициозной цели на международной арене – выбиться в лидеры мировой дипломатии. Этому, в частности, должно способствовать председательствование на упомянутом саммите «семерки», а также то обстоятельство, что в начавшемся году Япония в очередной раз стала непостоянным членом Совбеза ООН.

Для достижения указанной цели С. Абэ мог бы, например, взять на себя инициативу и попытаться реанимировать спящие с 2008 г. летаргическим сном шестисторонние переговоры по денуклеаризации Корейского полуострова – единственно реальный на текущий момент способ сдвинуть с мертвой точки эту самую острую проблему региона. Но японский премьер вряд ли добьется здесь успеха, если под давлением СМИ и общественности Японии прогресс на указанных переговорах опять будет увязывать с проблемой прояснения судеб японцев, похищенных спецслужбами КНДР. Опыт прошлых лет показывает, что Токио не помогают и попытки «бежать впереди паровоза» (т.е. ООН) по части наложения экономических репрессалий на Пхеньян в связи с его ядерными и ракетными испытаниями. Да и в недрах самой ООН зреют сомнения относительно их эффективности.

Как стало очевидным, односторонние японские санкции против КНДР не работают и как инструмент решения упомянутой проблемы похищенных. Более того, Пхеньян, со своей стороны, пытается использовать эту, одну из самых приоритетных для С. Абэ, проблему в качестве рычага для вытягивания политических и экономических уступок из Токио. Тот факт, что экономические санкции и проблема похищенных являются двумя сторонами медали, доказывает обмен «любезностями» между Токио и Пхеньяном в феврале 2016 г.: в ответ на ужесточение односторонних санкций Японии в отношении Северной Кореи Пхеньян распустил комитет, который в соответствии с двусторонней договоренностью от 2014 г. расследовал судьбы похищенных. Таким образом, официально провозглашенная Токио «политика диалога и давления» (читай, «кнута и пряника») в отношении КНДР не оказалась эффективной ни по части нейтрализации «ракетно-ядерной угрозы», ни по части решения проблемы похищенных.

Необходимо иметь в виду, что все свои действия в ситуации на Корейском полуострове Япония вынуждена осуществлять под строгим надзором уже давно соперничающих там главных игроков – США и КНР, которые имеют в регионе собственные интересы, далеко не всегда совпадающие с чаяниями Токио. Озабоченный январским ядерным тестом Северной Кореи министр иностранных дел Японии переговорил по телефону по этому поводу со своими коллегами из ряда ведущих мировых держав. Не случайно единственным, кто не ответил на его звонок «в связи с занятостью», был министр иностранных дел КНР. Хотя на тему «ракетно-ядерных провокаций» Пхеньяна у главы внешнеполитического ведомства Китая нашлось время для разговора с его визави из Южной Кореи и США. Кроме того, эту тему сам Си Цзиньпин обсудил по телефону с Пак Кын Хе и Бараком Обамой, но не с Абэ Синдзо. Более того, расхождение позиций по поводу политики в отношении КНДР привело к откладыванию намеченного на весну визита министра иностранных дел Японии Ф. Кисида в КНР.

Откровенная обструкция Пекина в отношении японского руководства, как представляется, явилась для последнего «холодным душем» в условиях, когда три проходные (в буквальном и переносном значении этого слова) встречи Абэ и Си на полях различных международных форумов, состоявшиеся в последнее время, японцы подают как признаки оттаивания японо-китайских отношений после длительного периода их заморозки. А ранее уже Вашингтон выказывал свое недовольство действиями Токио в отношении Пхеньяна. Американская администрация считала, что Япония может предпочесть решение чисто двусторонней проблемы похищенных единству международного фронта давления на КНДР.

На страну, которую в Пхеньяне в действительности считают главным действующим лицом на Корейском полуострове, указывают его неоднократные попытки напрямую договориться с Вашингтоном об урегулировании ситуации на полуострове на приемлемых для северокорейского режима условиях. Как стало известно из февральских утечек в американских СМИ, очередная такая безуспешная попытка была предпринята буквально накануне испытания ядерного устройства, проведенного в КНДР в январе 2016 г. Пхеньян призвал Вашингтон к переговорам о мирном договоре, но предложение было отвергнуто, так как северокорейская сторона не согласилась отказаться от своей ядерной программы. В то же время официальный представитель южнокорейского Министерства объединения подчеркнул, что любой мирный договор не должен быть проблемой между США и Севером (Корейского полуострова), а вести дело к его подписанию должна Южная Корея.

В начале февраля 2016 г. газета Japan Times [7] опубликовала другую карикатуру, где огромный человек, олицетворяющий США, с мясницким топором на плече стоит перед мужчиной таких же габаритов со словом «Китай» на груди. А за спиной последнего прячется Северная Корея в образе толстого человечка, в руках у которого воздушный шарик в форме ракеты с устрашающей надписью «водородная бомба». Карикатура точно передает нынешнюю ситуацию на Корейском полуострове. Характерно, что в описанной сценке не нашлось места Японии и Южной Корее. Впрочем, как и России. Рисунок еще раз укрепляет в мысли о том, что, имея перед глазами судьбы лидеров Ирака, Ливии, а возможно, и Сирии, северокорейское руководство любой ценой будет стоять до конца. И не только своего.

И не исключено, что в случае обострения ситуации на Корейском полуострове сотни тысяч, если не миллионы северокорейских беженцев хлынут на юг полуострова, в Китай и Россию. А Япония как самая привлекательная страна региона может стать для них землей обетованной, каковой для жителей Ближнего Востока и Северной Африки стала Европа. При этом остров Цусима будет играть роль греческого острова Лесбос или итальянского Лампедуза. Правда, в отличие от Греции и Италии, Страна восходящего солнца превратится в конечный пункт мощного потока голодных, нищих и отчаявшихся переселенцев, как это случилось, например, с Германией. Таких людей, как показывает средиземноморская практика, на пути к лучшей доле не останавливает даже угроза гибели в море. Тем более что на японских островах проживает огромная корейская диаспора – наследие колониального прошлого Японии.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что в разыгрываемой Токио геополитической партии в отношении разделенного на два государства Корейского

полуострова японская сторона к настоящему моменту оказалась в положении цугцванга. В результате происходит ослабление роли и влияния Японии на международной арене в целом. Нынешний курс Японии по отношению к государствам Корейского полуострова ставит под вопрос достижение честолюбивой мечты премьер-министра С. Абэ – вывести страну в период своего премьерства на лидирующие позиции в мировой политике.

Список литературы

1. Нихон кэйдзай симбун. 31.12.2015.
2. Асахи симбун. 02.01.2016.
3. Асахи симбун. 17.02.2016.
4. Japan Times. 09.01.2016.
5. Ёмиури симбун. 03.02.2016.
6. Асахи симбун. 23.02.2016.
7. Japan Times. 01.02.2016.

Поступила в редакцию 22.03.2016

Автор:

Кистанов Валерий Олегович, доктор исторических наук, кандидат экономических наук, руководитель Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: v_kistanov@list.ru

Japan and the Korean Peninsula: problems of current relations

V.O. Kistanov

Japan's relations with both States on the Korean Peninsula are of paramount importance from the point of view of ensuring its national security. However, due to certain historical circumstances, as well as a number of factors in the international situation in Northeast Asia, Japan's relations with South and North Korea are not always straightforward. This imposes a serious mark on all sides of Japanese foreign policy.

Keywords: Japan, Korean Peninsula, South Korea, North Korea, comfort women, missile and nuclear capabilities, missile defense.

Author:

Kistanov Valerii O., Doctor of Sciences (History), Director of the Center for Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: v_kistanov@list.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О VIII конференции «Российско-японские отношения и перспективы их развития»

А.А. Киреева, В.В. Нелидов

18 декабря 2015 г. в МГИМО-Университете состоялась VIII ежегодная конференция Ассоциации японоведов «Российско-японские отношения и перспективы их развития».

В рамках конференции прошла **презентация совместной монографии российских и японских историков «Российско-японские отношения в формате параллельной истории»**, руководителем российской части авторского коллектива которой выступил ректор МГИМО-Университета А.В. Торкунов. Презентацию провели руководитель российского авторского коллектива А.В. Торкунов, заведующий кафедрой востоковедения Д.В. Стрельцов, координировавший работу авторского коллектива с российской стороны, и руководитель японской части авторского коллектива – профессор Университета Хосэй Симотомай Нобуо.

Данная монография стала цельным, консолидированным и во многом уникальным проектом, написанным на высоком академическом уровне в формате параллельной истории и предлагающим читателю взгляд на всю историю отношений России и Японии с точки зрения обеих стран. В подготовке монографии приняли участие ведущие историки, политологи, специалисты-международники: 17 экспертов из Японии и 20 российских ученых. При этом в число российских исследователей вошли специалисты из разных городов и регионов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Дальнего Востока.

Монография структурирована хронологически: каждый период истории рассматривается и российскими, и японскими исследователями зеркально. Как отметил ректор МГИМО А.В. Торкунов, Россию и Японию связывают непростые отношения, полные как негативных, так и позитивных событий. Авторскому коллективу после серии встреч и активных дискуссий в России и Японии удалось создать работу, содержащую взгляды авторитетных исследователей на ключевые периоды двух стран, в значительной степени коррелирующие между собой. Ее главная цель — представить максимально объективный взгляд на историю двусторонних отношений. Ректор отдельно отметил вклад в подготовку монографии профессора Симотомай, профессоров МГИМО Д.В. Стрельцова и А.Н. Панова. Данная работа является единственным успешным проектом изучения истории отношений двух стран со стороны каждой из них, тогда как подобные проекты у Японии с соседними странами существуют в течение значительно более длительного времени. Как отметил

профессор Симотомай, только на основе анализа сложных вопросов в отношениях двух стран, включающих рассмотрение территориального вопроса и проблемы заключения мирного договора, возможно улучшение отношений России и Японии в будущем.

По оценке заведующего отделом Японии Третьего департамента Азии МИД России А.В. Илышева, данный труд — это попытка найти точки соприкосновения по чувствительным и спорным вопросам. Отталкиваясь от параллельной истории, российско-японские отношения будут иметь больше стимулов к успешному развитию и смогут сделать прорыв к подлинному партнерству, о чем договорились лидеры России и Японии в 2013 г.

С японской стороны в презентации приняли участие Министр-советник МИД Японии, заведующий информационным отделом посольства Японии в Москве Оцуки Котаро и Советник посольства Японии в Москве Кусакабэ Ёсукэ. Министр-советник МИД Японии Оцуки отметил положительный вклад Ассоциации японоведов в проведение исследований о Японии за последние 20 лет и выразил надежду, что экспертиза о Японии в России будет успешно развиваться в будущем во взаимодействии как с японскими, так и с международными исследователями.

Помимо этого в рамках конференции состоялась **презентация изданий Ассоциации японоведов, вышедших в 2015 г., и изданий по японоведческой тематике, подготовленных членами Ассоциации.** Были презентованы следующие издания: учебник «История Японии» под редакцией профессора Д.В. Стрельцова, учебное пособие «История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI века» под редакцией С.В. Гришачева, коллективная монография «Современное российское японоведение: оглядываясь на путь в четверть века» под редакцией профессора Д.В. Стрельцова, сборник «Япония 2015. Ежегодник», коллективная монография «Япония: консервативный поворот» под редакцией Э.В. Молодяковой, монография Д.В. Стрельцова «Приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе», сборник статей «Российское японоведение сегодня: К 20-летию Ассоциации японоведов», выпущенный по результатам конференции, посвященной 20-летию Ассоциации и проведенной в Институте Дальнего Востока РАН в 2014 г.

На конференции ведущие эксперты двух стран обсудили современное состояние, проблемы и перспективы отношений России и Японии. В конференции приняли участие представители МГИМО-Университета, Института востоковедения РАН, Института Дальнего Востока РАН, РГГУ, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, НИУ ВШЭ, Российского института стратегических исследований и других институтов.

Выступление заведующего кафедрой дипломатии, доктора политических наук, профессора МГИМО-Университета **А.Н. Панова** было посвящено следующей теме: «Современное состояние российско-японских отношений в контексте региональной и глобальной ситуации». По его оценке, в настоящее время российско-японские отношения развиваются в русле тенденций, имеющих место в отношениях России с Западом в целом, поскольку Япония старается поддерживать солидарность со своими западными партнерами. Состоялись или планируются достаточно большое количество встреч на дипломатическом, межпарламентском и общественном уровнях. Так, 10 января 2016 г. планируется визит в Москву большой парламентской делегации во главе с вице-президентом ЛДП Комура; в Токио был проведен двусторонний энергетический форум; прошел фестиваль российской

культуры в Японии. Таким образом, можно сказать, что отношения двух стран не слишком ухудшились по сравнению с предыдущим периодом.

А.Н. Панов обратил внимание на интерес премьер-министра Абэ Синдзо к организации визита президента В.В. Путина в Японию, и это при том, что США не одобряют планы такого визита. Японские СМИ сообщают и о возможности неформального визита японского премьер-министра в Россию. Улучшение отношений с Россией в целом и установление хороших отношений с Владимиром Путиным в частности является одной из основных внешнеполитических задач премьера С. Абэ. Необходимость этого, даже в условиях западного давления на Россию и введенных против нее санкций, объясняется, во-первых, необходимостью искать решение территориальной проблемы, а во-вторых, стремлением предотвратить объединение России и Китая на антияпонской основе.

По мнению А.Н. Панова, эта ситуация позволяет судить и о внешнеполитическом позиционировании правительства Абэ по отношению к США. Стремление японского премьера наладить отношения с Россией не находит понимания у высшего американского руководства, настаивающего на сохранении западной солидарности, хотя лидеры Германии и Франции скорее поддерживают в этом вопросе Японию. Смысл подобного курса в отношении России в немалой степени определяется тем, что С. Абэ действует, исходя из национальных интересов самой Японии, и показывает самостоятельность и даже независимость от США. В то же время возможность проведения такого курса появилась в связи с тем, что после прихода к власти С. Абэ пошел на радикальное улучшение отношений с Вашингтоном, развеяв существовавшую по отношению к нему в американских правящих кругах настороженность, связанную с его ревизионистскими взглядами на вопросы истории.

Согласно точке зрения А.Н. Панова, из всего этого следует, что существуют реальные перспективы дальнейшего улучшения отношений двух стран, хотя прорывов в ближайшее время ожидать не приходится. Одна из возможностей в области торгово-экономических отношений связана с предоставлением японской стороной России иенowych кредитов, не подпадающих под санкции. Перспективным является и дальнейшее развитие ямальского и владивостокских проектов. Возможно также обсуждение острых проблем международной обстановки, и в том числе обстановки на Тихом океане, которая сейчас движется в сторону гонки вооружений и обострения отношений Китая и США. Позитивным фактором является то, что с японской стороны есть и политики, и общественные деятели, которые реально заинтересованы в развитии отношений с Россией. При этом, что касается российской стороны, то прогресс отношений с Японией в немалой мере будет зависеть от наличия заинтересованности и инициативы на высшем уровне.

Профессор Университета Хосэй (Япония) **Симотомаи Нобуо** в своем докладе представил взгляд на отношения двух стран со стороны Японии. Он подчеркнул важность российско-японского проекта «параллельной истории» как инициативы, сформированной на уровне гражданского общества. Это особенно примечательно, учитывая, что аналогичные исследования, осуществляемые между японскими и южнокорейскими, а также японскими и китайскими историками, реализуются на межправительственном уровне.

Говоря о двусторонних отношениях в целом, профессор Симотомаи отметил, что российский разворот на Восток – большой шаг вперед и для отношений России с Японией.

Говорить о росте интереса японской стороны к возможной активизации восточного направления российской внешней политики можно было уже в 2006 г., когда принималось решение о проведении саммита АТЭС во Владивостоке. Еще больше подстегнули интерес японской стороны к сотрудничеству с РФ трагические события 2011 г. – землетрясение на юго-востоке Японии и авария на АЭС в Фукусиме, которые с новой остротой поставили перед японским руководством проблемы энергетической безопасности. Это тем более насущный вопрос, что почти 83 % японской энергетики зависит от поставок энергоресурсов с Ближнего Востока. Проблема для Японии, во-первых, заключается в том, что существует политическая нестабильность в самом регионе Ближнего Востока. Во-вторых, осложнение отношений Японии с Китаем способно поставить под угрозу пути транспортировки этого сырья в Японию. Наконец, важность восточного направления во внешней политике России стала очевидна после избрания Владимира Путина на третий президентский срок в 2012 г.

Что касается крымского и украинского вопросов, то, по оценке профессора Симотомай, даже несмотря на официальную позицию Японии, многие японские эксперты понимают, что это очень сложные проблемы, более сложные, чем это представляется, к примеру, Соединенным Штатам. Японские ученые понимают, что присоединение Крыма к России было в значительной степени стихийным процессом и что большинство российских граждан поддерживают этот шаг. Кроме того, очевидно, что как государство Украина находится на грани распада, а между отдельными ее частями идет гражданская война.

Как отметил профессор Симотомай, перспективы развития российско-японских отношений можно оценить позитивно. Имеются тесные контакты в культурной и гуманитарной областях, идет реализация проектов в сфере энергетики. Япония приветствует и сближение России с Китаем, которое может способствовать укреплению диалога между тремя странами, хотя здесь имеется некоторое несовпадение в связи с тем, что в то время, как Россия разворачивается на Восток, Китай скорее стремится к укреплению сотрудничества со странами Запада. В целом же можно сказать, что сейчас японо-российские отношения имеют хороший шанс на дальнейшее укрепление.

Доклад доктора экономических наук, профессора ИСАА МГУ им М.В. Ломоносова и МГИМО-Университета **И.Л. Тимониной** был посвящен основным направлениям и современным тенденциям торгово-экономических отношений между Россией и Японией. Как это часто утверждается в дискуссиях о двусторонних экономических связях, в этой области Япония и Россия не являются важнейшими партнерами: доля двух стран во внешней торговле друг друга невелика и не дотягивает до среднего уровня торговли каждой из стран с остальным миром.

Как отметила И.Л. Тимонина, при этом взаимодополняемость торговли имеет архаичный характер: российская сторона поставляет Японии в основном сырье и энергоносители, японская сторона России – готовую продукцию. Это не вполне вписывается в общемировую тенденцию, которая состоит в росте доли промежуточной продукции за счет внутрифирменной торговли в рамках производственных цепочек транснациональных компаний. Инвестиционное сотрудничество также развивается не слишком активно, хотя есть несколько сфер, где значение японских прямых инвестиций в российскую экономику достаточно велико: сельское и лесное хозяйство, добыча полезных ископаемых,

автомобилестроение. Все это показывает, что там, где имеется реальная заинтересованность компаний, удается добиться вполне хороших показателей экономического сотрудничества.

Для оценки того, как японский бизнес видит перспективы работы в России, И.Л. Тимонина обратилась к данным опроса, проведенного Японской организацией по развитию внешней торговли (JETRO) в конце 2014 г. Согласно этим данным, японские компании в основном оценивают российский рынок положительно, понимая: что бы ни происходило, Россия – это растущий рынок, который, более того, является для них и мостом для продвижения в страны СНГ. К проблемам и рискам, на которые жалуются японские компании, относятся валютная нестабильность, политическая нестабильность в целом, низкий уровень локализации.

Говоря о конкретных перспективных направлениях двустороннего экономического сотрудничества, И.Л. Тимонина отметила проекты в сфере энергетики, возможность предоставления японской стороной иенных займов, участие японских компаний в экспорте в Россию инфраструктурных систем, деятельность по повышению уровня локализации японских производств на территории России, а также сотрудничество в сфере сельского хозяйства. Таким образом, можно говорить о том, что основой для развития экономического сотрудничества должна служить заинтересованность именно на уровне компаний, и было бы желательно, чтобы политическая обстановка, по крайней мере, не препятствовала этому.

Доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики МГИМО-Университета **С.В. Чугров** представил доклад на тему «Российско-японские отношения в зеркале общественного мнения России и Японии». Исследования общественного мнения в России и Японии показывают следующую картину. С 1995 по 2011 г. отношение россиян как к США, так и к Японии значительно ухудшилось. Если в случае с США причиной, очевидно, стали бомбардировки Сербии и иные подобные действия со стороны Соединенных Штатов, то ухудшение отношения россиян к Японии требует отдельного объяснения. Первый удар по отношениям был нанесен японской стороной в 2009 г., когда она законодательно провозгласила принадлежность четырех южных островов Курильской гряды Японии. Негативную роль для двусторонних отношений сыграл и визит Дмитрия Медведева на Кунашир в 2010 г., вызвавший резкую реакцию Токио.

По оценке С.В. Чугрова, отношение японского общественного мнения к другим странам было следующим. Восприятие США остается стабильно позитивным. То, что японцы, подвергнувшись атомным бомбардировкам, не только простили Соединенные Штаты, но и стали им симпатизировать, обусловлено несколькими факторами. Во-первых, японцы уважают силу и смирились с мыслью, что атомные бомбардировки стали воздаянием за нападение на Пёрл-Харбор. Во-вторых, благодаря патернализму в коллективном бессознательном они стали рассматривать США как фигуру «отца» или «старшего брата». В-третьих, эффективно сработала пропагандистская машина США, внушавшая японцам, что Соединенные Штаты – лучшая страна в мире. В-четвертых, США стали обеспечивать оборону Японии, тем самым существенно облегчив ее экономическое бремя. В-пятых, США вложили колоссальные средства в модернизацию Японии, внедрили в ней эффективную систему управления, которая, наконец, дала японцам, изнуренным многолетней жизнью в

казарменных условиях, надежду на лучшее будущее и процветание, которая и была реализована в ходе японского экономического чуда 1960–1970-х годов.

Уровень симпатий японцев к Китаю за последние годы, наоборот, резко упал, что обусловлено такими проблемами, как территориальный спор вокруг островов Сэнкаку, обострение антияпонских настроений в Китае в связи с вопросами трактовки истории, а также усиление военной деятельности КНР в Южно-Китайском море.

Отношение японцев к России остается стабильно негативным. По мнению С.В. Чугрова, дело в том, что со стороны СССР, а позже и России, не было той компенсации, какая была со стороны США, из-за чего, в отличие от Соединенных Штатов, которых японцы воспринимают как благодетеля, Россию они считают чуть ли не агрессором, что и служит причиной закрепившегося отрицательного отношения к нашей стране. Территориальный вопрос при этом, фактически, находится в тупике, хотя его решение было бы выгодно и для Японии, которой нужны партнеры на фоне роста мощи Китая, и для России, которая могла бы использовать помощь Японии для обустройства своих восточных рубежей. Для решения этой проблемы необходимо либо ждать, пока проблема не отойдет на второй план сама собой, либо пытаться искать взаимоприемлемое и мудрое решение вопроса сейчас.

В связи с вышеуказанным, по оценке С.В. Чугрова, важной задачей представляется улучшение образа России в Японии. Это должно осуществляться через развитие гуманитарных связей и пропаганду российской культуры, хотя и здесь для получения конкретных результатов необходимо набраться терпения.

В завершении конференции прошла свободная дискуссия, на которой эксперты обсудили ключевые тенденции, проблемы и перспективы российско-японских отношений. По итогам обсуждения было отмечено, что активная работа экспертного сообщества крайне необходима для сохранения хороших отношений между двумя странами.

Авторы:

Киреева Анна Андреевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения, заместитель декана Факультета политологии МГИМО-Университета.

Нелидов Владимир Владимирович, студент 2 курса магистратуры по направлению «Зарубежное регионоведение», программа «Политика и экономика регионов мира», МГИМО-Университет.

Поступила в редакцию 14.03.2016

О 18-й ежегодной конференции «История и культура Японии»

Е.Б. Сахарова

17–19 февраля 2016 г. в РГГУ прошла очередная ежегодная конференция «История и культура Японии», организованная Институтом восточных культур и античности РГГУ. В конференции приняли участие 45 исследователей из России и Японии, представлявших самые разные отрасли японистики (история, филология, философия и др.). Многие выступления были посвящены различным аспектам взаимодействия Японии с внешним миром. Некоторые доклады основаны на новых архивных данных. Это, безусловно, одно из важнейших событий в отечественной японистике.

Ключевые слова: конференция, история и культура Японии, Институт восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

17–19 февраля 2016 г. в РГГУ прошла очередная ежегодная конференция «История и культура Японии», организованная Институтом восточных культур и античности РГГУ. По традиции открыл конференцию и поприветствовал собравшихся директор ИВКА И.С. Смирнов.

В конференции приняли участие 45 исследователей из России (Москва, Санкт-Петербург) и Японии (г. Акита). Текущая геополитическая и экономическая ситуация привела к заметному сужению и географии, и числа участников. Впервые за многие годы в силу очевидных причин (напряженность в российско-украинских отношениях) на конференцию не смогли приехать представители Украины. Исследователи не из Москвы фактически оказались отрезаны – из-за тяжелой ситуации с финансированием у них попросту нет возможности приехать в столицу. Исключением стали лишь представители Санкт-Петербурга, приехавшие, однако, за свой счет.

Тем не менее, конференция, безусловно, прошла успешно. Уровень докладов был стабильно высоким, многие докладчики затрагивали пересекающиеся темы, что добавило интриги и увлекательности. Целый ряд выступлений основывался на новых архивных данных, впервые были введены в научный оборот не известные прежде, зачастую уникальные источники. Прекрасной школой и для молодых, и для взрослых исследователей стало традиционное для конференции открытое и благожелательное обсуждение докладов, порой выливавшееся в жаркие дискуссии.

Все доклады можно (весьма условно) разделить на 5 блоков: *История, Филология, Религии и философия, Искусство, Современная Япония.*

Значительная часть докладов так или иначе затрагивала различные аспекты взаимодействия японской культуры с внешним миром. В частности, речь шла об адаптации европейской живописи и европейской музыки в эпоху Мэйдзи (Лебедева О.И., Голубинская Н.Ф.), о проблеме культурных заимствований в эпоху Токугава (Мещеряков А.Н.), о 2-ой российской экспедиции на Сахалин в 1807 г. (Климова О.В.) и о приеме японских послов в 1862 г. (Климов В.Ю.), о первых гастролях Мариинского театра в Японии (Михайлова С.Я.), о влиянии хайку на французскую поэзию XX столетия, о разных аспектах представлений о варварах и иноземцах в эпоху Хэйан (Власова Н.В., Грачев М.В.), и о многом другом. Словом, данная тема оказалась востребованной во всех отраслях японистики, представленных на конференции, при этом были охвачены практически все периоды японской истории.

Больше всего прозвучало докладов по истории и филологии.

Открывали конференцию доклады по *филологии*, в том числе доклады, посвященные источникам периода Муромати, комической поэзии эпохи Эдо и современности, влиянию японского жанра хайку на французскую поэзию и многие другие. Обо всем по порядку.

Первой выступила **Е.М. Дьяконова** (ИВКА РГГУ) с докладом на тему «Два предисловия к “Собранию старых и новых песен Японии” (“Кокинвакасю”) – Ямато или Тан?». Исследовательница отметила, что японское и китайское предисловия во многом дублируют друг друга. И хотя японское, безусловно, получило большее признание и впоследствии было лучше известно, встречаются и списки «Кокинвакасю» только с японским или только с китайским предисловием. В ходе обсуждения прозвучал важный вопрос М.В. Грачева о том, скрывалась ли идеологическая подоплека за наличием двух предисловий. Однако дать однозначный ответ на этот вопрос никто из присутствовавших не смог.

М.В. Торопыгина (ИВ РАН) познакомила коллег с исследованием рукописного списка поэтического сборника «Коясан Конгодзаммай-ин тандзаку» (1344). В сборнике причудливо переплелись религия, поэзия и политика. Текст был составлен в литературном кругу Асикага Такаудзи, ставшего одним из авторов сборника. Составлению сборника предшествовало переписывание сутр, в котором участвовали сам Такаудзи, его брат и Мусо Сосэки. Стихи, всего 120, сочинялись на каждый знак строки из сутры. Среди авторов, помимо сёгуна Такаудзи и его брата, были и бывший император Когон (прав. 1331–1333) и тогдашний император Комё (прав. 1336–1348). Количественное соотношение стихов четко выявляет политическую функцию сборника. Наибольшее число стихов принадлежит сёгуну и его брату. За ними следуют бывший и правящий императоры. Среди участников сборника и воины, и аристократы, но последние представлены меньшим числом стихотворений.

А.А. Дудко (ИВКА РГГУ) рассказала о дневнике Итидзё Канэра (1402–1481) «Фудзикава-но ки», написанном в 1473 г., сразу после путешествия автора дневника в провинцию Мино. Итидзё Канэра был известным ученым и признанным знатоком ритуалов, дважды занимал должность *кампаку* (канцлер). В Мино он отправился к своей семье, с которой оказался разлучен из-за смуты годов Онин. Дневник написан на японском языке с вкраплениями *канси*, что было новшеством. Конечно, тема смуты, беспорядков присутствует в дневнике, но скорее как фон. Прежде всего – это литературный текст с обилием танка

(80 стихотворений) и литературно-поэтических аллюзий. Исследователи отмечают, в частности, значительное влияние и частые отсылки к «Гэндзи-моноготари».

М.В. Щепетункина (ун-т Осака), опираясь на методологию структурализма, попыталась вычленив в мифологической части «Кодзики» основные композиционные элементы мифа и круг обсуждаемых в мифах тем.

Проблемам художественного перевода было посвящено выступление **А.А. Баевой** (МГПУ ИИЯ) «Художественный перевод как интерпретация (на материале “Манъёсю”»». Речь шла о сопоставлении и анализе переводческих методов на примере английских (Э. Крэнстон и А. Вовин) и русских (А.Е. Глускина) переводов «Манъёсю».

М.К. Цой (ИСАА) рассказала о комической поэзии жанра *сэнрю*, опираясь на исследование классических (период Эдо) и современных *сэнрю*. Были рассмотрены главные принципы жанра, классификация юмора в *сэнрю*, основные приемы создания стихов в данном жанре.

А.А. Долин (ун-т Акита), готовящий к публикации монографию о хайку во французской поэзии, представил результаты проведенного исследования, уделив особое внимание французским поэтам первой трети XX века.

О.А. Наливайко (ИСАА) подробно рассказала о гастрономическом романе Гэнсай Мурай (1863–1927) «Куи до:раку» («Наслаждение от обжорства»), наглядно запечатлевшем невероятную популярность кулинарного жанра в эпоху Мэйдзи и стремление японских обывателей утолить голод на самый передовой – европейский – манер.

К.В. Спиридонова (РАНХиГС ИОН) рассказала о месте русской литературы в личной библиотеке и творчестве Акутагавы Рюноскэ.

О.В. Шуган (ИМЛИ) проанализировала реакцию М.А. Горького на события русско-японской войны, основываясь в том числе на не известных ранее письмах писателя.

Е.А. Паутина (ИСАА) в своем сообщении представила результаты исследования образа «чудесной девы» на примере японских сказок, попытавшись выделить основные типы «чудесных дев», а также общефольклорные и собственно японские черты данных персонажей.

Н.Ю. Петренко (Международный ун-т, Москва), выступившая в формате сообщения, исследовала динамику развития женских образов в «Гэндзи-моноготари», выделив персонажи с отрицательной и положительной динамикой, а также отметив наличие статичных образов.

У.П. Стрижак (ИИЯ МГПУ) представила результаты лингвистического исследования японских и русских художественных текстов (тема доклада «Проблема интерпретации культурного смысла: из опыта сопоставления японской и русской лингвокультур»). Сопоставление грамматических и синтаксических ресурсов японских и русских текстов позволило выявить разницу в представлениях о мире у носителей языка.

Среди докладов по *религии и философии* три были посвящены японским религиозным представлениям во многом переломной эпохи Камакура, что является отражением общей тенденции: в последние годы именно исследователи японских религий внесли основной вклад в разработку этого мало изученного в отечественной японистике периода.

Н.Н. Трубникова («Вопросы философии») проанализировала 6-й раздел «Сборника наставлений в десяти разделах» («Дзиккинсё», 1252 г.), посвященный отношениям между правителем и подданным. Был выделен основной набор тем в рассказах о преданности и особенности раскрытия этих тем. В отличие от многих более поздних источников, в сборнике совсем не прозвучала тема мести за господина.

М.В. Бабкова (ИВ РАН) рассказала об отношении к сбору подаяния в японском буддизме XII–XIV вв. Как оказалось, представители разных буддийских школ по-разному относились к этому, но в то же время фиксируется и общность базовых установок большинства буддийских авторов.

В докладе **А.М. Дулиной** (независимый исследователь) речь шла о трактовке «исконной сущности» Хатимана в трудах Нитирэна (1222–1282). Имеется в виду учение о том, что в одном из прошлых рождений Хатиман был Буддой Шакьямуни. Нитирэн не только был хорошо знаком с этим учением, но и внес в него новые элементы. В частности, отождествив Хатимана с древним государем Одзин, прославившимся завоеванием Кореи.

А.П. Беляев (ИВКА РГГУ) рассмотрел два текста – «Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим» Мартина Хайдеггера и «Письмо к японскому другу» Жака Дерриды, заинтересовавшись присутствовавшими в них японскими собеседниками. В первом тексте происходит диалог Хайдеггера с японцем, во втором японец выступает лишь молчаливым адресатом Дерриды. В обоих случаях речь идет о межкультурной коммуникации представителей Запада и Востока, и то, какие роли играли европейские философы и их «воображаемые японские друзья» (по определению А.П. Беляева), представляет несомненный интерес.

Среди докладов по *искусству* прозвучали два выступления о европейской музыке и одно о европейской живописи в эпоху Мэйдзи, о театре и кино, о чайной церемонии.

Доклад **О.И. Лебедевой** (независимый исследователь) был посвящен историческому жанру живописи *ёга* (букв. «западные картины», т.е. живопись в западном стиле), в котором, как оказалось, нашла отражение складывавшаяся каноническая версия «национальной истории».

А.П. Бурыкина (МГУ) провела сопоставительный анализ сведений о труппах *саругаку*, имеющих в трактатах Дзэами, с одной стороны, и в дневнике аристократа Фусими-но-мия Садафуса (1372–1456), «Канмон-никки» («Дневник о виденном и слышанном») – с другой. Особое внимание уделив при этом конкуренции в актерской среде.

М.Л. Теракопян (НИИК-ВГИК) проанализировала авангардизм в современном японском кино, рассказав о крупнейших именах и показав фрагменты самых значимых фильмов. Мощный пласт агрессии и деструктивности, присущих японскому авангарду, вызвали неоднозначный отклик у аудитории. Видимо, сказались и усталость, накопившаяся к концу второго дня очень насыщенной конференции.

А.В. Кудряшова (ИСАА) рассказала об игровых формах чайного действия, проводимых исключительно в учебных целях – для закрепления достигнутых навыков.

С.А. Михайловой (МГЛУ) удалось обнаружить не известные ранее материалы о первых гастрольях Мариинского театра в Японии в 1916 г. Произошло это благодаря удивительной находке части архива балерины Е.А. Смирновой (1888–1934) – примы на этих

гастролях. Также участникам конференции посчастливилось увидеть уникальную кинохронику, запечатлевшую встречу японского принца Котохито Канъин (1865–1945), прибывшего с визитом в Петербург в 1916 г. Велика вероятность того, что 18 сентября 1916 г. принц посетил спектакль в Мариинском театре, где давали балет «Конек-горбунок».

М.В. Есипова (Московская консерватория) рассказала об исследовании японской традиционной музыкальной терминологии, которое позволило выявить тунгусо-маньчжурские, алтайские и корейские, а также индийские заимствования в данном слое лексики.

Доклад **Н.Ф. Клобуковой (Голубинской)** (Московская консерватория) был посвящен начальному этапу возникновения детской музыки (по европейским образцам) в качестве одного из воспитательных элементов, внедрявшегося в детских садах и школах. Выступление включало аудиозаписи подобных песен.

Несколько докладов были посвящены различным проблемам *современной японской культуры*.

П.Э. Подалко (Университет Аояма) затронул ряд актуальных проблем, связанных с попытками пересмотра и изменения существующего законодательства по вопросам семьи и брака: проблема выбора супругами общей фамилии при вступлении в брак (по японскому законодательству у супругов должна быть одна фамилия), проблема признания устойчивых отношений однополых пар, частичная дискриминация женщин при повторном вступлении в брак и некоторые другие.

А.Д. Мозгунова (МГИМО) попыталась проследить взаимосвязь между ценностями и образами рекламы и национальной картиной мира. В целом, как отметила докладчица, японскую рекламу отличают мягкость, отсутствие категоричности и императивности. Другой важной особенностью является отношение к потенциальному покупателю: он рассматривается как член группы, обладающей более высоким статусом по сравнению с производителем, что отражено в способах обращения к потенциальным покупателям.

К.А. Спицына (независимый исследователь) на примере японской компании игрушек «Такара-Томи» проследила историю производства игрушек в Японии, универсализацию в этой области с одновременным сохранением черт своеобразия.

В совместном докладе **В.В. Акимовой** и **И.С. Тихоцкой** (МГУ) были проанализированы перспективы использования солнечной энергетики в Японии, дана оценка возможностей солнечных установок быть эффективным ответом на экологические и энергетические вызовы городской среды, способствуя созданию совершенно нового типа городов — «солнечных».

Е.В. Полхова (СПбГУ) рассказала о деятельности Японской федерации экономических организаций в современной Японии.

Исторический блок, как обычно, был одним из самых представительных. Были затронуты все без исключения исторические периоды, но больше всего прозвучало выступлений по эпохе Мэйдзи. Особый интерес вызвали доклады по картографии: о первых русских картах Японии (В.В. Щепкин) и об изображениях Японии на европейских и восточноазиатских картах XV–XVII вв. (Е.К. Симонова-Гудзенко).

М.В. Грачев (ИСАА) в своем докладе «Представления об иноземцах и варварах в официальной идеологии раннесредневековой Японии» на широком круге источников IX–XII вв. рассмотрел базовые представления японцев о внешнем мире. Основное внимание докладчик уделил зафиксированным в источниках определениям и классификациям «варваров», а также атрибутам, приписываемым варварам в японской культуре того времени. М.В. Грачев, в частности отметил, что в «Дзёган гисики» («Установления годов Дзёган», IX в.) атрибуты варваров и чужестранцев совпадают.

В докладе **Н.В. Власовой** (ИВКА РГГУ) «Образы силланцев в дневнике Эннина» были проанализированы данные дневниковых записей знаменитого монаха Эннина (794–864), жившего в Китае в 838–847 гг. В источнике зафиксированы очень тесные и неоднозначные отношения японцев с подданными корейского государства Силла – имплицитно негативные оценки, восходящие к представлениям о Силла в качестве вассального по отношению к Японии государства, так и множество сведений о самой разносторонней поддержке силласцев (включая их непереносимое участие в составе посольств), гораздо более успешно интегрированных в китайское общество и значительно превосходивших японцев в деле мореплавания. Представленный в докладе яркий, живой материал очень наглядно свидетельствует о чрезвычайно тесных связях с Силла и силласцами. Японцы, считавшие Силла своим вассалом, безусловно, остро нуждались в поддержке Силла и зависели от таковой. Думается, представленный материал дает основания предположить, что разрыв официальных (последнее посольство из Японии в Силла датируется 779 г.), а позже и торговых связей Японии с Силла стал одним из немаловажных факторов, приведших впоследствии и к сворачиванию официальных контактов с Китаем.

В докладе **М.С. Коляда** (МГУ) «"Мо:ко сю:рай экотоба"¹ как источник по культуре воинов периода Камакура» была предпринята попытка проанализировать отчет воина Такэдзаки Суэнага, участвовавшего в боях во время монгольских вторжений в Японию в 1274 и 1281 г., в качестве источника сведений об идеологии самурайства и о бытовой военной культуре (бюрократической системе сёгуната, системе отчетности о военных доблестях). Речь в докладе шла, в частности, о низовом звене системы отчетности – обычае свидетельствования, когда перед боем заранее договаривались о том, кто засвидетельствует доблесть или доблестную смерть воина.

В докладе **А.М. Горбылев** (ИСАА) была проанализирована эволюция взглядов создателя дзюдо и выдающегося педагога Кано Дзигоро (1860–1938) на сущность и цель практики дзюдо и его концепция «дзита кёэй» («совместное процветание для себя и других»). Взгляды Кано Дзигоро удивительно контрастируют с атмосферой шовинизма 20-х годов XX столетия, хотя в них и отсутствует открытая критика общепринятого курса. Нужно было обладать недюжинным умом и мужеством, чтобы не поддаться общей милитаристской тональности. В этом смысле личность Кано Дзигоро вызывает огромное уважение.

Л.В. Овчинникова (ИСАА), основываясь на опубликованных в Сеуле служебных материалах японского генерал-губернаторства в Корее, проанализировала методы управления и контроля японских колониальных властей в отношении корейских

¹ «Иллюстрированный рассказ о монгольском вторжении», создан предположительно между 1293 г. и 1324 г.

религиозных организаций и групп в 1930-е годы. Политика колониальных властей была достаточно гибкой и включала не только репрессии, но и меры политического и идеологического воздействия и давления, оказавшиеся довольно результативными.

В интереснейшем и щедро иллюстрированном докладе **Е.К. Симоновой-Гудзенко** (ИСАА) на богатом картографическом материале проанализированы различные модели изображения Японии в японской, корейской, китайской и европейской картографии. Выяснилось, что корейские и китайские карты XV–XVI вв., как и более поздние японские, корейские и китайские карты XVII–XIX вв., испытали несомненное влияние японских карт Гёги XIV–XVI вв. Изображение Японии на европейских картах XVI в. в значительной степени следовало традициям китайских и корейских карт XV–XVI вв. Однако в более поздних (с XVII в.) японских, корейских и китайских картах в изображении собственно Японии уже заметно обратное влияние европейской картографии.

В.В. Щепкин (Институт восточных рукописей, СПб.) в докладе «О первых отдельных картах Японии, созданных в России» сообщил о найденной в архиве Института восточных рукописей отдельной карте Японии, созданной в России в начале XIX в., об увлекательных поисках похожих карт в других российских архивах, а также о японских прототипах и путях их проникновения в Россию. Обнаруженную в питерском архиве карту исследователь привез с собой, но никто из участников конференции не дерзнул к ней прикоснуться, смиренно довольствуясь отсканированным изображением.

На архивных материалах основывалось и исследование **В.Ю. Климова** (Ин-т вост. рукописей, СПб.), «Японские послы “на празднике у Излера”» (1862 г.), посвященное приему в честь японских послов, устроенному у петербургского антрепренера и кондитера швейцарского происхождения И.И. Излера. Построенное в том числе и на сопоставлении японских и русских источников исследование демонстрирует, как российская сторона в своем желании превзойти прием, оказанный японцам в Европе, порою забывала о самих японцах – не давая им четких разъяснений, куда их везут, и плохо, по-видимому, представляя, как выглядит происходящее в глазах японских гостей.

О.В. Климова (НИУ ВШЭ, СПб.) рассказала о Второй экспедиции лейтенанта Хвостова на Сахалин 1807 г., особое внимание уделив малоизвестному письму лейтенанта в адрес японского правительства. Основанные на архивных данных выступления О.В. Климовой не впервые заставляют участников конференции слушать, затаив дыхание, порою взрываясь хохотом. Ведь здесь и яркие бытовые зарисовки, и поразительное несоответствие добрых намерений установления торговых отношений с Японией и агрессивного-разнузданного методов, коими русские (впрочем, без официального разрешения петербургских властей) пытались этого добиться. Так, упомянутое письмо Хвостова написано порою в угрожающем тоне, а подпись под ним гласит – «От России» (!). Возможно, это один из ярких примеров того, в какие неприглядные формы могли выливаться представления о великой России у российских военных, разозленных неуступчивостью маленькой островной страны.

В докладе **Е.Б. Сахаровой** (ИБКА РГГУ) «“Записи о драгоценных для страны добрососедских отношениях” (“Дзэнринкоку хоки”, 1470 г.): первый сборник дипломатической переписки» рассказывалось об истории и целях создания этого

исторического памятника, его структуре, программных установках, изложенных его составителем – монахом Дзукэем, в предисловии к источнику.

В.Н. Кудояров (Токийский университет) рассказал об инциденте с британским кораблем «Фаэтон» и его последствиях. В 1808 г. корабль «Фаэтон» вошел в порт Нагасаки под голландским флагом и захватил двух голландцев в качестве пленников. Инцидент показал неспособность властей Нагасаки оказать военный отпор, актуализировал вопрос о необходимости укрепления морской обороны. В то же время он побудил японцев переводить западные труды по судостроению, математике и инженерии, а также составить первый англо-японский словарь. Наряду с изучением голландского языка была осознана необходимость изучать и английский.

С.А. Родин (ИВКА РГГУ) рассказал о «Дзинкокуки» («Записях о людях различных провинций»), автор и дата составления неизвестны, по-видимому, начало XVII века. Это первый японский источник, целиком посвященный идее о влиянии природных условий на формирование характера человека и рассказывающий в контексте этой идеи о жителях всех провинций Японии. Докладчик отметил определенную географическую неравномерность – жители центрального района Кинай, и особенно восточной Японии оказались наделены особыми добродетелями, разумеется, географически детерминированными.

А.Н. Мещеряков (ИВКА РГГУ) проанализировал отношение известного японского ученого Нисикава Дзёкэн (1648–1724) к проблеме культурных заимствований – важной и чувствительной для Нисикава и многих его современников, понимавших, сколь многим Япония обязана Китаю. Нисикава выдвигает концепцию адаптации заимствований японскими мудрецами и богами, прекрасно понимавшими, что можно и что нельзя использовать в неизменном виде. Такая проблема и идея ее разрешения, безусловно, сохранили актуальность и в последующие периоды японской истории.

Е.Л. Скворцова (ИБ РАН) рассмотрела основные проблемы самобытности японской культуры, поставленные в работах известной отечественной исследовательницы Т.П. Григорьевой и американки японского происхождения Т. Сугиямы-Лебра.

Доклад **А.А. Борисовой** (СПбГУ) был посвящен жизнестойкости системы *измото* на примере школы игры на кото Саваи. Слова докладчицы о попытке Саваи Тадао и Саваи Кадзуэ избавиться от традиционных иерархических ценностей вызвали очень эмоциональные критические замечания Н.Ф. Голубинской и В.П. Мазурика, не понаслышке знакомых с тем, как работает данная система: Наталья Федоровна обучалась игре на кото у японских наставников, а Виктор Петрович многие годы изучает чайную церемонию. Реакция исследователей, знакомых с системой *измото* изнутри, еще раз подчеркнула, сколь велика ее роль даже в условиях современности.

Доклад **Е.С. Штейнера** (ВШЭ) «Любви напрасный труд, или Русский путь из японофилов в японофобы» был посвящен межкультурной коммуникации российских путешественников и резидентов Японии с японцами. Главным материалом для исследования послужил неопубликованный труд священника И.Н. Серышева (1883–?), хранящийся в Бахметьевском архиве библиотеки Колумбийского университета. Как и многие заочно полюбившие Японию русские, И.Н. Серышев, оказавшись в Японии, прошел путь от прежнего обожания к неприятию Японии и ее культуры. Доклад вызвал дебаты. Как

справедливо заметил А.Н. Мещеряков, похожий путь проделали и многие японцы, ездившие учиться в Европу и Америку в начале эпохи Мэйдзи. Заочная любовь зачастую не выдерживала встречи с суровой действительностью. Любить чужую культуру, как и другого человека, такими, каковы они есть, – долгий и нелегкий путь, невозможный без любви и отваги.

У организаторов и участников конференции, думается, запас любви и отваги внушительный. Ведь за 18 лет конференция прошла немалый путь. Хронологически стала ровнее (поначалу был заметный перекося в сторону древности и чрезвычайно мало докладов по эпохам Камакура и Муромати), тематически – разнообразнее. Как сказал в заключительном слове А.Н. Мещеряков, – «У нашей конференции есть и неизменное ядро, и приток свежих новых исследователей». Пожелаем конференции дальнейших успехов и долгих лет жизни!

Поступила в редакцию 18.03.2016

Автор:

Сахарова Евгения Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории и филологии Дальнего Востока, ИВКА РГГУ. E-mail: saharovae@gmail.com

The 18th Annual International Conference «History and Culture of Japan»

E.B. Sakharova

The 18th Annual International Conference “History and Culture of Japan” was held in Moscow, at Russian State University for the Humanities on February, 17-19. The conference was organized by Institute for Oriental and Classical Studies of Russian State University for the Humanities. 45 scholars in various fields took part in the conference (History, Philology, Arts, etc.). Many papers examined different aspects of Japan’s communication with external world - cartography, conception of barbarians and foreigners in ancient and medieval Japan, European painting and music in Meiji Japan, etc. Some presented papers offered new archival sources, making the Conference a significant event in Japanese studies.

Keywords: conference, History and Culture of Japan, Institute for Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities.

Author:

Sakharova Evgeniya B., Ph.D. (History), Associate Professor at the Department of History and Philology of the Far East, Institute for Oriental and Classical Studies of Russian State University for the Humanities. E-mail: saharovae@gmail.com

Научное издание

Японские исследования

Редактор русских текстов: Е.В. Белилина

Редактор английских текстов: Л.В. Овчинникова

Компьютерная верстка: Т.И. Суркова

Сайт: О.И. Казаков

Контакты:

- Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- E-mail: japanjournal@mail.ru
- Тел.: (499) 124 08 02

www.ifes-ras.ru/js

日本研究